

ГЛАВА III.

ЖЕНСКАЯ ЛИЧНОСТЬ ВЪ ПОЛОЖЕНІИ ЦАРИЦЫ.

Особенныя условія этого положенія. Причины, которыми вызваны такія условія. Государевы браки. Исторія государевыхъ невѣстъ. Призваніе царицыной личности.

Мы видѣли, что русскій допетровскій вѣкъ не признавалъ женскую личность самостоятельнымъ членомъ общества. Въ обществѣ у ней не было своего самостоятельнаго мѣста. Самостоятельное мѣсто она имѣла только въ семьѣ. Но и здѣсь смыслъ ея самостоятельности колебался между отцомъ семьи, ея мужемъ, и ея же дѣтьми, такъ что предъ лицомъ отца семьи, своего мужа, она была столько же зависимою, малолѣтною въ своихъ правахъ, какъ и всѣ его дѣти. Затѣмъ, внѣ семьи, женская личность совсѣмъ уже теряла свои самостоятельныя права и приравнивалась къ общественнымъ сиротамъ, т. е. къ людямъ, которые никакими самостоятельными правами въ обществѣ не пользовались. Руку помощи ей подавала уже церковь, принимавшая подъ свою защиту всѣхъ сирыхъ и убогихъ. Церковь же, по необходимости, указывала женской личности лишь одинъ путь нравственно-самостоятельной жизни — монастырь. Это былъ въ дѣйствительности единственный путь не только для спасенія, но и для самостоятельнаго, сколько нибудь независимаго положенія въ общественной жизни. Оттого иноческій идеалъ становится для женской личности исключительнымъ и самымъ высшимъ идеаломъ существованія, ибо въ немъ одномъ только она и находитъ удовлетвореніе своимъ нравственнымъ

самостоятельнымъ стремленіямъ. Между семьею и монастыремъ нѣтъ ей въ обществѣ мѣста; помимо семьи и помимо монастыря нѣтъ ей въ обществѣ дѣла, нѣтъ подвига, которые могли бы придавать ей жизни, хотя бы въ такой же мѣрѣ, самостоятельный, независимый смыслъ¹. Какъ скоро она останавливалась между этими двумя сферами предназначенной ей дѣятельности, стремясь найти для себя какую либо иную точку опоры въ общественной жизни, — она тотчасъ пріобрѣтала смыслъ лица зазорнаго. Общество въ такихъ случаяхъ всегда приходило въ великое смущеніе: всякое общественно-самостоятельное положеніе женской личности оно почитало невыразимымъ срамомъ не столько даже для личности женщины, сколько именно для самого себя. Однажды (въ 1418 г.) случилось въ Новгородѣ, — о которомъ составлено понятіе, что тамъ женщина пользовалась бѣльшею свободою, чѣмъ гдѣ либо въ старой Руси; — народъ поднялся на боярина Данила Ивановича Божица и казнилъ его ранами близъ смерти, т. е. сталъ бить его чуть не до смерти. „Было же и это дивно, прибавляетъ тамошній лѣтописецъ, — или на укореніе богатымъ, обидящимъ убогія, или казнь діавола: — жена нѣкая, отвергнувъ женскую немощь, взявши мужскую крѣпость, выскочивъ посреди сонмища, дастъ ему (боярину) раны, укоряючи его, какъ неистова глаголющи: яко обидима есмь имъ“². Событіе, въ самомъ дѣлѣ, до чрезвычайности дивное по старымъ русскимъ понятіямъ, которое въ дѣйствительности имѣло смыслъ дьявольской казни, потому что исполнителемъ этой казни являлась женская личность, принимавшая на себя подвигъ совѣтъ ей несвойственный, не потому однакожъ несвойственный, что въ немъ унижалось достоинство женственныхъ нравовъ, а потому собственно, что здѣсь женщина являлась мужчиною, становилась поносителемъ мужской личности. Когда боярина били мужчины, — это было обычное дѣло: ничего тутъ не было чрезвычайнаго, дивнаго; но какъ скоро на него же поднялась рука женщины, — это становилось уже чудомъ и объяснить такой случай возможно было только казнью дьявола, чрезвычайнымъ укореніемъ и поношеніемъ именно тѣхъ людей, которые слыш-

¹ Котошихинъ: А которые дѣвицы бываютъ увѣчны и стары, и замужъ ихъ взяти за себя никто не хочетъ: и такихъ дѣвицъ отцы и матери по-
срагають въ монастырѣхъ, безъ замужества.

² П. С. Р. Л. III, 136.

комъ высоко себя ставили предъ людьми простыми, бѣдными. Женщина была обижена бояриномъ и, конечно, имѣла такое же право мстить ему свою обиду, какъ и всѣ мужчины, и при томъ въ такой же новгородской формѣ, потому что эта форма, побой, была, какъ бы сказать, самою натуральною формою народной расправы съ виновникомъ. Мы приводимъ этотъ мелкій случай, какъ черту общаго склада понятій о женской личности, по которому всякій ея общественно-свободный шагъ почитался дѣломъ въ высшей степени зазорнымъ. Какое поношеніе для мужчины могло равняться съ побоями отъ женщины. Это была на самомъ дѣлѣ казнь дьявола, выставленная лѣтописцемъ, какъ событіе поразительное.

Таковъ былъ общій смыслъ положенія женской личности въ нашемъ старомъ допетровскомъ обществѣ. Приступая къ разъясненію ея частнаго положенія и притомъ положенія высокопоставленнаго, именно положенія женской личности съ значеніемъ царицы, мы находимъ, что въ силу особенныхъ, исключительныхъ условій жизни, это положеніе становилось для нея еще стѣснительнѣе. Если въ общемъ быту народа личность женщины является жертвою семейнаго начала, то женщина — царица является жертвою уже не одного семейнаго начала, но сверхъ того и жертвою государственныхъ идей, которыя, хотя и возносятъ ея лицо на высоту недостижимую, но въ то же время ограничиваютъ смыслъ ея доли исключительно значеніемъ родительницы, значеніемъ почвы, въ которой не долженъ изсягнуть корень государственнаго рода. Государственные идеи вслѣдствіе такого значенія царицыной личности, ограждаютъ ее такими заботами о сохраненіи почвы рода, что въ нихъ эта личность совсѣмъ уже исчезаетъ для общества, какъ равно и для собственной своей самостоятельности. Чтобы указать причины, которыя способствовали поставить въ такое положеніе весь бытъ царицы, необходимо припомнить исторію московскаго самодержавія, внутреннюю, домашнюю исторію московскаго государя и его двора.

Мы уже говорили, что въ древнерусскомъ обществѣ понятіе о самостоятельности лица, о человѣческой свободѣ и независимости, было неравнѣнно съ понятіемъ о самовластіи; что идеалъ достойной личности былъ въ то же время идеаломъ личности самовластной; что самостоятельность личности иначе не представлялась тогдашнему уму, какъ въ формѣ поступковъ и подвиговъ самовластныхъ. Естественно также, что въ понятіи о самовла-

стія лежало нераздімно и понятіе о единовластія, ибо само-властіе, по существу своей идеи, не могло терпѣть подлѣ себя соперника, или совмѣстника своей жизни; оно совсѣмъ исключало, совсѣмъ отвергало всякую сколько-нибудь равную себѣ силу. Въ этомъ именно смыслѣ именуется самовластцемъ земли и Ярославъ Великій, когда онъ остался подъ конецъ ея единовластителемъ; въ томъ же смыслѣ говорится и объ Андрѣ Боголюбскомъ, что онъ хотѣлъ быть самовластцемъ, т. е. полнымъ, ни отъ кого и ни отъ чего независимымъ господиномъ своего княжества.

Весьма естественно, что когда князья по идеалу Ярослава и Андрея сдѣлались самостоятельными въ своихъ княжескихъ вотчинахъ, они иначе и не могли понять свою самостоятельность, какъ только въ формѣ самовластія, которое въдобавокъ еще сильнѣе укрѣплялось сознаниемъ, что лицо князя есть лицо господина земли вообще, что князь не напрасно носитъ мечъ, а на казнь злымъ и въ защиту добрымъ. Извѣстно, что на этотъ путь княжескаго самовластія наша исторія явно стала выходить еще со второй половины XII вѣка. Извѣстно также, что шаги ея въ этомъ направленіи были ускорены татарскимъ разгромомъ. Съ этого времени совсѣмъ угасаетъ идея родовой власти, т. е. идея о живомъ единствѣ, о живой связи княжескаго рода, а стало быть о взаимной круговой зависимости князей другъ отъ друга. Незамѣтно, они все болѣе и болѣе становятся чужими другъ другу; съ тѣмъ виѣсть гаснетъ и сознание о живомъ единствѣ Русской земли. Русская земля „разносится розно“, дробится на части и каждая часть начинаетъ жить особо, опрично, отдѣляя себя отъ общихъ интересовъ и заботливо преслѣдуя одни только свои особные, опричные интересы. Главною руководящею силою жизни въ княжескомъ быту становится господарство, т. е. отдѣльная вотчинная собственность. Она служитъ основой независимости, а стало быть и основой самовластія. Русская земля дѣлится между множествомъ самовластцевъ. Въ этомъ заключается форма политическаго ея быта и существо ея исторической жизни и дѣятельности.

Существомъ этой жизни была конечно борьба, кровавая борьба земскаго разрозненнаго самовластія, борьба опричныхъ княжествъ, опричныхъ господарствъ, за свою самостоятельность, т. е. на самомъ дѣлѣ за самостоятельность своего самовластія, ибо много понятія о самостоятельности, какъ мы сказали, въ

то время не было. Для самостоятельности съ этимъ смысломъ не было никакихъ границъ, не лежало въ ней ничего человѣчнаго, ничего нравственнаго, ничего даже политическаго, общаго. Это было простое буйство однихъ лишь своекорыстныхъ княжескихъ цѣлей. Поэтому и для достиженія такихъ цѣлей употреблялись всяческія средства безъ малѣйшаго разбора и безъ малѣйшей нравственной ихъ оцѣнки.

Русская земля была отдана на разстерзаніе княжескому произволу, который, какъ звѣрь, ждалъ всюду добычи, подстерегалъ ее, хваталъ ее при первой возможности, надѣясь лишь на одну силу, хитрость и всякое коварство, свойственное его хищной природѣ. „Рекоста бо братъ брату: *се* мое, а *то* мое же; и начаша про малое, се великое молвити, а сами на себя крамоу ковати.... Тогда сѣялись и вырастали усобицы, погибала жизнь, въ княжескихъ крамолахъ вѣки человѣкамъ сокращались. Тогда по русской землѣ рѣдко пахари покривали, но часто грабили враны, дѣлаче себѣ трупы....“ Само собою разумѣется, что изъ такого положенія дѣла ничего другаго не могло выйти, какъ именно то, что въ дѣйствительности и вышло. Кто нибудь одинъ, сильнѣйшій и хитрѣйшій, долженъ былъ одолѣть всѣхъ. На такомъ пути поставлена была вся жизнь Земли. Другаго выхода, другаго разрѣшенія задачи не видѣлось ни гдѣ и ни въ чемъ. Къ тому же Земля слишкомъ сильно чувствовала свое племенное и нравственное единство и вовсе не думала создавать изъ себя федерацію княжескихъ, а въ сущности помѣщичьихъ вотчинъ. Рознь жизни была не по ея уму. Въ этомъ умѣ жило святое слово *Русь*, которое всегда и зывало къ единству. Этотъ умъ Земли долженъ былъ наконецъ подняться и возсоздать въ новой формѣ то, что было начато давно уже, еще въ первые вѣка ея исторіи.

Собирателемъ разнесенной розни Земли или иначе сильнѣйшимъ и хитрѣйшимъ изъ самовластцевъ явился князь Московскій. Являлись и другіе: путь былъ открытъ не для него одного. Но Московскій осилилъ всѣхъ и осилилъ особенно по той причинѣ, что личное вотчинное свое дѣло, тотчасъ же освѣтилъ свѣтлымъ лучомъ общей земской политической цѣли. Онъ высоко поднималъ знамя единства *всѣя Руси* и крѣпко держалъ его до конца своего подвига. Принимая на свои руки это дорогое наследство первыхъ вѣковъ русской исторіи, Московскій князь конечно долженъ былъ отвѣтить за все, долженъ былъ распла-

То, что ходило прежде по всей землѣ, собралось теперь въ одно мѣсто. Мелкіе и крупные самовластцы земли собрались въ одинъ дворъ московскаго господаря. Междоусобіе, ходившее по всей землѣ сосредоточилось теперь въ одномъ городѣ и по необходимости приняло другой видъ, взялось за другое оружіе.

Собираніе земли, къ концу XV вѣка, привлекло въ Москву много князей и княжескихъ бояръ — дружинниковъ, которые изъ независимыхъ, самовластныхъ вотчинниковъ сдѣлались, волею или неволею, слугами московскаго вотчинника, его холопами. Всѣ они однакожъ понимали московскаго князя, какъ насильника, какъ одного изъ такихъ же вотчинниковъ, который, какъ сильнѣйшій, ради своего несытства, угнетеніемъ и притѣсненіемъ, отнималъ и вотчины, а съ ними и свободу у другихъ, слабѣйшихъ, въ томъ только и виновныхъ, что не въ силахъ они были съ нимъ бороться и некуда имъ было уйти отъ его могущественной и жестокой руки. Всѣ они московское *государственное* дѣло понимали личнымъ дѣломъ московскаго князя, и почитали этого князя личнымъ себѣ врагомъ, простымъ грабителемъ. Не могъ, конечно, и московскій князь, особенно въ началѣ, сознавать, въ полной мѣрѣ и во всей чистотѣ, государственную, обще-земскую высоту своего призванія; и онъ точно также понималъ свою задачу не столько государственнымъ смысломъ, сколько смысломъ вотчинника, смысломъ личного владѣнья землею. Но по ходу исторіи въ его вотчинническомъ дѣлѣ воплощалось дѣло всей земли. Это самое, даже противъ его сознанія, увлекало всю его дѣятельность на свой путь, на которомъ смыслъ вотчинника съ жизненною постепенностью долженъ былъ претвориться въ смыслъ государя, уже не вотчинника, а главнаго и перваго слуги для всей земли. Но пока совершился такой выходъ исторіи, княжеская старина должна была по праву самой жизни прожить и отжить свой вѣкъ, такъ сказать, въ своемъ собственномъ тѣлѣ. Какъ извѣстно, въ этомъ тѣлѣ всѣ члены были равны своею круговою связностью. По крайней мѣрѣ въ немъ была еще жива крѣпкая память о такомъ равенствѣ. Московскій князь сталъ проводить новину, началъ всѣми силами выбиваться изъ этого равенства, а потому его борьба съ своими сверстниками по происхожденію и по старому дружинному праву по необходимости являлась только личной, въ полномъ смыслѣ такую же междоусобною борьбою, какая прежде терзала всю землю, а теперь должна была терзать го-

сударевъ дворъ. Московскій князь выбивался изъ равенства отношеній, а остальные князья и дружинники, собранные въ его дворъ, добивались этого равенства, т. е. добивались сохранить уже одряхлѣвшую старину въ полной силѣ. Само собою разумѣется, что борцы не разбирали средствъ, не останавливались ни предъ какими средствами, чтобы сломить противника. Они жили въ такой вѣкъ, когда объ этомъ много и не думали. Всѣ они воспитаны были въ тѣхъ понятіяхъ, а главное въ самыхъ тѣхъ дѣлахъ, которые свидѣтельствовали, что существуетъ одно право для людскихъ отношеній, это — самовластное право сильного, и что это право принадлежитъ всякому, кто съумѣетъ имъ воспользоваться. И они употребляли всяческія средства, чтобы дѣйствительно имъ пользоваться. Въ Москвѣ такимъ образомъ вгнѣздилось столько олигархическихъ началъ, столько олигархическихъ стремленій, что борьба съ ними должна была продолжиться на цѣлое столѣтіе. Она же должна была вырастить свой страшный плодъ, этого неслыханнаго по кровавизитію бойца въ лицѣ Ивана Грознаго, который самъ же въ немногихъ словахъ, но вполне вѣрно и точно опредѣлялъ истинный смыслъ своей личности и своей исторіи. Онъ писалъ Курбскому: „Похищеньемъ, или ратью, или кровью сълъ я на государство? Я народился на царствѣ Божьимъ изволеньемъ; я взросъ на государствѣ.... за себя я сталъ! Вы почали противъ меня больше стояти, да измѣнати; и я потому жесточайше почалъ противъ васъ стояти; я хотѣлъ васъ покорить въ свою волю....“¹. Курбскіе и братія, конечно, не могли понять этихъ рѣчей. Они готовили для русской жизни польскую форму государственной власти². А русскій земскій смыслъ никакъ не могъ понять польской формы, т. е. боярскаго владычества надъ землею и стало быть владычества боярскаго челяди (шляхты). „Здѣсь не Польша, есть и больше“, говаривалъ русскій земскій смыслъ, давая тѣмъ знать, что у него есть точка опоры, есть третье лицо, способное, рано ли, поздно ли, защитить его, стать на его сторону, т. е. въ сущности стать на сторону законнаго суда и справедливости. Вотъ изъ за чего и шла долгая, большею частію подземная борьба въ московскомъ дворцѣ, которая была

¹ Исторія отношеній между Русскими князьями, г. Соловьева, 684.

² Мысли и замѣтки о русской исторіи, г. Кавелина. Вѣстникъ Европы 1866 г. т. II, 375.

московскимъ только продолженіемъ старой исторіи кievской, суздальской, рязанской, тверской и т. д.

Бой на открытомъ полѣ былъ проигранъ. Бороться силою сильнаго, равною силою, было уже невозможно, не мыслимо. Въ Москвѣ, по необходимости представилось другое поле, на которомъ возможно было искать побѣды силою слабого. На этомъ полѣ нерѣдко совершались удивительныя дѣла. Сила слабого нерѣдко становилась не въ примѣръ страшнѣе открытой силы. Какаяжъ была эта сила? Это была сила вообще угнетенныхъ, поработенныхъ людей, потерявшихъ возможность вести открытую борьбу; сила тайныхъ заговоровъ и козней, сила предательства, доноса, клеветы, сила всякаго коварства, всякаго потаеннаго *лиха*, и особенно сила лихаго зелья, т. е. порчи и отравы, которая, по суевѣрнымъ представленіямъ вѣка, являлась обыкновенно въ образѣ волшебства и чародѣйства. Эта послѣдняя сила сдѣлалась страшилищемъ, предъ которымъ трепетало все общество Москвы до послѣдняго человѣка, сколько нибудь значимаго для подыскателей чужой гибели. Отъ этой силы было мудрено укрыться даже въ собственныхъ хоромахъ, даже въ самыхъ сокровенныхъ клѣткахъ этихъ хоромъ. Она была ежеминутно направляема противъ всякаго, забиравшаго въ свои руки какую либо власть, а тѣмъ больше власть государственную, дворовую. И само собою разумѣется, съ особенною энергіею, въ началѣ, она была направляема противъ главнаго и непосредственнаго представителя самовластной идеи, противъ главнаго выразителя самовластныхъ началъ жизни и главнаго виновника самовластныхъ дѣлъ, уничтожавшаго всякую возможность прямого, открытаго боя, всякое малѣйшее съ нимъ совмѣстничество. Тайная, скрытая, подземная вражда и ненависть къ побѣдившему самовластью, которое, къ тому же, непереставало оскорблять, унижать и всячески изводить противную себѣ среду, — эта-то вражда и поднимала всевозможные ковы на государя. Она зорко слѣдила за каждымъ шагомъ самовластителя, за каждымъ мелочнымъ происшествіемъ его домашней жизни, за каждымъ событіемъ въ его семействѣ. Собирался ли государь жениться, она портила его невѣсту и отнимала у него любимую женщину; она портила его супругу, его дѣтей. Разводился ли государь съ женою по случаю неплодія и женился на другой, она распространяла слухъ, что оставленная неплодная царица разрѣшалась отъ бремени наслѣдникомъ. Умиралъ ли у госу-

даря сынъ, она распространила слухъ, что онъ живъ и удаленъ отъ царства лишь кознями близкихъ къ государю людей. Въ ѣству и питъе, въ платье и во всякую обиходную вещь она клала или всегда была готова положить лихое зелье и коренье, и на смерть, и на потворство, или прилюбленъе, что равно было опасно. Конечно, по большой части, такіа обстоятельства являлись одними только сплетнями, которыми обыкновенно боролись между собою мелкіе самовластцы изъ боярства, низвергая ими другъ друга съ высоты государскихъ милостей; но бывали и настоящія дѣла. Нельзя было вѣрить ни кому. Необходимо было беречься отъ людей всякаими мѣрами. Известно, что при в. к. Иванѣ Васильевичѣ, во время его домашней смуты съ сыномъ Василюмъ о наслѣдіи престола, даже его супруга, гречанка Софья, прибѣгала къ ворожбѣ; и къ ней приходили „бабы съ зелиемъ“, отчего и съ нею, съ своею женою, государь долженъ былъ жить въ береженіи ¹.

Что дѣйствительно жизнь и здоровье московскаго государя часто находились въ опасности отъ козней потаенныхъ враговъ, на это указываетъ весь складъ дворовыхъ его порядковъ, получившихъ свое начало большею частію именно въ то время, какъ сдѣлался онъ самодержцемъ всея Руси. Эти-то дворовые порядки лучше всего и объясняютъ намъ, что московскій государь, не смотря на свою великую власть и грозное свое могущество, грозное могущество даже одного своего слова, не смотря на эту непомѣрную силу сильнаго, чувствовалъ, что онъ не имѣетъ силы, чувствовалъ, что онъ находится въ постоянной, самой крѣпкой, тѣсной и тяжелой осадѣ отъ силы слабого. Окончивъ съ полнымъ торжествомъ войны большими походами, войны открытыя, явныя для всей земли, онъ принужденъ теперь внутри своего двора вести инныя войны, безъ всякихъ шумныхъ и громкихъ походовъ, войны тихія, медленныя, никому неслышныя и незримыя, и еще болѣе ожесточенныя.

Чтобы понять всю силу этого нравственнаго растлѣнія, которое охватило все собравшееся въ Москвѣ общество самовластцевъ и олигарховъ, необходимо войти въ нравственный складъ тогдашнихъ убѣжденій; надо понять законъ, который вообще въ древнее время руководилъ всякою борьбою враговъ. По тогдашнимъ понятіямъ, защищать себя отъ врага, значило

¹ П. С. Р. Л. VI, 279.

самому первому нападать на него; такъ, какъ и побѣждать врага, значило совсѣмъ истреблять его. Къ тому же жизнь человѣческая цѣнилась въ то время очень дешево, несравненно дешевле всякихъ, даже эгоистическихъ цѣлей и стремленій; несравненно дешевле всякой, даже эгоистической необходимости. Какъ скоро цѣли и необходимости возвышались сколько нибудь до общихъ интересовъ, то понятіе о врагѣ низводилось до понятія о простой ненадобной и вредной вещи, которую истреблять почиталось дѣломъ естественнымъ и обычнымъ. Мы знаемъ, что такія понятія существовали въ нашемъ обществѣ и особенно въ средѣ государственныхъ и олигархическихъ стремленій, очень долго. Когда, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, сынъ Ордына-Нащокина бѣжалъ тайно за границу, то самый гуманный изъ древнихъ нашихъ царей, посылалъ къ несчастному отцу подъячаго съ такимъ наказомъ: „Аеонасю говорить, чтобъ онъ объ отъѣздѣ сына своего не печалился и въ той печали его утѣшать всячески и великаго государя милостію обнадеживать.... о сынѣ своемъ промышлялъ бы всячески, чтобъ его, поймавъ, привести къ нему; за это сулить и давать 5, 6 и 10 тысячъ рублей; а если его такимъ образомъ промышлять нельзя, и если Аеонасю надобно, то сына его *известн* бы *тамъ*, потому что онъ отъ великаго государя къ отцу отпущенъ былъ со многими указами о дѣлахъ и съ вѣдомостями. О небытіи его на свѣтѣ говорить не прежде, какъ выслушавши отцовскія рѣчи, и говорить, примѣрившись къ нимъ. Сказать Аеонасю; вспомни, что больше этой бѣды впередъ уже не будетъ; больше этой бѣды на свѣтѣ не бываетъ“¹. Весьма понятно, что въ эпоху утвержденія самовластныхъ идей, въ эпоху безпощадной кровавой борьбы этихъ идей, подобныя убѣжденія принимались живѣе и воплощались въ дѣло безъ всякихъ оговорокъ и гуманныхъ соображеній. И такъ какъ открытой борьбы вести было уже нельзя, то враги и съ той и съ другой стороны очень часто вели ее скрытными подземными путями.

Самая страшная и наиболѣе опасная сила невидимыхъ враговъ, отъ которой государю дѣйствительно пришлось сѣсть въ осаду, затвориться въ своихъ хоромахъ, какъ въ крѣпости, была, какъ мы упоминали, порча лихимъ зельемъ, отравы, а съ нею нераздѣльно всякое волшебство и чародѣйство.

¹ Г. Соловьева: *Исторія Россіи*, XI, 96

Въ тотъ суевѣрный вѣкъ въ самомъ дѣлѣ трудно было отличить отраву отъ невиннаго вѣдовства и колдовства, зелье-коренье вредное, отъ безвреднаго, ибо и то и другое являлось подъ однимъ покровомъ таинственныхъ суевѣрныхъ дѣйствій, въ обстановкѣ разныхъ волшебныхъ наговоровъ и заговоровъ, направленныхъ на человека съ различными цѣлями, даже съ цѣлью привлечь къ себѣ его любовь и милость; трудно было разобрать, гдѣ являлось пустое только суевѣріе и гдѣ оно несло въ дѣйствительности страшныя средства отравы. Между тѣмъ явныя всѣмъ дѣла, явная гибель нѣкоторыхъ лицъ, именно отъ лихаго зелья и порчи, указывали на одну только эту страшную силу чародѣйства. Вотъ почему пустая волшба и настоящая отрава становились одинаково опасными, возбуждали одинаковый страхъ вездѣ, гдѣ обнаруживались и малѣйшіе признаки лишь одного пустаго суевѣрія.

Чтобы оградить и защитить себя отъ этого *лиха*, государю было необходимо жить каждый часъ съ великими предосторожностями, необходимо было изъ своего дворца устроить въ дѣйствительности самую недоступную и неприступную крѣпость. Съ этою цѣлью и появились тѣ дворцовые порядки, обычаи и обряды, которые способствовали такому отдаленію государевой особы отъ его подданныхъ. Въ рукахъ суевѣровъ-друзей и суевѣровъ-враговъ питье, ѣда, платье, всякая послѣдняя мелочь домашняго обихода становились орудіемъ ихъ потаенныхъ козней. Необходимо, было уберечь себя отъ этихъ козней и не только отдать весь домашній обиходъ въ руки самыхъ испытанныхъ, вѣрныхъ и преданныхъ людей, но необходимо также было ежечасно испытывать эту вѣрность и преданность. Необходимо было, чтобы напр. питье, какъ и ѣства, прежде чѣмъ дойдутъ въ руки государя, постоянно испытывались всѣми подающими въ глазахъ принимающаго. Ключникъ долженъ былъ испытывать, ставя ѣству на столъ предъ дворецкимъ; дворецкій долженъ былъ испытывать, отдавая ее столънику, несть передъ государя; кравчій, принимая блюдо отъ столъника, долженъ былъ покушать въ глазахъ государя прежде, чѣмъ поставить къ нему на столъ. „А чашиникъ, какъ поднесетъ пить государю, самъ отоьетъ въ ковшъ и выпьетъ, потомъ поднесетъ къ государю“. Тоже самое происходило и со всѣми лѣкарствами, въ случаѣ государевой болѣзни. Опальный бояринъ Матвѣевъ писалъ къ царю Федору Алексѣевичу, выставляя свои

дворцовыя заслуги: „какого лѣкарства послѣ вашихъ государскихъ пріемовъ оставалось и тѣ лекарства при васъ великомъ государѣ, выпивалъ я, холопъ твой.... принявъ у тебя, великаго государя, рюмку, и что въ ней останется, на ладонь вылью и выпью.... Вашъ государскій чинъ обдержитъ, когда вы составы докторскіе изволите принимать, и при васъ, вел. государяхъ, только чинъ исправляютъ, накушиваютъ малѣйшую долю; а что я, холопъ твой, выпивалъ, и то угождая тебѣ, в. государю, и чаю, паче, что усугублю милость твою государскую къ себѣ“¹.

Такая же самая мелочная и усердная предосторожность являлась всюду, во всякомъ мелкомъ и пустомъ дѣлѣ, примѣры чему мы увидимъ ниже и отчасти уже видѣли въ 1 томѣ этого сочиненія, стр. 206—207, при описаніи постельной комнаты.

Словомъ сказать береженіе государскаго здоровья, какъ и здоровья всѣхъ членовъ его семьи, отъ напастей волшбы и порчи, было ведено во всемъ дворцѣ до того осмотрительно и наблюдалось съ такимъ необычайнымъ вниманіемъ ко всякой сомнительной, а слѣд. и подозрительной мелочи, что въ этомъ отношеніи государевы хоромы становились совершенно неприступными. Это была крѣпость, защищенная самымъ надежнымъ и самымъ тяжелымъ нравственнымъ оружіемъ — подозрительностью, которая, какъ мы сказали, мало довѣряла даже самымъ вѣрнымъ и испытаннымъ людямъ. Само собою разумѣется, что для укрѣпленія этой крѣпости отъ напастей всякаго нравственнаго зла прежде всего требовалось укрѣпить всѣхъ защищавшихъ ее людей нравственною отвѣтственностью. Сколько бы ни были они вѣрны, надобно было эту вѣрность запечатлѣть святою присягою, крестнымъ цѣлованьемъ. Является надобность въ крестоцѣловальныхъ записяхъ, которыя сначала принимались на каждый частный, отдѣльный случай, а впослѣдствіи вошли въ одну общую государственную запись клятвы вообще на службу государю.

Если въ первое время борьбы самовластныхъ стремленій потребовались клятвенныя крестоцѣловальныя записи въ томъ, чтобы не отъѣхать, не убѣжать отъ государя, не измѣнить ему, то еще необходимѣе было требовать такихъ же клятвенныхъ записей отъ лицъ, служившихъ *во дворѣ* государя, служившихъ

¹ Исторія о невинномъ заточеніи Матвѣева, М. 1785, стр. 8 и 9.

прямо и непосредственно его лицу. Вотъ почему, мы думаемъ, что такія записи должны были появиться въ то самое время, какъ только московскій государь сталъ постепенно усаживать въ свои дворцы, какъ въ крѣпости, отъ злыхъ потаенныхъ козней. Къ тому же и требованія подобныхъ записей не могли ограничиться общими словами, какъ было въ общихъ записяхъ, гдѣ въ общихъ выраженіяхъ „*лиха* никакого ни какъ не хотѣти, не мыслити, ни думати, ни дѣлати никакими дѣлы, ни которою хитростію“ — скрылись всѣ частныя подробности, всѣ роды и виды лихихъ дѣлъ. Здѣсь, напротивъ, эти роды и виды лихихъ дѣлъ необходимо было поименовать ясно и отчетливо, прямо указать на нихъ, прямо обозначить то, въ чемъ именно обнаруживалось лихое дѣло. Мы должны также имѣть въ виду, что въ записи клятвы вносились указанія на совершившіеся уже факты лихихъ дѣлъ, которые и приводились въ ней, какъ примѣры того, что въ дѣйствительности бывало. В. К. Василій, отецъ Грознаго, даже въ общую запись внесъ клятву: „*о зельѣ о лихоми*, кто станетъ говорити, чтобы дати государю или его в. княгинѣ, или ихъ дѣтемъ, какое *зелье лихое*....“¹. Такимъ образомъ, мы имѣемъ полное основаніе заключать, что въ частныхъ, такъ сказать, видовыхъ клятвенныхъ записяхъ, какими были всѣ записи дворовыхъ людей, сохранилось еще больше подробностей.

Къ сожалѣнію любопытный текстъ этихъ записей не дошелъ до насъ. Въ-первые мы встречаемъ подробныя обозначенія лихихъ дѣлъ только въ извѣстной *подкрестной* записи Годунова. Въ ней лихіе дѣла обозначены слѣдующимъ образомъ: „такъ же мнѣ надѣ государемъ своимъ, ц. и в. к. Борисомъ Ѳедоровичемъ в. р., и надѣ царицею и в. к. Марьею, и надѣ ихъ дѣтми, надѣ царевичемъ Ѳедоромъ и надѣ царевною Оксиньею, въ *пстаѣ* и въ *питьѣ*, ни въ *платѣѣ*, ни въ *иномъ* ни въ чемъ лиха никакого не учинити и не *испортити*, и *зелья* лихого и *кореня* не давати, и не велѣти мнѣ никому *зелья* лихого и *кореня* давати; а кто мнѣ учнетъ.... давати, или мнѣ учнетъ кто говорити, чтобъ мнѣ надѣ государемъ.... и надѣ царицею, и надѣ ихъ дѣтми, какое лихо кто похочетъ учинити или кто похочетъ *портити*, и мнѣ того человека никакъ не слушати и *зелья* лихого и *кореня* у того человека не имати; да и людей

¹ С. Г. Г. № 163

своихъ съ *вѣдовствомъ*, да и со всякимъ лихимъ зельемъ и съ кореньемъ не посылати, и *вѣдумовъ* и *вѣдумей* не добывати.... на государьское.... на всякое лихо; также государя.... и его царицу.... и ихъ дѣтей, на *слѣду* всякимъ вѣдовскимъ мечтаниемъ не испортити, ни вѣдовствомъ по *вѣтру* никакого лиха не насылати и слѣду не вынимати, ни которыми дѣлы, ни которою хитростію; а какъ государь.... и его царица.... и ихъ дѣти, куды пойдутъ или куды пойдутъ, и мнѣ слѣду волшебствомъ не вынимати и всякимъ злымъ умышленьемъ и волшебствомъ не умышляти и не дѣлати ни которыми дѣлы.... а кто такое вѣдовское дѣло похочетъ мыслити или дѣлати, и изъ то свѣдаю, и мнѣ про того человѣка сказати государю.... а у кого увѣдаю или со стороны услышу.... кто про такое злое дѣло учнетъ думати и умышляти.... или кто похочетъ государя.... царицу.... и ихъ дѣтей, кореньемъ и лихимъ зельемъ и волшебствомъ испортити, и мнѣ того поймати и привести къ государю..... а не возмогу того поймати, и мнѣ про того сказати государю.... или его бояромъ, или ближнимъ людямъ, которому то слово донести до государя....“

Г. Соловьевъ перечисленіе въ этой записи особенныхъ видовъ зла, приписываетъ мелкодушію и подозрительности Годунова, присовокупляя, что: „еслибъ Годуновъ по своему нравственному характеру былъ въ уровень тому положенію, котораго добивался, то онъ не обнаружилъ бы такой мелочной подозрительности, какую видимъ въ присяжной записи и въ этомъ стремленіи связать своихъ недоброжелателей нравственными принудительными мѣрами....“ И далѣе: „Годуновъ.... явился на престолѣ бояриномъ и бояриномъ временъ Грознаго, неувереннымъ въ самомъ себѣ, подозрительнымъ, пугливымъ, неспособнымъ къ дѣйствіямъ прямымъ, открытымъ, привыкшимъ къ мелкой игрѣ въ крамолы и доносы, неумѣвшимъ владѣть собою....“¹. Такимъ образомъ Годуновская записъ въ своихъ подробностяхъ доставляетъ историкъ одну изъ тѣхъ красокъ, которыми онъ изображаетъ этотъ характеръ, обвиняя его въ мелочной подозрительности. Намъ кажется, что обвиненіе Годунова со стороны его записи въ мелкодушіи, въ мелочной подозрительности, неимѣетъ надлежащаго основанія. Въ этомъ съ такою же справедливостію мы должны обвинить поголовно всѣхъ царствовавшихъ самодерж-

¹ Исторія Россіи, VIII, 12, 17, 19.

жизнь до Петра, который первый стал выше всякого мелководия и всякой мелочной подозрительности, господствовавшей в московском дворце, приводившей в ужас все сердца и все умы в течение двух столетий, в течение именно того времени, в которое самовластная идея жила еще, так сказать, в личном образе государя, не переходя еще во всенародный образ государства, как выразил эту идею Петр. Как скоро личное перешло в общее, то сделались совершенно ненужными, излишними и все действительно мелочныя заботы о сохранении лица. Но до этого времени самовластная идея, в самовластной же олигархической среде, иначе и не могла существовать, как охраняя себя самою зоркою и мелочною подозрительностію. Ея друзья были еще очень слабы и потому очень измѣнчивы, а враги были очень сильны, сильны были всеобщимъ нравственнымъ растлѣніемъ, криводушіемъ, коварствомъ, лѣтнимъ, предательствомъ и т. д. Годуновъ въ этомъ отношеніи поступалъ такъ, какъ поступали его предшественники и его преемники. Онъ ничего не сдѣлалъ особеннаго, въ чемъ можно было бы обвинить одну только его личность. Вся особенность его записи заключается въ поминаніи только нѣсколькихъ видовъ того *лица*, отъ котораго такъ берегли себя самодержцы. Но эта особенность объясняется тѣмъ, что въ текстъ общей, такъ сказать, государственной записи онъ внесъ, по всему вѣроятію, тексты записей частныхъ, по которымъ клялись *дворовые* люди, служившіе у государева лица. Здѣсь вся его вина и все его мелководіе и особая подозрительность. Мы вообще полагаемъ, что текстъ годуновской записи не есть его сочиненіе, а есть сводъ записей прежде существовавшихъ, составленныхъ по крайней мѣрѣ еще при Грозномъ, хотя ихъ начало можно отнести и къ болѣе раннему времени. Необходимо однакожь припомнить, что самъ Годуновъ находился въ особенномъ, исключительномъ положеніи, которое безъ всякаго сомнѣнія привело его къ этой особенности и въ составленіи общей подкрестной записи. Онъ имѣлъ неисчислимо больше враговъ, чѣмъ каждый изъ его предшественниковъ и преемниковъ. Онъ имѣлъ сильныхъ соперниковъ въ боярствѣ, въ родственникахъ царя Феодора, слѣд. враговъ личныхъ. Было необходимо обуздать вражду „нравственными принудительными мѣрами“ т. е. крестнымъ цѣлованьемъ. Изъ записи Годунова мы видимъ, что зло порчи и отравы было сильно въ то время, а потому были необходимы и сильныя

нравственныя мѣры противъ этого всенароднаго зла; единственною же нравственною мѣрою въ этомъ случаѣ была только присяга. Еслибъ запись Годунова служила въ самомъ дѣлѣ выраженіемъ одной только личной мелочной подозрительности и личнаго мелкодушія, — она не сохранила бы и слѣда въ домашнихъ порядкахъ царскаго двора. Мы, однакожъ, видимъ, что высказанныя въ ней требованія и даже самые виды лихихъ дѣлъ сохраняютъ свой жизненный смыслъ и у преемниковъ Годунова, изъ которыхъ даже и самого царя Алексѣя Мих. можно обвинить въ тѣхъ же годуновскихъ винахъ, т. е. въ мелочной подозрительности и стало быть въ мелкодушіи.

Но прежде, чѣмъ объяснять душевныя побужденія тѣхъ или другихъ историческихъ личностей, мы должны раскрыть нравственную сферу, въ которой они жили и дѣйствовали и которая, какъ сила необходимости, ставила каждую личность въ полную зависимость отъ своихъ положеній и опредѣленій. Мы упоминали, что волшебство, чародѣяніе не было, да и не могло быть отдѣлено въ своемъ значеніи отъ дѣйствительнаго лиходѣйства. Предки наши, люди вообще умные и практическіе, очень хорошо понимали, что значительная доля вѣдовскихъ дѣйствій безвредна. Они это знали по опыту; но они знали также по опыту, что волшбою портили людей, дѣлали положительный вредъ ихъ здоровью; въ это они глубоко и искренно вѣровали не по одному только суевѣрію, а по опыту цѣлыхъ вѣковъ. Различить вредное лихое, отъ безвреднаго, вздорнаго, они не имѣли никакой возможности и по необходимости принуждены были съ самою мелочною подозрительностію, преслѣдовать всякій малѣйшій признакъ лихаго дѣйствія. Вообще вѣдовство, волшба въ то время вовсе не были мечтою, какъ обыкновенно мы теперь ихъ понимаемъ. Въ ихъ образѣ, во всѣхъ наиболѣе важныхъ случаяхъ, являлась всегда дѣйствительная гибель, т. е. порча или самая отрава. Это были язвы, заражавшія весь народный организмъ, и дѣйствовавшія съ особою силою тамъ, гдѣ больше скоплялось нравственнаго зла. Суевѣрная, миѣческая сторона волхвованія и чародѣйства была только оболочкою, подъ которою скрывалось большею частію настоящее *лихо*. Отъ этого волхвованіе и возбуждало такой паническій страхъ вездѣ, гдѣ только оно вскрывалось. И мелкая, и великая душа, равно приходили въ ужасъ, равно трепетали отъ его потаенныхъ дѣйствій и становились до крайности подозри-

жизни, ибо дѣло касалось здоровья, самой жизни, и вовсе не представлялось жетою, когда люди сознано изводились, умирали отъ злыя и порока.

Вотъ почему и къ злымъ и порокамъ и всякія дѣла волнѣли, получали и то да и то въ княжескихъ и цѣловальныхъ запискахъ на вѣрность государю, а волнѣли и бабы-вороженки почитаются общественнымъ зломъ, наравнѣ съ сиворохами, татари и разбойниками.

Текстъ Годуновской недкрестной цѣловальной записки въ сокращеніи, относительно видовъ порчи, переходитъ въ записку Іоаннѣири и Шубеяго; въ сокращеніи и по той еще причинѣ, что для этихъ царей не подробности требовались, а скорѣе составленіе записки, да и враги у нихъ были совсѣмъ иные, явные и открытые. Въ томъ же сокращеніи этотъ текстъ существуетъ въ запискахъ царей Михаила, Алексѣя и Федора. Князь Аланъ въ общей записки говорится только, чтобъ царь государя здорѣе со всеми оберянами и князьями и мѣла не делали. Но за то въ частныхъ запискахъ сохраненъ этотъ сокращенный текстъ съ нѣкоторыми прибавками. Если въ этомъ сокращенномъ текстѣ мы не находимъ указанныхъ Годуновымъ нѣсколькихъ видовъ порчи, то это нисколько не мѣняетъ сущности дѣла, т. е. не мѣняетъ значенія мелочной подозрительности, въ которой былъ вообще грѣшенъ весь московскій дворъ, а не одинъ какой либо человѣкъ въ особенности, ибо въ цѣловальныхъ запискахъ для дворовыхъ людей, даже при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ, находятся подробности, которыхъ не касалась и записка Годунова, разумѣется, потому только, что имѣла болѣе общій государственный характеръ. Мы не говоримъ уже о томъ, что сила годуновской записки во всей своей истинности являлась при каждомъ малѣйшемъ случаѣ вѣдательства (подозрѣнія, которое открывалось во дворцѣ. На это указывали подлинныя сыскныя дѣла о вороженкахъ и колдуньяхъ, и о нѣкихъ подозрительныхъ дѣйствіяхъ дворовыхъ людей въ те- и рого XVII ст., когда государева особа была уже совершенно безопасна отъ толпы личныхъ завистниковъ и соперниковъ, изъ которыхъ принужденъ былъ уберегать себя Годуновъ. Съ болѣею основательностью и справедливостью мы упрекнуть въ излишней мелочной подозрительности государей, царствовавшихъ по праву всенароднаго, и того и самого искренняго избранія.

Извѣстна крестоцѣловальная запись времени царя Алексѣя Михайловича (1653 г.), въ которой, въ общемъ изложеніи присяги сказано только: „государское здоровье во всемъ оберегати, и никакого лиха не мыслити“; но зато въ особыхъ *примысляхъ*, по которымъ отдѣльно присягалъ каждый чинъ, указаны и особыя подробности, какими обозначалась должность этого чина.

Красчій присягалъ: „ничемъ государя въ ѣствѣ и въ питъѣ не испортити, и зелья и коренья лихова ни въ чемъ государю не дати, и съ стороны никому дати не велѣти, и лиха никакого надъ государемъ некоторыми дѣлы и некоторою хитростью не дѣлать; а будетъ я услышу отъ кого или свѣдаю какое дурно или какое злое умышленье или *порчу* на государя и мнѣ про то сказати государю....“ *Казначей*: „надъ государемъ, царицею и ихъ дѣтьми никакова лиха не учинити, и зелья и коренья лихова въ платѣ и въ иныхъ ни въ какихъ въ ихъ государскихъ чинѣхъ не положить....“ *Постельничій*: „въ ихъ государскомъ платѣ, и въ постеляхъ, и въ изголовьяхъ, и въ подушкахъ, и въ одѣялахъ, и въ иныхъ во всякихъ государскихъ чинѣхъ никакова дурна не учинити, и зелья и коренья лихова ни въ чемъ не положить....“ *Ясельничій и конюшенный дьякъ*: „зелья и коренья лихова въ ихъ государскія сѣдла, въ узды, въ войлоки, въ рукавки, въ плети, въ морхи, въ наузы, въ кутазы, въ возки, въ сани, въ полсть въ санную, въ коверъ, въ попонку и во всякой ихъ государственной въ конюшенной и въ конской нарядѣ, и въ гриву, и въ хвостъ у аргамака, и у коня, и у мерина, и у иноходца,—самому не положить и никому конюшеннаго чину и съ стороны никому не положить не велѣти, и некотораго зла и волшебства надъ государемъ.... не учинити.... и всякого конского наряду отъ всякихъ чиновъ людей конюшеннаго приказу и отъ стороннихъ людей во всемъ беречи накрѣпко и къ конюшенной казнѣ и къ нарядомъ стороннихъ людей не припускати....“ *Стряпчій*: „въ платѣ и въ полотенцѣ и во всякой стряпнѣ коренья лихова не положить....“ *Жильцы*: „ни въ чемъ государя не испортити и зелья и коренья лихова въ его хоромахъ и въ палатахъ и индѣ ни гдѣ не положить....“ *Дьяки казенные* (казеннаго двора): „въ государственное платье, въ бархатахъ, камкахъ, въ золотѣ, серебрѣ, въ шелку и во всякой рухляди — зелья и коренья лихова не положить.... и государя, царицу и ихъ дѣтей ни чѣмъ не испор-

тити...“ *Шатерничіе*: „подъ государскія мѣста (троны и кресла) и въ зголовья, и въ полавочники, и въ шатрахъ, и во всякихъ государскихъ чинѣхъ зелья и коренья лихова ни въ чемъ не положить...“¹.

Дворовые люди царицына чина, истопничій, дѣти боярскіе и пр., при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ, давали слѣдующую присягу: ² „лиха ни котораго не хотѣти и не мыслити, и въ ѣствѣ, въ питьѣ, въ овощахъ, въ пряныхъ зельяхъ и въ платьѣ, въ полотенцахъ, въ постеляхъ, въ сорочкахъ, въ портахъ, лиха никакова не наговаривати и не испортити отнюдь ни въ чемъ, никоторыми дѣлы...“

Верховныя боярими: „лиха не учинити и не испортити, зелья лихова и коренья въ ѣствѣ и въ питьѣ не подати и ни въ какіе обиходы не класти и лихихъ волшебныхъ словъ не наговаривати... надъ платьемъ и надъ сорочками, надъ портами, надъ полотенцами, надъ постелями и надо всякимъ государскимъ обиходомъ лиха никотораго не чинити“.

Въ такихъ же почти выраженіяхъ давали присягу кормилицы царскихъ дѣтей, а вѣроятно и всѣ другія придворныя женщины, при чемъ всегда вставлялись и особыя рѣчи, соответствующія той или другой должности.

Эти записи и приписи отличаются отъ Годуновской только нѣкоторымъ обобщеніемъ лихихъ волшебныхъ дѣлъ и тѣмъ самымъ могутъ указывать, что Годуновская запись составлена такъ сказать, по горячимъ, еще живымъ слѣдамъ разнообразныхъ приемовъ волшебства и порчи, а потому она и поименовываетъ самыя эти виды лихихъ дѣлъ. Какъ бы ни было, но всѣ эти клятвы служатъ для насъ только слабымъ отраженіемъ того несказаннаго зла, которое гнѣздилося въ московскомъ дворцѣ. Ихъ короткія слова не въ состояніи ввести насъ въ этотъ міръ ежеминутнаго страха и трепета, въ этотъ міръ до крайности чувствихъ и до крайности мелкихъ подозрѣній, которыя лежали тяжелымъ гнетомъ надъ всѣмъ населеніемъ дворца, вынуждали его обитателей зорко подсматривать другъ за другомъ; развивали ябедничество, наушничество, доносы; растлѣвали общество всѣми пороками мелкаго коварства и предательства. Пустое дѣло, пустое слово тотчасъ являлось государственнымъ преступле-

¹ Миллера: Извѣстіе о Дворянахъ Россійскихъ, Спб. 1790, стр. 238—264.

² См. Матеріалы, № 1.

ніемъ возбуждало страшные розыски, немилосердыя пытки и всегда оканчивалось, если не полною гибелью, то полнымъ разореніемъ виновныхъ, ссылкой и подобными житейскими несчастіями. Государева особа охранялась не народною любовью, а ужасомъ доноса, розыска, пытки, ужасомъ знаменитаго *слова и дѣла*, котораго настоящій смыслъ родился именно въ дворцовыхъ покояхъ и оттуда уже распространился на всю землю. Все это были неизбѣжныя послѣдствія той ожесточенной борьбы самовластныхъ и олигархическихъ стремленій, которая вращалась въ московскомъ дворцѣ со времени соединенія всей земли въ одно самодержавіе.

Когда вопросъ о неограниченномъ самовластіи или, что одно и то же, о неограниченной самостоятельности московскаго государя былъ рѣшенъ окончательно; когда его личность совсѣмъ и уже навсегда выдѣлилась изъ среды родовыхъ и дружинныхъ опредѣленій и облеклась небывалою до того времени самовластною и самодержавною волею, равно для всѣхъ *ирозною*, не выключая и его родныхъ братьевъ, дядей и другихъ ближнихъ родственниковъ и свойственниковъ; когда, такимъ образомъ, даже и самыя права родства были упразднены во имя правъ личности, т. е., на первое время, во имя только самовластной или самостоятельной идеи государства, представителемъ которой явилась одна только личность государя въ государяхъ, большаго, великаго государя, сознававшего теперь всю русскую землю не совокупностью различныхъ господарствъ, а единымъ, своимъ собственнымъ господарствомъ, своею неотъемлемою вотчиною; — когда все это совершилось, то всѣ, независимые прежде самовластцы, князья-родичи и думцы-дружинники, по необходимости должны были выразумѣть, что положеніе ихъ въ государевой вотчинѣ есть положеніе домочадцевъ, слугъ, а по просту — положеніе холоповъ. Они передъ государемъ и называютъ себя уже холопами. Даже пожилой дядя государевъ, Андрей Ивановичъ Старицкій, передъ малолѣтнимъ своимъ племянникомъ, государемъ Иваномъ (Грознымъ) именуетъ себя холопомъ. Такъ переставились старые обычай. Въ этомъ-то словѣ *холопъ* заключился теперь весь смыслъ отношеній боярскихъ къ особѣ государя и другъ къ другу. Старое начало болѣе или менѣе независи-

мыхъ дружинныхъ или родовыхъ отношеній стало постепенно перерабатываться въ новое начало отношеній холопскихъ, во всей полнотѣ извѣстнаго нравственнаго склада и характера такихъ отношеній. Самовластные, олигархическія стремленія боярства нашли себѣ, по необходимости, другой путь. Отъѣзжать, поднимать междоусобную войну съ государемъ, мутить землю, разносить землю розно, теперь было уже невозможно. Теперь по необходимости, онѣ должны были сосредоточиться около одной цѣли, около той цѣли, чтобы войти въ особую близость къ государю, въ особую его милость и его же милостью забрать его власть въ свои руки. Особая милость господина всегда давала холопу и особое самостоятельное, т. е. самовластное значеніе. Въ стремленіяхъ къ такой цѣли необыкновенно важнымъ дѣломъ для холоповъ-олигарховъ становилась государева женитьба, посредствомъ которой можно было вступить, съ государемъ въ родство и въ свойство, слѣд. приобрести его милость самымъ легкимъ способомъ, безъ всякихъ особенныхъ заслугъ или талантовъ. Милость же государя въ такихъ обстоятельствахъ ставила человѣка на первое мѣсто и въ управленіи государствомъ.

Необходимо помнить, что наше государство произошло не изъ сліянія какихъ либо самостоятельныхъ, независимыхъ другъ отъ друга земскихъ силъ, а произошло прямо и непосредственно изъ „вотчины“; почему и самое управленіе государствомъ было построено на личномъ, чисто вотчинническомъ, прямо помѣщичьемъ началѣ. Оно не было дѣломъ общимъ, отъ всей земли, оно было дѣломъ собственника, было дѣломъ *дворовымъ*, дѣломъ его дворовыхъ людей, изъ которыхъ всегда и составлялось такъ называемое правительство. Государствомъ управляли не государственныя, т. е. народныя земскія силы, а управляли имъ силы государева двора, которыя, скрытно, всегда первенствовали и въ боярской думѣ. Разумѣется, при вотчинномъ значеніи управленія другаго положенія вещей и быть не могло. И государствомъ, какъ и самимъ государемъ, въ такомъ случаѣ, всегда управлялъ какой либо одинъ родъ, одна партія особенно близкихъ къ государю, его домашнихъ людей. А такими людьми по весьма понятнымъ причинамъ очень часто являлись его родственники по женѣ — царицѣ. Вотъ почему государева женитьба приобретала для всего Двора, для всего правящаго общества **Москвы великій, самый жизненный смыслъ.**

Государева невеста, восходя на степень великой государыни царицы, тотъ-часъ же вводила за собою въ близость къ государю своихъ родичей и родственниковъ, которые очень скоро, становились, если не въ боярской думѣ, то на самомъ дѣлѣ, людьми сильными, вліятельными, становились временщиками; ибо въ иной формѣ, по духу вотчиннаго управленія, не могла и выразиться приближенная къ государю власть. Новые временщики, само собою разумѣется, должны были вытѣснить изъ дворца, удалить отъ государскихъ милостей старыхъ друзей государя, прежнихъ временщиковъ. Такимъ образомъ, было о чемъ подумать людямъ, стоявшимъ подлѣ государевой особы. Конечно, такія думы съ большею силою поднимались въ то время, когда былъ введенъ обычай выбирать государю невесту изъ всѣхъ дѣвицъ служилаго, въ собственномъ смыслѣ государскаго сословія, которое впоследствии должно было оставить за собою одно только, соответственное этому самому смыслу, имя дворянъ.

Въ эпоху дружинныхъ отношеній в. князья женились на княжнахъ своего же рода, на дочеряхъ удѣльныхъ князей, иногда на иноземкахъ, также княжескаго рода; а также и на дочеряхъ знатныхъ дружинниковъ бояръ, и даже на дочеряхъ новгородскихъ посадниковъ. Тогда браки руководились именно дружинными отношеніями родовъ, отношеніями равенства.

Но когда московскій в. князь сталъ самовластнымъ, самодержавнымъ государемъ всея Руси и всѣ удѣльные князья, вмѣстѣ съ дружинниками боярами сдѣлались его холопами, то представилось великое затрудненіе относительно его женитьбы и даже браковъ его сыновей и дочерей. Старое юридическое понятіе, что „по рабъ холопъ“ не дозволяло уже брака съ подданными, съ своими слугами, холопами. Сверхъ того это противорѣчало всѣмъ помысламъ московскаго государя, стремившагося выдѣлить свою особу именно изъ среды, которая все еще полна была притязаніями своей равноправности съ нимъ, т. е. изъ княжеской и боярской среды.

Въ первое время государскія стремленія в. князя были удовлетворены вполнѣ: онъ женился вторымъ бракомъ уже на греческой царевнѣ (Софѣ). Этотъ бракъ придалъ особенно высокій, прямо царственный смыслъ особѣ государя и своимъ примѣромъ требовалъ и на будущее время соответственныхъ ему по значенію брачныхъ связей, по крайней мѣрѣ для государевыхъ

сыновей, наследниковъ престола. Иванъ Васильевичъ успѣлъ женить (въ 1482 г.) своего старшаго сына на дочери Молдавскаго воеводы и господари, православнаго по вѣрѣ, а дочь Елену въ 1495 г. выдалъ за Литовскаго короля и в. князя Александра. Затѣмъ московскій государь много хлопоталъ о томъ, чтобы поженить и другихъ своихъ сыновей на иноземкахъ изъ владѣтельныхъ родовъ. Съ этой цѣлью онъ велъ переговоры съ дочерью Еленою, которая, живя въ Литвѣ, имѣла способы узнать, гдѣ за границею есть невѣсты для ея братьевъ. „Сынъ мой Василій, а твой братъ, говорилъ онъ дочери, и мои дѣти, Юрій и Дмитрей, а твоя братья, далъ Богъ, того доросли, что ихъ пригоже женити, гдѣ будетъ пригоже; и ты бы, дочка, отвѣдала: у которыхъ государей греческаго закона, или римскаго закону, будутъ дочери, гдѣ бы пригоже мнѣ сына своего Василія женити; или у которыхъ и не у великихъ государей будутъ дочери или у государскихъ дѣтей, которыя будутъ на государствѣ.... гдѣ взвѣдаешь и ты намъ пришли сказать съ нашими бояры“. В. князь указывалъ, нѣтъ ли невѣстъ въ Венгріи у деспотовъ Сербскихъ, ибо то были православные; искалъ невѣстъ въ Германіи у Маркрабья Бранборскаго, присватывался за Датскую королевичну; но всѣ старанія и хлопоты были напрасны. Было много причинъ, по которымъ такіе браки становились дѣломъ до чрезвычайности затруднительнымъ и уладить его было почти совсѣмъ невозможно. Великою помѣхою служило вопервыхъ различіе вѣры, а главное то, что Европа еще очень мало была знакома съ Московскимъ Государствомъ, которое представлялось ей дикою пустынею, населенною чуть не кочевыми варварами, въ родѣ гунновъ или татаръ.

Оставалось покориться необходимости и выбирать себѣ невѣсту изъ подданныхъ. Но какъ же слѣдовало поступить въ этомъ важномъ дѣлѣ, чтобы устранить силу семейныхъ преданій, старыхъ отношеній, указывавшихъ всетаки на невѣстъ изъ знатныхъ княжескихъ и боирскихъ родовъ, которые, хотя и сравнились именемъ холоповъ со всѣми подданными, но все еще сохраняли свое высшее значеніе въ государствѣ и родниться съ ними по этой причинѣ было гораздо соотвѣтственнѣе, прямѣе, согласнѣе съ обычаемъ и со всѣмъ складомъ тогдашнихъ понятій о родовой чести, недопускавшей вообще большаго неравенства въ бракахъ.

Не желая посредствомъ брака съ какимъ либо изъ знатныхъ родовъ возвышать его значеніе, искусственно создавать въ немъ

совѣстника себѣ, совѣстника своему самодержавному роду, государь принужденъ былъ вывести этотъ вопросъ изъ сферы прежнихъ дружинныхъ княжескихъ, т. е. частныхъ отношеній, въ сферу отношеній общихъ, чисто государственныхъ; онъ принужденъ былъ опереться на массу и установить выборъ невѣсты общій, такъ сказать всенародный, безъ всякаго лицепріятія въ пользу какихъ либо преданій или личныхъ отношеній и связей, а руководясь только непосредственными примыми достоинствами невѣсты, какъ женщины доброй, „ростомъ, красотою и разумомъ исполненной“, къ какому бы малому роду она ни принадлежала.

В. князь Иванъ Васильевичъ выбралъ невѣсту для своего наслѣдника, сына Василья, изъ тысячи пятисотъ дѣвицъ, вызванныхъ на смотрины отъ помѣщиковъ или служилыхъ людей всей земли.

Этимъ дѣйствіемъ была порвана одна изъ послѣднихъ нитей, еще связывавшихъ государя съ княжескою и боярскою средою. Оно выводило его отношенія къ этой средѣ на полную свободу. Домашнее личное государево дѣло становилось въ этомъ случаѣ дѣломъ общимъ, всенароднымъ, общественнымъ, въ полномъ смыслѣ государственнымъ, что, конечно, въ понятіяхъ народа еще болѣе возвышало личность государя, обобщало ее, ставило эту личность выше всѣхъ въ русской землѣ. Государь женился и выбиралъ себѣ невѣсту не изъ привилегированной среды княжескихъ родовъ, какъ бывало въ то время, когда онъ находился въ равенствѣ съ этою средою, самъ принадлежалъ къ этой же средѣ, т. е. къ тому же княжескому роду, былъ однимъ изъ многихъ, — теперь, представляя собою уже особый царскій самодержавный родъ и не находя невѣсты въ совѣстномъ себѣ такомъ же царскомъ или княжескомъ владѣтельномъ родѣ, онъ бралъ ее всенародно изъ семьи всего служебнаго сословія. Теперь уже только этотъ общій земскій родъ могъ соответствовать роду великаго государя, соответствовать новому царственному значенію московскаго государя, какъ государя всея Руси.

Но если такой смыслъ могла имѣть женитьба самаго государя, или его наслѣдника и вообще государевыхъ сыновей, то въ отношеніи замужества дочерей дѣло получало совершенно обратный смыслъ. Государь, вступая въ бракъ съ невѣстою, избранною всенародно, изъ всей служилой среды, не могъ тѣмъ унижать своего царственнаго достоинства, напротивъ онъ воз-

вышалъ свою личность придавая ей общенародное значеніе, ибо кто же, кромѣ государя, имѣлъ право всенародно избирать себѣ невѣсту. Но выдавая дочь за кого либо изъ подданныхъ, хотя бы и самыхъ вельможныхъ и знатныхъ, онъ возвышалъ тѣмъ личность этого подданнаго до несоотвѣтственнаго ей государственнаго достоинства, и вмѣстѣ съ тѣмъ унижалъ собственный царственный родъ до значенія своего слуги. Все это сильно противорѣчило здравому государственному смыслу, которымъ всегда отличались московскіе в. князья и вотъ почему для государевыхъ дочерей брачное состояніе потомъ совсѣмъ закрылось: они были принесены въ жертву государственной необходимости. Въ XVII ст. Котошихинъ слѣдующимъ образомъ объяснялъ этотъ печальный исходъ государственной предосторожности:

Сестры царскія или и дочери, царевны, имѣя свои особые покои разные, живутъ, какъ пустынницы, „мало зряху людей и ихъ люди; но всегда въ молитвѣ и въ постѣ пребываху и лица свои слезами омываху, понеже удовольствіе имѣя царственное, не имѣя бо себѣ удовольствія такого, какъ отъ Всемогущаго Бога вѣдно человѣкомъ совокуплятися и плодъ творити. А государства своего за князей и за бояръ замужъ выдавати ихъ не повелось, потому что князи и бояре ихъ есть холопи и въ челобитъѣ своемъ пишутся холопыми. И то поставлено въ вѣчный позоръ, ежели за раба выдать госпожу. А иныхъ государствъ за королевичей и за князей давати не повелось, для того, что не одной вѣры и вѣры своей оставитъ не хотять, то ставятъ своей вѣрѣ въ поруганіе. Да и для того, что иныхъ государствъ языка и политики незнаютъ, и отъ того-бъ имъ было въ стыдъ“.

Мы упомянули, что в. к. Василью Ивановичу невѣста была избрана изъ 1500 дѣвицъ. Такъ свидѣтельствуется современникъ Василія, Герберштейнъ. „Съ общаго совѣта, говоритъ онъ, были собраны въ одно мѣсто дочери *боляръ*, числомъ 1500, для того, чтобы князь выбралъ изъ нихъ супругу по желанію“. Онъ объясняетъ также, что такой, общенародный, выборъ невѣсты сдѣланъ былъ по совѣту великокняжескаго казначея, грека Юрія Малаго (Траханіота), который былъ самымъ приближеннымъ лицомъ у в. князя и надѣялся будтобы, что Василій возьметъ себѣ въ супруги его дочь. Но хитрые замыслы не удалсь и в. князь избралъ въ невѣсты Соломанду Сабурову, дочь незначи-

тельнаго дворянина Юрья Конст. Сабурова. Все это могло быть такъ, какъ рассказываетъ Герберштейнъ о проискахъ придворнаго грека. Но недолжно думать, что установленіе всенароднаго избранія государевой невѣсты произошло именно изъ этого частнаго, случайнаго обстоятельства, какимъ представляется замыселъ государева казначея. Оно, какъ мы говорили, явилось дѣломъ государственной необходимости и должно было, на общемъ совѣтѣ, утвердиться какими либо, тоже государственными примѣрами. Только подобные примѣры и могли дѣйствовать наиболѣе убѣдительно на государеву думу, какъ и на самого государя. Грекъ Юрій, безсомнѣнія очень хорошо помнившій византійскую старину, выставилъ, по всему вѣроятію, готовый и вполне достойный образецъ для подражанія Московскому государю, это — древній обычай византійской имперіи, гдѣ для молодыхъ императоровъ точно также невѣсты избирались со всей земли. Точно такъ, напр., императрица Ирина выбрала невѣсту для своего сына Константина, съ которымъ она царствовала вмѣстѣ. Подробный разсказъ объ этомъ событіи находимъ въ старинномъ житіи св. Филарета Милостиваго ¹, которое вообще очень любопытно и въ археологическомъ отношеніи по изображенію византійскаго быта въ концѣ VIII столѣтія. Многія черты этого быта носятъ въ себѣ вполне родственное сходство съ нашимъ бытомъ XVI и XVII ст., и тѣмъ показываютъ, что онѣ нѣкогда служили образцами для нашей культуры. Вотъ что повѣствуетъ это житіе объ избраніи царской невѣсты.

Посланы были смотрѣть для царя невѣсту нарочитые мужи по всей землѣ греческой, отъ востока до запада, отъ юга до сѣвера. Пытаніе всюду творяху. они пришли между прочимъ въ страну Понтійскую, въ среду земли Волагонскія, въ весь, глаголемую Амнія. Здѣсь царевы послы остановились на отдыхъ въ домѣ св. Филарета, у котораго, кромѣ дѣтей, были еще и три внучки дѣвницы. Послѣ пира, чудомъ устроеннаго, ибо въ это время св. старецъ, проживъ уже все свое великое богатство на милостыню, находился въ бѣдности, послы спросили: естьли у него подружіе — супруга-хозяйка. Получивъ утвердительный отвѣтъ, они сказали старцу: да увидетъ теперь сюда подружіе твое, яко да лобзаетъ насъ. Она жъ, призвана, вииде. Увидавши ее, красну и добротою сіяющую, хотя уже въ старости сушу,

¹ По списку XVI вѣка изъ нашего собранія рукописей.

послы спросили: естьли у нихъ дщери и внучки невѣсты? Старики отвѣчали, что есть, три дочери замужемъ, а три внучки уже невѣсты. Послы объявили, что желаютъ видѣть отроковицъ, ибо изыскиваютъ царю невѣсту, „такъ заповѣдано бысть, да не утаится отъ насъ въ греческой землѣ ни одна дѣвица, ея же мы не увидимъ“. Старецъ, упокоивая гостей, попросилъ отложить смотрины до утра. Когда, утромъ, послы стали требовать: да приведутъ юныя госпожи на среду, да видимъ ихъ,— старецъ отвѣтилъ имъ, что, по обычаю, у нихъ мало выходятъ къ гостямъ даже и жены, а дѣвицы николиже исходятъ отъ худыхъ храминъ своихъ; если хотите, прибавилъ онъ, незлобно послушайте насъ: вшедше во *внутреннюю храмину*, сами посмотрите ихъ. Послы согласились и пошли смотрѣть дѣвицъ въ ихъ теремъ. Тамъ три невѣсты въ сопровожденіи своей матери встрѣтили ихъ съ подобающею почестью. Послы обрадовались, увидя доброту дѣвицъ и преизлишнюю красоту ихъ лицъ; потомъ же мѣру цареву имуще, по всему, идѣже ея пытающе, искаху, и сію взявше, мѣряху, и обрѣтоша ровну на первой внучкѣ блаженнаго старца; бѣше бо та возрастомъ вышши двоихъ сестръ своихъ, именемъ Марья; и сію, часа того, царицу и госпожу си нарекоша. Посемъ же, безчисленнаго веселія исполнившись, поимши вси три отроковицъ со отцемъ и съ матерью и со блаженнымъ дѣдомъ и бабою и со всѣмъ родомъ и племенемъ ихъ, числомъ тридцать съ ними всихъ ихъ.... избрашаже и иныхъ юныхъ дѣвицъ отъ иныхъ мѣстъ, числомъ десять ихъ, въ нихъ же бѣ и Геронтея нѣкоего дщи, и та дображъ видѣніемъ.... Всихъ сихъ ведяхуть ко царю въ полату его“. Марія въ это время обратилась къ своимъ подругамъ съ слѣдующими словами: „госпожи мои и сестры! Послушайте моего худаго разума совѣта: изъ всѣхъ насъ царь выберетъ одну. Согласимся такъ: кого изъ насъ изберетъ царь въ царицы, да не покинетъ она на своей царской высотѣ и прочихъ своихъ сверстницъ по выбору. И да будетъ намъ всѣмъ общая радость“. Между тѣмъ Геронтева дочь возносила свои достоинства: умомъ, красотою, богатствомъ, благородіемъ и увѣряла, что непременно будетъ обручена царю. Она и была первою введена на испытаніе къ цареву наперснику Ставрокію. Но гордая не была избрана. Подавъ ей даянія (дары), ее отпустили во свояси. Исполнися Соломоне слово: „Господь гордымъ противляется, смиреннымъ же дастъ благодать“.

Потомъ ввели на смотрины Марію съ дѣдомъ и съ бабою, со отцомъ и съ матерью, съ сестрами и со всѣмъ родомъ и племенемъ. Царь Константинъ и царица Ирина и наперсникъ Ставрокій удивились образу ихъ и украшенію и устроенію, и въ той часъ чистолѣпную Марію обручилъ себѣ царь, и велечудною сватьбою взялъ за себя,... Вторую сестру царь отдалъ за одного изъ своихъ вельможъ, патрикія саномъ; третью же послалъ, умпренія ради, къ Лоуговарду (Лонгобарду) Аргусію именемъ, со многими дарами, и та убо царицею бысть за нимъ. Прочихъ дѣвицъ, одаривъ, роздалъ за мужъ за великихъ вельможъ, по моленію царицы Марьи, еже рече: ей же дастъ Богъ, да помянетъ (не оставитъ) прочихъ. За тѣмъ весь родъ и племя Маріи отъ стараго и до младенца, царь одарилъ всякимъ имѣньемъ и стяжаньемъ, богатымъ одѣяніемъ, златомъ, каменіемъ честнымъ, драгимъ бисеромъ, домами великими и славными....¹.

Такъ иногда совершались выборы невѣстъ у царей византійскихъ, такъ по необходимости они стали совершаться и у московскихъ государей, слѣдовавшихъ во многомъ своимъ первообразамъ по устройству государственныхъ и царскихъ домашнихъ порядковъ.

О томъ же первомъ бракѣ в. к. Василия, совершенномъ по всенародному избранію невѣсты, свидѣлствуютъ кромѣ Герберштейна, и другіе иностранцы, тоже современники Василия. Павелъ Іовій обозначаетъ это избраніе уже какъ бы общимъ установленіемъ, давнимъ обычаемъ. „Московскіе государи, говоритъ онъ, желая вступить въ бракъ, повелѣваютъ избрать изъ всего царства дѣвицъ, отличающихся красотой и добродѣтелію и представить ихъ ко двору. Здѣсь поручаютъ ихъ освидѣтельствовать надежнымъ сановникамъ и вѣрнымъ боярынямъ, такъ что самыя сокровенныя части тѣла не остаются безъ подробнаго разсмотрѣнія. Наконецъ, послѣ долгаго и мучительнаго ожиданія родителей, та, которая понравится царю, объявляется достойною брачнаго съ нимъ соединенія. Прочія же соперницы ея по красотѣ, стыдливости и скромности, нерѣдко въ

¹ Кедринъ свидѣлствуетъ, что этотъ бракъ царя Константина былъ совершенъ противъ его воли, по желанію матери его, царицы Ирины. Впоследствии Константинъ, по наважденію же матери, удалилъ свою супругу въ монастырь и женился на Θεодотѣ, служительницѣ Ирины. Кедринъ называетъ также первую его супругу Мариною, а не Марію.

тотъ же самый день, по милости царя, обручаются съ боярами и военными сановниками. Такимъ образомъ московскіе государи, презирая знаменитые царскіе роды, подобно оттоманскимъ султанамъ, возводятъ на брачное ложе дѣвицъ большею частію низкаго и незнатнаго происхожденія, но отличающихся тѣлесною красотою⁴.

Францискъ-да-Колло рассказываетъ слѣдующее: „в. к. Василій, вздумавъ жениться (это было еще при его отцѣ), обнародовалъ во всемъ государствѣ, чтобы для него выбрали самыхъ прекраснѣйшихъ дѣвицъ, знатныхъ и незнатныхъ, безъ всякаго различія. Привезли ихъ въ Москву болѣе пятисотъ: изъ нихъ выбрали 300, изъ трехъ сотъ 200, послѣ 100, наконецъ только десять, осматрѣнныхъ повивальными бабками; изъ сихъ десяти Василій избралъ себѣ невѣсту и женился на ней (на Соломонѣ): однакожъ не имѣлъ удовольствія быть отцемъ, и потому не весьма уважалъ супругу, такъ что и, находясь въ Москвѣ, долженъ былъ ходатайствовать о свободѣ брата ея, сидѣвшаго въ темницѣ за легкую вину“¹. Противорѣчіе сказаній Герберштейна и Франциска-да-Колло о 1500 и 500 дѣвицахъ весьма согласимо съ истиной, ибо цифра 1500 могла обозначать все число дѣвицъ-невѣстъ, которыя были написаны въ выборъ, соотвѣтственно тѣмъ качествамъ, какія требовались для государственной невѣсты.

Съ порядкомъ предварительнаго выбора, по разнымъ мѣстностямъ, насъ знакомятъ отчасти самыя грамоты, которыя въ это время рассылались ко всемъ помѣщикамъ или служилымъ людямъ. Изъ нихъ мы узнаемъ, что въ областные и другіе города посылали довѣренныхъ людей изъ окольничихъ или изъ дворянъ съ дыками, которые заодно съ мѣстною властью, съ намѣстникомъ или воеводою, и должны были пересмотрѣть всѣхъ дѣвицъ назначеннаго округа. Между тѣмъ по всему округу, во всѣ помѣстья пересылалась государева грамота съ наказомъ везти дочерей въ городъ для смотра. Помѣщики собирались съ невѣстами и затѣмъ избранныхъ везли уже въ Москву. Для многихъ, вѣроятно по бѣдности, этотъ мѣстный сѣздъ былъ дѣломъ не совсѣмъ легкимъ и потому иные не слишкомъ торопились исполнить царскій наказъ. По случаю первой женитьбы царя Ивана Васильевича зимою 1546—1547 года, были разосланы

¹ Карамз. VII, пр. 402.

слѣдующія грамоты, текстъ которыхъ для удобства въ чтеніи мы нѣсколько поновляемъ.

„Отъ великаго князи Ивана Васильевича всея Руси въ нашу отчину въ Великій Новгородъ, въ Бѣжицкую Пятину, отъ Новгорода верстѣ за сто и за полтораста и за двѣсти, княземъ и дѣтямъ боярскимъ. Послалъ я въ свою отчину въ Великій Новгородъ окольничаго своего Ивана Дмитріевича Шеина, а велѣлъ боярамъ своимъ и намѣстникамъ князю Ю. М. Булгакову да Василью Дмитріевичу да окольничему своему Ивану смотрити у васъ дочерей дѣвокъ, — намъ невѣсты. И какъ къ вамъ эта наша грамота придетъ, и у которыхъ у васъ будутъ дочери дѣвки, и выбѣ съ ними часа того ѣхали въ Великій Новгородъ; а дочерей бы у себя дѣвокъ однолично не таили, повезли бы часа того не мѣшкая. А который изъ васъ дочь дѣвку у себя утаитъ и къ боярамъ нашимъ.... не повезетъ, и тому отъ меня быть въ великой опалѣ и въ казни. А грамоту посылайте межъ себя сами, не издержавъ ни часа“. Другая: „въ Вязму и въ Дорогобужъ княземъ и дѣтемъ боярскимъ дворовымъ и городовымъ. Писалъ къ намъ князь Ив. Сем. Мезецкой да дворцовой дьякъ Гаврило Шенокъ, что къ вамъ послали наши грамоты, да и свои грамоты къ вамъ посылали, чтобъ по нашему слову вы къ нимъ ѣхали съ дочерьми своими, а велѣлъ я имъ смотрити у васъ дочерей, себѣ невѣсты. И вы де и къ нимъ не ѣдете и дочерей своихъ не везете, а нашихъ грамотъ не слушаете. И вы то чините не гораздо, что нашихъ грамотъ не слушаете. И выбѣ однолично часа того поѣхали съ дочерьми своими ко князю Ив. Сем. Мезецкому да къ дьяку. А которой изъ васъ къ нимъ съ дочерьми своими часа того не поѣдетъ, и тому отъ меня быть въ великой опалѣ и въ казни. А грамоту посылайте межъ себя сами, не издержавъ ни часу¹.

Черезъ мѣсяцъ послѣ написанія этой послѣдней грамоты отъ 4 генваря 1547 г., царь уже повѣнчался съ Анастасією Романовой, избранной, стало-быть, также изъ множества дѣвицъ.

Должно полагать, что лицамъ, которые пересматривали невѣстъ на мѣстѣ, давался какой либо наказъ, словесный, а всего вѣрнѣе писанный, съ подробнымъ обозначеніемъ тѣхъ добрыхъ качествъ, какія требовались для невѣсты государевой вообще и пожеланію жениха въ особенности. Безсомнѣніа не-

¹ С. Г. Г. II, № 34 и. 35.

тотъ же самый день, по милости царя, обручаются съ боярами и военными сановниками. Такимъ образомъ московскіе государи, презирая знаменитые царскіе роды, подобно оттоманскимъ султанамъ, возводятъ на брачное ложе дѣвицъ большею частію низкаго и незнатнаго происхожденія, но отличающихся тѣлесною красотою“.

Францискъ-да-Колло рассказываетъ слѣдующее: „в. к. Василій, вздумавъ жениться (это было еще при его отцѣ), обнародовалъ во всемъ государствѣ, чтобы для него выбрали самыхъ прекраснѣйшихъ дѣвицъ, знатныхъ и незнатныхъ, безъ всякаго различія. Привезли ихъ въ Москву болѣе пятисотъ: изъ нихъ выбрали 300, изъ трехъ сотъ 200, послѣ 100, наконецъ только десять, осмотрѣнныхъ повивальными бабками; изъ сихъ десяти Василій избралъ себѣ невѣсту и женился на ней (на Соломоніи): однакожъ не имѣлъ удовольствія быть отцемъ, и потому не весьма уважалъ супругу, такъ что я, находясь въ Москвѣ, долженъ былъ ходатайствовать о свободѣ брата ея, сидѣвшаго въ темницѣ за легкую вину“¹. Противорѣчіе сказаній Герберштейна и Франциска-да-Колло о 1500 и 500 дѣвицахъ весьма согласимо съ истиной, ибо цифра 1500 могла обозначать все число дѣвицъ-невѣстъ, которыя были написаны въ выборъ, соотвѣтственно тѣмъ качествамъ, какія требовались для государственной невѣсты.

Съ порядкомъ предварительнаго выбора, по разнымъ мѣстностямъ, насъ знакомятъ отчасти самыя грамоты, которыя въ это время разсылались ко всѣмъ помѣщикамъ или служилымъ людямъ. Изъ нихъ мы узнаемъ, что въ областные и другіе города посылали довѣренныхъ людей изъ околѣнчичихъ или изъ дворянъ съ дьяками, которые заодно съ мѣстною властью, съ намѣстникомъ или воеводою, и должны были пересмотрѣть всѣхъ дѣвицъ назначеннаго округа. Между тѣмъ по всему округу, во всѣ помѣстья пересылалась государева грамота съ наказомъ везти дочерей въ городъ для смотра. Помѣщики собирались съ невѣстами и затѣмъ избранныхъ везли уже въ Москву. Для многихъ, вѣроятно по бѣдности, этотъ мѣстный съѣздъ былъ дѣломъ не совсѣмъ легкимъ и потому иные не слишкомъ торопились исполнять царскій наказъ. По случаю первой женитьбы царя Ивана Васильевича зимою 1546—1547 года, были разосланы

¹ Карамз. VII, пр. 402.

слѣдующія грамоты, текстъ которыхъ для удобства въ чтеніи мы нѣсколько поновляемъ.

„Отъ великаго князя Ивана Васильевича всея Руси въ нашу отчину въ Великій Новгородъ, въ Бѣжицкую Пятину, отъ Новгорода верстъ за сто и за полтораста и за двѣсти, княземъ и дѣтямъ боярскимъ. Послалъ я въ свою отчину въ Великій Новгородъ окольничаго своего Ивана Дмитріевича Шеина, а велѣлъ боярамъ своимъ и намѣстникамъ князю Ю. М. Булгакову да Василью Дмитріевичу да окольничему своему Ивану смотрити у васъ дочерей дѣвокъ, — намъ невѣсты. И какъ къ намъ эта наша грамота придетъ, и у которыхъ у васъ будутъ дочери дѣвки, и выбѣ съ ними часа того ѣхали въ Великій Новгородъ; а дочерей бы у себя дѣвокъ однолично не таили, повезли бы часа того не мѣшкая. А который изъ васъ дочь дѣвку у себя утаитъ и къ боярамъ нашимъ.... не повезетъ, и тому отъ меня быть въ великой опалѣ и въ казни. А грамоту посылайте межъ себя сами, не издержавъ ни часа“. Другая: „въ Вязму и въ Дорогобужъ княземъ и дѣтемъ боярскимъ дворовымъ и городовымъ. Писалъ къ намъ князь Ив. Сем. Мезецкой да дворцовой дьякъ Гаврило Шенюкъ, что къ намъ послали наши грамоты, да п свои грамоты къ намъ посылали, чтобъ по нашему слову вы къ нимъ ѣхали съ дочерьми своими, а велѣлъ я имъ смотрити у васъ дочерей, себѣ невѣсты. И вы де и къ нимъ не ѣдете и дочерей своихъ не везете, а нашихъ грамотъ не слушаете. И вы то чините не гораздо, что нашихъ грамотъ не слушаете. И выбѣ однолично часа того поѣхали съ дочерьми своими ко князю Ив. Сем. Мезецкому да къ дьяку. А которой изъ васъ къ нимъ съ дочерьми своими часа того не поѣдетъ, и тому отъ меня быть въ великой опалѣ и въ казни. А грамоту посылайте межъ себя сами, не издержавъ ни часу¹.

Черезъ мѣсяцъ послѣ написанія этой послѣдней грамоты отъ 4 января 1547 г., царь уже повѣнчался съ Анастасією Романовой, избранной, стало-быть, также изъ множества дѣвицъ.

Должно полагать, что лицамъ, которые пересматривали невѣсть на мѣстѣ, давался какой либо наказъ, словесный, а всего вѣрнѣе писанный, съ подробнымъ обозначеніемъ тѣхъ добрыхъ качествъ, какія требовались для невѣсты государевой вообще и пожеланію жениха въ особенности. Безсомнѣніа не-

¹ С. Г. Г. II, № 34 и 35.

маловажное мѣсто занимала здѣсь и *мѣра* возраста или роста, съ которою ѣздили осматривать невѣсты въ Византіи. За тѣмъ, послѣ смотра всѣ избранныя первыя красавицы области вносились въ особую роспись съ назначеніемъ пріѣхать въ извѣстный срокъ въ Москву, гдѣ имъ готовился новый смотръ, еще болѣе разборчивый, уже во дворцѣ при помощи самыхъ близкихъ людей государя. Наконецъ, избранныя изъ избранныхъ являлись на смотрины къ самому жениху, который и указывалъ себѣ невѣсту, также послѣ многого „испытанія“. Впрочемъ, надо думать, что женихъ участвовалъ въ разборѣ всѣхъ невѣстъ, которые были привозимы въ Москву, ибо сюда, какъ мы замѣтили, съѣзжались уже избранныя, первыя красавицы областей. О царѣ Иванѣ Васильевичѣ повѣствуютъ, что для избранія третьей супруги, къ нему „изъ всѣхъ городовъ свезли невѣсты въ Александрову Слободу, и знатныхъ и не знатныхъ, числомъ болѣе двухъ тысячъ. Каждую представляли ему особенно. (Испытанію о дѣвицахъ многу бывшу надолзѣ, говоритъ самъ государь). Сперва онъ выбралъ 24, а послѣ 12, коихъ надлежало осмотрѣть доктору и бабкамъ; долго сравнивалъ ихъ въ красотѣ, въ пріятностяхъ, въ умѣ; наконецъ предпочелъ всѣмъ Марѣу Васильевну Собакину, дочь купца новгородскаго, въ тоже время избравъ невѣсту и для старшаго царевича, Евдокію Богдановну Сабурову“. Касательно избранія невѣсты царемъ Иваномъ Васильевичемъ, его современникъ, иностранецъ Гейденштейнъ рассказываетъ, „что изъ всей Россіи собираемыя царскія невѣсты живутъ обыкновенно въ одномъ большомъ домѣ; что въ каждой комнатѣ стоитъ 12 кроватей и тронъ; что царь, провождаемый только однимъ старцемъ, входя въ комнату, садится на тронъ; что невѣсты одна за другою становятся передъ нимъ на колѣни, и бросивъ къ его ногамъ платокъ златотканый съ жемчугомъ (шпринку), удаляются....“¹

Коллинсъ, современникъ царя Алексѣя, говоритъ, что когда дѣло рѣшалось, то самъ царь подавалъ избранной платокъ и кольцо; эти-то брачные знаки, въ дѣйствительности, быть можетъ и означали актъ избранія.

Свадебные разряды свидѣлствуютъ, что подобные же общіе выборы невѣстъ, при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, происходили и при женитбѣ его братьевъ.

¹ Карамз. IX, 110, и пр. 354.

Въ 1547 г. сент. 18, приговорилъ государь брата своего кн. Юрья Васильевича женити; и ходилъ государь съ нимъ къ Макарію митрополиту, чтобы кн. Юрья жениться благословилъ; и велѣлъ боярамъ и княземъ дочери, дѣвки привести на свой царской дворъ; и какъ дѣвки свезли и царь и князь Юрья дѣвокъ смотрѣли; и полюбилъ кн. Юрья княжну Дмитріеву дочь Федоровича Палицкаго, княжну Ульяну. Въ 1549 г. сент. 1, приговорилъ государь женить брата своего князь Володимера Андреевича, удѣльнаго; и приговорилъ *прописать* у бояръ и князей дочерей дѣвокъ и по времени ихъ пересмотрѣть; и тогда свадьбу, государь, отложилъ для своего походу къ Казани; а приговорилъ смотрѣть послѣ Казанскаго дѣла. И мая 24 смотрѣлъ царь и князь Володимеръ дѣвокъ, и полюбилъ дѣвкѣ Авдотью Александрову дочь Михайловича Нагова ¹.

Послѣ избранія, царскую невѣсту торжественно вводили въ царскіе особые хоромы, гдѣ ей жить, и оставляли до времени свадьбы на попеченіи дворовыхъ боярынь и постельницъ, женъ вѣрныхъ и богобоязливыхъ, въ числѣ которыхъ первое мѣсто тотчасъ же занимали ближайшія родныя избранной невѣсты, обыкновенно ея родная мать или тетки и другія родственницы. Введеніе невѣсты въ царскіе терема сопровождалось обрядомъ ея царственного освященія. Здѣсь съ молитвою нареченія на нее возлагали царскій дѣвичій вѣнецъ, нарекали ее *царицею*, нарекали ей и новое царское имя. Вслѣдъ за тѣмъ дворовые люди „царицына чина“ цѣловали крестъ новой государыни. По исполненіи обряда нареченія новой царицы разсылались по церковному вѣдомству въ Москвѣ и во всѣ епископства грамоты съ наказомъ, что бы о здоровіи новонареченной царицы Бога молили, т. е. поминали ея имя на ектеніяхъ вмѣстѣ съ именемъ государя.

Съ этой минуты личность государевой невѣсты пріобрѣтала полное царственное значеніе и совсѣмъ выдѣлялась изъ среды подданныхъ и изъ среды своего родства, такъ что даже и отецъ ея не смѣлъ уже называть ее своею дочерью, а родственники не смѣли именовать ее себѣ родною. Но, само собою разумѣется, что такія отношенія царицына родства существовали какъ бы только въ идеѣ, въ отвлеченіи, въ идеальныхъ представленіяхъ о недостигаемой высотѣ царскаго сана, о недостига-

¹ Визл. XIII, 36, 46.

еюмъ его освященіи, къ которому такъ близко становилась избранная дѣвица. На самомъ же дѣлѣ родство царицы, хотя и теряло право, для государственнаго приличія, именовать ее своею родною, хотя и не осмѣливалось иначе называть ее, какъ великою государынею царицею, — но все таки, по своему вліянію оставалось ея родствомъ и всегда быстро восходило на степень самыхъ близкихъ людей къ государю, быстро возвышалось до значенія всемогущихъ временщиковъ. По большой части ея-то родство и управляло государствомъ во всѣхъ внутреннихъ, такъ сказать, домашнихъ государственныхъ дѣлахъ. „А жалуетъ царь по царицѣ своей, говоритъ Котошихинъ, отца ея, а своего тестя, и *родъ* ихъ, съ низкіе степени возведетъ на высокую, и кто чѣмъ не достанетъ, сподобляетъ своею царскою казною, а иныхъ разсылаетъ для покармленія по воеводствамъ въ города, и на Москвѣ въ приказы, и даетъ помѣстья и вотчины; и они тѣми помѣстьями и вотчинами и воеводствами и приказнымъ сидѣньемъ, побогатѣютъ“.

Таково было беззаастѣнчивое вотчинное управленіе государствомъ, по которому въ силу общихъ и неколебимыхъ, освященныхъ вѣками убѣжденій, родство и въ царскомъ, какъ и въ частномъ правительственномъ быту всегда пріобрѣтало первое право пользоваться властью своего родича, а стало быть и всѣми выгодами его высокаго общественнаго положенія. Это было на самомъ дѣлѣ непререкаемое право всѣхъ родичей, ибо по идеямъ родового быта они всегда и пріобрѣтали и теряли, возвышались и падали, за одно съ своимъ родомъ. Отдѣльная отъ рода личность не была мыслима въ то время; она слпвалась съ родомъ въ органическое цѣлое, а потому не могла даже и понять какой либо раздѣльности интересовъ и выгодъ въ кругу родовой связи. Возвышавшійся гдѣ бы ни было родичъ всегда оставался въ кровномъ убѣжденіи, что за собою должно возвышать прежде всего свое родство, что это — дѣло естественное; а родство всегда тоже почитало своимъ естественнымъ родовымъ правомъ не только ожидать, а и требовать себѣ всѣхъ выгодъ, пріобрѣтаемыхъ въ обществѣ его родичемъ. Такой именно порядокъ идей господствовалъ въ средѣ всѣхъ житейскихъ общественныхъ связей и всякихъ властныхъ, господарскихъ отношеній.

Государевы невѣсты очень нерѣдко избирались изъ бѣдныхъ и простыхъ дворянскихъ родовъ, а потому и возвышеніе ихъ

родства выпадало на долю самымъ незначительнымъ людямъ. Коллинсъ рассказываетъ, что отецъ царицы Марьи Ильичны Милославскихъ, Илья Даниловичъ, происходилъ изъ незнатнаго и бѣднаго дворянскаго рода и прежде служилъ кравчимъ у по- сольскаго дѣяка Ивана Грамотина. Дочь его, будущая царица- хаживала въ лѣсъ по грибы и продавала ихъ на рынкѣ. О ца- рицѣ Евдокіи Лукъяновнѣ Стрѣшневыхъ, супругѣ Михаила, ея же постельницы говаривали: „не дорога де она государыня; знали онѣ ее, коли она хаживала въ жолтикахъ (простыхъ че- ботахъ); нынѣ де ее государыню Богъ возвеличилъ!“ О царицѣ Натальѣ Кириловнѣ Шакловитой, предлагавшій ея *принять*, т. е. погубить, говорилъ царевнѣ Софьѣ: „извѣстно тебѣ, госуда- рыня, каковъ ея родъ и какова въ Смоленскѣ была: въ лап- тяхъ ходила!“

Весьма понятно послѣ того, съ какою завистью и ненавистью встрѣчали во дворцѣ родство новой царицы, съ какимъ опасе- ніемъ смотрѣли на новыхъ людей, ея родичей, всѣ лица, на- ходившіяся въ близости и въ милости у государя, сидѣвшія, прочно въ своихъ пригрѣтыхъ гнѣздахъ по разнымъ частямъ дворцоваго и вообще приказнаго управленія. Выборъ госу- даревой невѣсты подымалъ въ дворовой средѣ столько стра- стей, столько тайныхъ козней и всяческихъ интригъ, что это государево дѣло рѣдко проходило безъ какихъ либо болѣе или менѣ важныхъ и тревожныхъ событій въ его домашней жизни.

Избранная невѣста, вступая во дворецъ царевною, среди ра- достей и полного счастья, неизобразимаго для простой дѣвицы и особенно для ея родныхъ, вовсе не предчувствовала, что именно съ этой минуты участь ея держится на одномъ волоскѣ, что именно съ этой минуты ея личность становится играли- щемъ самыхъ коварныхъ, низкихъ и своекорыстныхъ замы- словъ. Тѣже самые люди, которые съ дворскимъ раболѣпіемъ служили ей, съ дворскимъ раболѣпіемъ заискивали ея особаго расположенія, земно кланялись ей, какъ новонареченной цари- цѣ; тѣже самые люди, которые такъ были близки ея царствен- ному жениху, такъ были любимы имъ и, казалось, такъ добро- душно и искренно радѣли о его счастіи и стало быть о счас- тіи избранной имъ супруги, — эти то самые люди и являлись, въ тайныхъ своихъ замыслахъ, первыми и можно сказать един- ственными ея врагами.

Недоступный, замкнутый царскій теремъ съ его просторною и прохладною жизнію, въ смыслъ всякаго изобилія и великолѣпія, всяческаго раболѣпства и ласкательства, явился на дѣлѣ самымъ открытымъ мѣстомъ для дѣйствій потаенныхъ враговъ, и самымъ тѣснымъ и опаснымъ мѣстомъ для жизни. Простое легкое нездоровье было достаточно для того, чтобы враги воспользовались этимъ обстоятельствомъ и облекли его въ дѣло величайшей важности и величайшей опасности даже для здоровья самого государя, всегда обвиняя при этомъ и родство невѣсты, будто оно нарочно скрываетъ какую либо неизлѣчимую ея болѣзнь, разумѣется для того, чтобы не лишиться ожидаемаго высокаго благополучія вступить въ близость къ государю. Враги употребляли большія старанія чѣмъ либо въ дѣйствительности испортить здоровье царевны-невѣсты и такимъ образомъ лишить ее царской любви, выселить изъ дворца и тогда новый выборъ государевой супруги направить согласно своимъ потаеннымъ цѣлямъ.

Съ подробностями такихъ печальныхъ событій въ государственной жизни лучше всего познакомить насъ исторія царскихъ невѣстъ.

Скорбь разлуки съ избранною невѣстою, именно вслѣдствіе дворскихъ интригъ, долженъ былъ испытать изъ царей первый Иванъ Васильевичъ Грозный. Со многими и долгими испытаніемъ (въ 1572 г.) онъ избралъ въ супруги дѣвицу Марѳу Васильевну Собакину. Она была испорчена еще въ невѣстахъ и скончалась съ небольшимъ черезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы, совершенной царемъ вопреки обычному предубѣжденію и страху за собственное здоровье. Объ этомъ засвидѣтельствовалъ самъ царь, когда просилъ соборнаго разрѣшенія вступить потомъ въ четвертый бракъ на Аннѣ Алексѣевнѣ Колтовскихъ: „ненавидя добра врагъ, воздвиге *ближнихъ* многихъ людей враждовать на царицу Марѳу, еще въ дѣвицахъ сущу, точію имя царское возложено на нее, и тако ей *отраву злую учиниша*. Благовѣрный же царь и в. к., положи на Божіе всецѣдное существо упованіе, либо изцѣлѣетъ, поя за себя дѣвицу Марѳу, и только была за нимъ двѣ недѣли и преставися. И понеже дѣвства не разрѣшилъ третьяго брака, царь и в. к. о таковыхъ много оскорбися и хотѣ обещися во иноческое“¹. Подозрѣніе

¹ Визл. XIII, 105

въ порчѣ пало на родство прежнихъ царицъ, Анастасіи Романовыхъ и Марьи Черкасскихъ. Былъ розыскъ и были казни, по Карамзину *пала* эпоха душегубства, въ которую погибъ, въ числѣ другихъ, кн. Мих. Темгрюковичъ Черкасскій, братъ царицы Марьи. Къ сожалѣнію дѣло объ этомъ розыскѣ, со множествомъ разныхъ другихъ дѣлъ, весьма важныхъ для исторіи Ивана Грознаго, до насъ не дошло, и потому мы не имѣемъ никакихъ основаній дѣлать рѣшительныя заключенія ни о той, ни о другой сторонѣ.

Болѣе подробностей о подобныхъ событіяхъ царской жизни сохранилъ намъ XVII вѣкъ. Такъ, слѣдственное дѣло о близости первой невѣсты царя Михаила Феодоровича, Марьи Хлоповой, довольно близко знакомитъ насъ съ характеромъ дворскихъ отношеній въ этихъ обстоятельствахъ и вообще съ подробностями домашней жизни избранныхъ государевыхъ невѣстъ. По вступленіи на царство, шестнадцатилѣтній Михаилъ Феодоровичъ, юноша кроткій и тихій, благоувѣтливый и покорный, какъ отзывается о немъ лѣтописецъ, до возвращенія изъ плѣна своего отца, Филарета Никитича, находился въ полной опекѣ матери, великой старицы инокини Марѣы Ивановны. Въ первое время близкими къ нему людьми явились конечно его родственники, какъ всегда и бывало. Да и кому же, кромѣ родства, вѣрнѣе и безопаснѣе было поручить береженіе молодаго государя, особенно вскорѣ послѣ общихъ, всенародныхъ смутъ, въ виду бывшихъ постоянныхъ измѣнъ, и даже убійствъ, отъ которыхъ не могли спастись государи-предшественники. Безсомнѣнія по совѣту родственниковъ и по назначенію Марѣы Ивановны ближайшія и самыя важныя дворовыя должности при Михаилѣ отданы были въ 1613-г. двумъ его двоюроднымъ братьямъ, Борису и Михаилу Салтыковымъ. Первый назначенъ дворецкимъ, второй — крайчимъ. Близость къ молодому, неопытному и покорному государю очень скоро возвысила ихъ до значенія самовластныхъ и самоуправныхъ временщиковъ. Хозяйничая своевольно и безотвѣтственно во дворцѣ, они давали чувствовать свою власть и въ общихъ дѣлахъ государства, такъ что многіе съ нетерпѣніемъ ожидали пріѣзда изъ плѣна царскаго отца Филарета Никитича, который одинъ только своею отцовскою властью могъ остановить это боярское своеволие, всегда поднимавшееся во время малолѣтства или неспособности государей.

Недоступный, замкнутый царскій теремъ съ его просторною и прохладною жизнію, въ смыслъ всякаго изобилія и великолѣпія, всяческаго раболѣпства и ласкательства, являлся на дѣлѣ самымъ открытымъ мѣстомъ для дѣйствій потаенныхъ враговъ, и самымъ тѣснымъ и опаснымъ мѣстомъ для жизни. Простое легкое нездоровье было достаточно для того, чтобы враги воспользовались этимъ обстоятельствомъ и облегли его въ дѣло величайшей важности и величайшей опасности даже для здоровья самого государя, всегда обвиняя при этомъ и родство невѣсты, будто оно нарочно скрываетъ какую либо неизлѣчимую ея болѣзнь, разумѣется для того, чтобы не лишиться ожидаемаго высокаго благополучія вступить въ близость къ государю. Враги употребляли большія старанія чѣмъ либо въ дѣйствительности испортить здоровье царевны-невѣсты и такимъ образомъ лишить ее царской любви, выселить изъ дворца и тогда новый выборъ государевой супруги направить согласно своимъ потаеннымъ цѣлямъ.

Съ подробностями такихъ печальныхъ событій въ государевой жизни лучше всего познакомить насъ исторія царскихъ невѣстъ.

Скорбь разлуки съ избранною невѣстою, именно вслѣдствіе дворскихъ интригъ, долженъ былъ испытать изъ царей первый Иванъ Васильевичъ Грозный. Со многими и долгими испытаніемъ (въ 1572 г.) онъ избралъ въ супруги дѣвицу Марфу Васильевну Собакину. Она была испорчена еще въ невѣстахъ и скончалась съ небольшимъ черезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы, совершенной царемъ вопреки обычному предубѣжденію и страху за собственное здоровье. Объ этомъ засвидѣтельствовалъ самъ царь, когда просилъ соборнаго разрѣшенія вступить потомъ въ четвертый бракъ на Аннѣ Алексѣевнѣ Колтовскихъ: „ненавидѣй добра врагъ, воздвиге *ближнихъ* многихъ людей враждовати на царицу Марѣу, еще въ дѣвицахъ сущу, точію имя царское возложено на нее, и тако ей *отраву злую учиниша*. Благотѣрный же царь и в. к., положи на Божіе всещедрое существо упованіе, либо изцѣлѣетъ, поя за себя дѣвицу Марѣу, и только была за нимъ двѣ недѣли и преставися. И понеже дѣвства не разрѣшилъ третьяго брака, царь и в. к. о таковыхъ много оскорбися и хотѣ обещися во иноческое“¹. Подозрѣніе

¹ Визл. XIII, 105

въ порчѣ пало на родство прежнихъ царицъ, Анастасіи Романовыхъ и Марьи Черкасскихъ. Былъ розыскъ и были казни, по Карамзину *являя* эпоха душегубства, въ которую погибъ, въ числѣ другихъ, кн. Мих. Темрюковичъ Черкасскій, братъ царицы Марьи. Къ сожалѣнію дѣло объ этомъ розыскѣ, со множествомъ разныхъ другихъ дѣлъ, весьма важныхъ для исторіи Ивана Грознаго, до насъ не дошло, и потому мы не имѣемъ никакихъ основаній дѣлать рѣшительныя заключенія ни о той, ни о другой сторонѣ.

Болѣе подробностей о подобныхъ событіяхъ царской жизни сохранилъ намъ XVII вѣкъ. Такъ, слѣдственное дѣло о бѣгствѣ первой невѣсты царя Михаила Феодоровича, Марьи Хлоповой, довольно близко знакомитъ насъ съ характеромъ дворскихъ отношеній въ этихъ обстоятельствахъ и вообще съ подробностями домашней жизни избранныхъ государевыхъ невѣстъ. По вступленіи на царство, шестнадцатилѣтній Михаилъ Феодоровичъ, юноша кроткій и тихій, благоувѣтливый и покорный, какъ отзывается о немъ лѣтописецъ, до возвращенія изъ плѣна своего отца, Филарета Никитича, находился въ полной опекѣ матери, великой старицы инокини Марѣы Ивановны. Въ первое время близкими къ нему людьми явились конечно его родственники, какъ всегда и бывало. Да и кому же, кромѣ родства, вѣрнѣе и безопаснѣе было поручить береженіе молодого государя, особенно вскорѣ послѣ общихъ, всенародныхъ смутъ, въ виду бывшихъ постоянныхъ измѣнъ, и даже убійствъ, отъ которыхъ не могли спастись государи-предшественники. Безсомнѣнія по совѣту родственниковъ и по назначенію Марѣы Ивановны ближайшія и самыя важныя дворовыя должности при Михаилѣ отданы были въ 1613-г. двумъ его двоюроднымъ братьямъ, Борису и Михаилу Салтыковымъ. Первый назначенъ дворецкимъ, второй — крайчимъ. Близость къ молодому, неопытному и покорному государю очень скоро возвысила ихъ до значенія самовластныхъ и самоуправныхъ временщиковъ. Хозяйничая своевольно и безотвѣтственно во дворцѣ, они давали чувствовать свою власть и въ общихъ дѣлахъ государства, такъ что многіе съ нетерпѣніемъ ожидали пріѣзда изъ плѣна царскаго отца Филарета Никитича, который одинъ только своею отцовскою властью могъ остановить это боярское своеволіе, всегда поднимавшееся во время малолѣтства или неспособности государей.

Вотъ что разсказываетъ правдивый современникъ объ этихъ первыхъ годахъ Михайлова царствованія. „Бѣ же царь младъ.... и не бѣ ему еще толика разума, еже управлять землею, но боголюбивая его мати, инока великая старица Марѳа, правя подъ нимъ и поддерживая царство *со своимъ родомъ*.... Но и сему.... царю.... не безъ мятежа сотвори державу врагъ діаволъ древній, *возвыся какъ гладущихъ на мздоиманіе*“, которые царя ни во что же вѣнчали и не боящися его, понеже дѣтескъ сый.... всю землю Русскую раздѣлившѣ по своей воли, яко и его царская села себѣ поимаша....“ Почти тоже самое разсказываютъ и иностранцы современники ¹.

Послѣ вѣнчанія царскимъ вѣнцомъ, 11 іюля 1613 г., слѣдовало подумать и о вѣнчаніи брачнымъ вѣнцомъ, какъ водилось изстарѣ. Неизвѣстно однакожъ, тогда ли начались объ этомъ государевы заботы. Только въ 1616 г., когда царю былъ уже 20-й годъ, матъ благословила его на это доброе дѣло, которое было желательно и для всей земли, испытавшей столько бѣдъ и потому вполне желавшей, чтобы новый царскій родъ неколебимо утвердился на престолѣ.

Для *обирания* невѣсты къ его государственной радости, по установившемуся обычаю, были, вѣроятно, собраны во дворецъ всѣ тогдашнія красавицы, дочери дворянъ и вообще служилаго помѣщичьяго сословія. Царь выбралъ въ невѣсты Марью Ивановну Хлопову, дочь московскаго дворянина. Какъ только дѣло было рѣшено, государь велѣлъ позвать къ себѣ ея родныхъ: отца, мать и всѣхъ, кто былъ на лицо, все родство. Это-то родство и было всегда ненавистно старымъ временщикамъ. Здѣсь являлись соперники, незнатные, небогатые, но сильные въ послѣдствіи, вліятельные по свойству съ царицей, съ которыми въ послѣдствіи трудно было ладить, отъ которыхъ нельзя было ждать добра, ибо и они тоже всегда почитали себя первыми и самыми ближайшими кандидатами въ такіе же временщики. По этимъ причинамъ, старые любимцы государя должны были употреблять всѣ усилія, чтобы направить выборъ царской невѣсты соотвѣтственно своимъ личнымъ цѣлямъ. Для нихъ, напр., очень важно было, чтобы близкіе родные и все

¹ Записки о Россіи XVII в. по донесеніямъ голландскихъ резидентовъ. Вѣстникъ Европы, 1868, кн. 1.

родство будущей царицы не было слишкомъ значительно по своимъ личнымъ достоинствамъ или заслугамъ.

Родныхъ Хлоповой позвали въ Верхъ, въ Рождеству на Сѣни, т. е. на дарицыну половину дворца. Здѣсь вышли къ нимъ Борисъ да Михайло Салтыковы, первые люди во дворцѣ, и велили имъ тутъ подождать до государева указу. Затѣмъ позвали ихъ къ государю въ хоромы, въ Переднюю. Тамъ сказалъ имъ государь самъ, что онъ „произволилъ взять себѣ для сочетанья законнаго брака Иванову дочь Марью, и ихъ родственницу, и онибъ ему служили и были при немъ близко“. — Родные будущей царицы ударили челомъ государю, благодаря за неизреченное жалованье. Съ этой минуты они были при государѣ *близко*; они становились своими людьми государю, могли свободно ходить во дворецъ къ нареченной невѣстѣ.

Государеву невѣсту помѣстили у государя въ верхнихъ хоромыхъ, въ термахъ; нарекли ее *царицею*, а имя ей дали *Настасья*, очень вѣроятно — въ память царской бабки Анастасьи Романовны, первой супруги Грознаго. „И молитва нареченію ей была и чины у ней устави по государскому чину, т. е. честь и береженье къ ней держали, какъ къ самой царицѣ; и дворовые люди крестъ ей цѣловали, и на Москвѣ, и во всѣхъ епископяхъ Бога за нее молили, т. е. поминали на ектеньяхъ“.

Въ Верху, въ хоромыхъ, при нареченной царицѣ жила Марья Милюкова, одна изъ придворныхъ сѣнныхъ боярынь; также мать дарицы и ея бабка, Ѳедора Желябужская. Родственники сначала приходили челомъ ударити временемъ, потомъ ходили къ ней по вся дни и вѣдали съ государемъ на богомолье къ Троицѣ, когда онъ отправился туда вмѣстѣ съ матерью и невѣстою молить Бога о благополучномъ сочетаньи бракомъ. Это было 16 мая 1616 г. Все происходило по заведенному искони обычному порядку; все шло благополучно, безъ всякой помѣхи; невѣста чувствовала себя во всемъ здоровою, кушала царскія сладкія яства, безсომнѣнно веселилась новою жизнію и ожидаемымъ счастьемъ, которое должно было возвысить и весь ея родъ. Такъ прошло около мѣсяца. 9 іюня „государыня царевна и великая княгиня Настасья Ивановна всеа Русіи государыни и великой старицѣ иноку Марѣѣ Ивановнѣ на новоселье челомъ ударила: два сорока соболей, одинъ 30 р., другой 25 р.“ Вѣроятно свекровь въ это время построила себѣ въ Вознесенскомъ монастырѣ новые хоромы.

Изъ родныхъ царевны замѣтно выдвинулся ея дядя Гаврила Васильевичъ Хлоповъ, повидимому человекъ очень неглупый, бывалый, стойкій и прямой. Очень понятно, что онъ-то особенно и не могъ понравиться Салтыковымъ. Однажды ходилъ государь въ Оружейную Палату и смотрѣлъ оружейную казну. Оружейною Палатою, гдѣ выдѣлывалась всякое царское оружіе, завѣдывалъ тогда Михайла Салтыковъ, исполнявшій, кромѣ должности кравчаго, и должность оружничаго, которая также всегда поручалась близкому и довѣренному человеку. Поднесли къ государю турецкую саблю и почали хвалить. Салтыковъ, какъ полный хозяинъ царскаго оружейнаго заведенія, а слѣд. и знатокъ дѣла, выхваляя своихъ мастеровъ, сталъ говорить, что и на Москвѣ, т. е. въ Оружейной Палатѣ, государевы мастера такую саблю сдѣлаютъ. Государь передалъ смотрѣть саблю въ руки Гаврилѣ Хлопову, спрашивая его: какъ онъ думаетъ, сдѣлаютъ ли такую саблю въ Оружейной Палатѣ? Осмотрѣвъ саблю, Хлоповъ отвѣтилъ: „пожалуй сдѣлаютъ, только, думаю, не такую, какъ эта“. Могъ ли Салтыковъ, оружничій, перенести хладнокровно такое противорѣчіе своему отзыву, а можетъ быть и хвастовству. Разсерженный, онъ вырвалъ у Хлопова саблю, примолвивъ, что говоритъ онъ, незнаючи¹. Зналъ ли Хлоповъ дѣйствительно толкъ въ этомъ дѣлѣ или выразилъ только простое сомнѣніе умнаго и бывалаго человека, но неуступилъ оружнику, побранился съ нимъ и „поговорилъ съ Салтыковыми гораздо въ разговоръ“. Все это дѣлалось при самомъ царѣ и все это напоминаетъ поведеніе олигарховъ во время молодости дѣдушки Михаила, царя Ивана Васильевича Грознаго. Съ тѣхъ поръ Салтыковы невзлюбили Хлоповыхъ, а это почти рѣшало участь царской невѣсты.

¹ Когда это было, неизвѣстно. Въ расходныхъ дворцовыхъ запискахъ значится, что 10 мая въ Оружейный Приказъ изъ домовой государевой казны была отпущена «сабля булатная тевриская (теврискій выковъ) ножны хозъ черной, оковы булатныя, цѣна 5 р.» Быть можетъ это та самая сабля, которую похвалялъ государь. Въ Оружейной Палатѣ сохраняется булатная сабля прорѣзная съ богатой золотой насѣчкой и съ русскою подписью латинскими, т. е. польскими буквами: «сей тесакъ сдѣланъ повелѣніемъ государя царя и в. к. Михаила Феодоровича всея Русіи въ пятое лѣто (1617 г.) государства его мѣсяца... по приказу крайчево и оружничево Михаила Михайловича Салтыкова, дѣлалъ мастеръ Nial Proswit». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта сабля сдѣлана по приказанію Салтыкова въ подтвержденіе своихъ словъ, что и въ Москвѣ сумѣютъ сдѣлать саблю не хуже турецкой.

Бороться съ такими сильными и вліятельными людьми было невозможно людямъ, еще только приближавшимся къ довѣрію государя. Недѣли двѣ спустя послѣ того, какъ дядя невѣсты поговорилъ гораздо въ разговоръ съ оруженничимъ, Мих. Салтыковымъ, нареченная царица начала понемогати, появилась болѣзнь, „рвало и ломало нутрь и опухль была.... а была ей блевота не вдругъ, сперва было дни съ три и съ четыре, да перестало, а послѣ того спустя съ недѣлю опять почала блевать“. Родные думали, что это случилось отъ сладкихъ ядей, потому что „ѣдала сласти, и они ей говорили, чтобъ сластей кушала не много, и оттого та болѣзнь блевота почала быть въ ней меньше“. Само собою разумѣется, что какъ только Хлопова заболѣла, отецъ и бабка ея тотчасъ доложили о томъ государю и государынѣ старицѣ Марѣ Ивановнѣ. Государь сейчасъ же велѣлъ дохтурамъ болѣзни ея смотрити. Но леченье по необходимости должно было идти чрезъ посредство крайчаго Михайла Салтыкова, которому, какъ крайчему и лицу самому довѣренному, государь, естественно довѣрялъ и лѣчение своей невѣсты.

Въ первое время Салтыковъ призывалъ доктора Валентина Бильса. Докторъ, болѣзнь нареченной царицы, своимъ дохторствомъ смотрѣлъ; по его отзыву она въ то время была больна тѣмъ: „желудокъ у нея въ тѣпоры былъ безсиленъ и не варилъ и селезенка опухла. Та болѣзнь, замѣтилъ онъ, бываетъ отъ желудка, какъ желудокъ бываетъ вѣтренъ; а какъ желудокъ будетъ здоровъ и то все минуется, да отъ той болѣзни и въ почкахъ бываетъ болѣзнь и блевота; онъ такіа болѣзни лѣчивалъ и многимъ пособлялъ, а *плоду и чадородію* отъ того порухи не бываетъ....“ Бильсъ прописалъ лѣкарство, которое по порядку тогдаже было записано въ книгахъ, въ аптекарской палатѣ, и передано въ руки отцу невѣсты, Ивану Хлопову. Въ другой разъ лѣкарство было прописано, спустя недѣлю. Лѣкарство по тогдашнимъ понятіямъ вообще было дѣломъ весьма подозрительнымъ и опаснымъ, а при настоящихъ обстоятельствахъ оно могло казаться на самомъ дѣлѣ отравою. Отецъ невѣсты зорко наблюдалъ за Салтыковыми. Подозрительность его не оставляла безъ вниманія и малѣйшаго случая, сколько нибудь сомнительнаго въ поведеніи бояръ. „Межъ себя они *шептали*.... и пришедъ Михайло Салтыковъ, велѣлъ ему взяти изъ аптеки склянницу съ водкою и отнести къ дочери его Марѣ, а сказали, что она отъ того будетъ больше кушать“. Онъ взялъ у Бильса

скляницу и отдалъ въ хоромы Марьѣ Милюковой, невѣстиной боярыни. Но въ хоромѣхъ, вѣроятно по общему совѣту, держали себя крѣпко отъ подобныхъ водокъ и не употребляли ихъ. Вѣсто сомнительной водки, тамъ больной давали *нѣтъ воду святую съ мощей*, а имали крестъ (съ мощами) у Волынскихъ, который вѣроятно славился изцѣленіями. Давали также камень *безуи*. И оттого ей далъ Богъ изцѣленье, изцѣлила и полегчело скорбь; и послѣ того болѣзнь не поминалася.

Это было врачеванье настоящее, которое предписывалось старымъ благочестіемъ и оправдывалось общимъ убѣжденіемъ народа въ его непререкаемой помощи. Докторское врачеванье по тому же убѣжденію все еще имѣло видъ врачеванья бѣсовскаго, имѣло видъ волхвованія, зелейничества, которое было грѣхомъ. Домострой писалъ: „аще Богъ пошлетъ на кого болѣзнь или какую скорбь, ино врачеватися Божіею милостію, да слезами, да молитвою, да постомъ, да милостынею къ нищимъ, да истиннымъ покаяніемъ. Да благодареніе и прошеніе и милосердіе и нелицемѣрная любовь ко всякому, аще кого чѣмъ пріобидѣлъ, отдать сугубо и на предъ не обидѣти. Да отцовъ духовныхъ и всякъ чинъ священническій и мнишескій подвизати на моленіе Богу; и молебны пѣти и *вода святити съ честныхъ крестовъ и со святыхъ мощей и съ чудотворныхъ образовъ, и масломъ свящатися*; да по чудотворнымъ по святымъ мѣстомъ общеватися и, приходяще молитися, со всякою чистою совѣстію; тѣмъ цѣлба всякимъ различнымъ недугомъ отъ Бога получить....“ Домострой толковалъ, что всякіе тяжкіе различные недуги суть наказаніе гнѣва Божія; поэтому кто „оставя Бога, и милости и прошенія грѣховъ отъ него нетребуя, призываетъ къ себѣ чародѣевъ, кудесниковъ, волхвовъ и всякихъ мечетниковъ и зелейниковъ, и съ корнемъ, отъ которыхъ ожидаетъ душегубной и временной помощи, тотъ уготовляетъ себя діаволу, во дно адово, во вѣки мучиться“.

Конечно, если всякая болѣзнь носила въ себѣ смыслъ Божьяго гнѣва, Божьяго наказанія за премногіе грѣхи, то и ея врачеваніе должно было призывать одну лишь Божію помощь, должно было обращаться къ одной лишь святынѣ и къ дѣламъ покаянія. Человѣческая помощь здѣсь ничего не значила, а тѣмъ менѣе — помощь докторская, которую и вообще весьма трудно было отдѣлать отъ обыкновеннаго знахарства, отреченнаго и проклятаго всѣми соборами. Вотъ почему во всѣхъ важныхъ

случаяхъ, не только въ домашнемъ ежедневномъ быту, но и въ быту всенародномъ, всегда съ молитвою прибѣгали къ чудотворной силѣ святой воды, освященной съ животворящаго креста съ мощами. Такъ, въ 1647 г. февр. 26, царю Алексѣю Михайловичу били челомъ жители города Карпова: „по твоему государеву указу твой новый городъ Карповъ поставленъ, а мы, холопи твои, въ Карповъ изъ разныхъ городовъ сведены на вѣчное житіе съ женишками и съ дѣтишками и дворишки себѣ построили; и за грѣхъ нашъ, въ Карповѣ напала на насъ болѣзнь и скорби полевья (степныя), и вода въ Карповѣ нездоровая: многіе отъ тѣхъ болѣзней и скорбей помираютъ, и цѣлебнаго животворящаго креста Господня съ мощами святыхъ въ Карповѣ нѣтъ; водъ священіе бываетъ крестомъ Христовымъ безъ мощей. Вели, государь, прислать въ Карповъ для нашихъ скорбей и болѣзней животворящій крестъ Господень съ мощами святыми на освященіе водъ и на утвержденіе и на изцѣлѣніе намъ, чтобъ намъ отъ тѣхъ полевыхъ болѣзней и скорбей напрасною смертію не помереть“. Государь велѣлъ имъ принести животворящій крестъ изъ Хотмышка, куда эта святыня, вѣроятно по такому же челобитію была отправлена въ 1646 г. съ наказомъ: „тотъ животворящій крестъ для освященія воды и изцѣлѣнія всякихъ болѣзней и скорбей воеводамъ изъ Хотмышка отпускати въ города безъ задержанія“. По такимъ же причинамъ, въ 1649 г., государь послалъ изъ Москвы животворящій крестъ съ мощами въ Курскъ, гдѣ многіе люди нападными болѣзнями и страхованіями болѣзновали и помирали. Государь наказывалъ встрѣтить святыню съ крестнымъ ходомъ, служить молебень, святить воду; „и тою святою водою городъ и по городу нарядъ (пушечный) и всякія крѣпости, и всякихъ чиновъ людей, и лошадей, и всякую животину кропить не по одинъ день; и въ другіе украинные города отпускать на просвѣщеніе и изцѣленіе больнымъ, съ великою съ подобающею честію“¹. Мы увидимъ, что въ царскомъ быту животворящимъ крестомъ всегда благословлялись новобрачные, а равно и новорожденные младенцы съ тою, безсомнѣнія, вѣрою, чтобы эта святыня служила имъ на изцѣленіе и сохраненіе отъ всякихъ недуговъ.

Весьма понятно, что въ настоящемъ случаѣ для государевой невѣсты святая вода съ животворящаго креста была наиболѣе

¹ Описаніе госуд. Архива, П. Иванова, 300. Полн. Собр. Зап. т. I, № 2.

желаннымъ врачеваніемъ. Докторское искусство являлось здѣсь, по мѣстнымъ, дворцовымъ обстоятельствамъ въ самомъ подозрительномъ видѣ. Чтобы предохранить больную отъ отравы ей давали еще камень *безуй*, который, по тогдашнимъ понятіямъ, служилъ самымъ вѣрнымъ средствомъ не только отъ всякой отравы, но и отъ всякихъ болѣзней. Извѣстно, что патріархъ Никонъ, въ своей ссылке, жаловался, что его было отравили: „крутицкій митрополитъ да чудовской архимандритъ прислали дьякона Θεодосія со многими чаровствомъ меня отравить и онъ было отравилъ, едва Господь помиловалъ, безуемъ камнемъ и индроговымъ пескомъ отпился“¹.

¹ Безуй или безоаръ, камень, находящійся во внутренности некоторыхъ животныхъ, а также камень ископаемый. Въ средніе вѣка ему приписывали, какъ мы замѣтили, цѣлебную силу отъ всевозможныхъ ядовъ и болѣзней. Такое понятіе о немъ сложилось, конечно, на востокѣ, почему восточные безуй и цѣнились всегда выше другихъ, по цѣнамъ немалымъ, ибо вообще эти камни очень рѣдки. Въ старинныхъ нашихъ лечебникахъ, разумеется переводныхъ, о камнѣ Безуй сказывается слѣдующее: „безоаръ камень привозятъ изъ Индіи, а кой привозятъ изъ восточной Индіи и тотъ есть сильнѣе, а цвѣтомъ сѣръ, а иной чернъ, и мелокъ; а сказываютъ, что находятъ его при берегу морскомъ, а родится сказываютъ въ сердцѣ у оленя, а иные сказываютъ — у змѣи въ желчи“. Далѣе лечебникъ говоритъ, что всѣ мудрецы описуютъ, что безоаръ начальное мѣсто имѣетъ между всеми лѣкарствами, которыя помогаютъ отъ окормовъ и отъ упойства, сирѣчь отъ порчи лѣхихъ людей.... имѣтъ его сильнѣе. Серапіонъ мудрецъ пишетъ, что принимать его надо тертый, вѣсомъ противъ 12 зеренъ ячменныхъ, подогрѣвъ съ ренскимъ или съ бавльмъ французскимъ виномъ, «а какъ его кто выпьетъ и легъ бы на постелю окутався платьемъ, чтобы вспотѣть. — Въ моровое повѣтріе тотъ камень тоже внутрь принимать и при себѣ его носить». — «Аще кто тотъ камень вставитъ въ перстень и почуветъ въ себѣ порчу и вложитъ уста, сосалъ бы его, тогда отъ порчи избавляетъ».

Около времени избранія Хлоповой въ невѣсты государю, 1616 г. марта 21, взяты были въ государеву казну, на казенной дворѣ, у ярославца Назарья Чистово три камня безую, въ одномъ вѣсу 9 золотниковъ 2 денги, въ другомъ — 8 зол. съ полузолотникомъ, въ третьемъ — 6 зол., съ четью, и всего въ трехъ камняхъ вѣсу 24 золотника безъ денги, а денегъ за нихъ довелось было дати 215 рублей (выданы изъ Денежнаго приказу). Арх. Оп. Пал. № 1063. — Въ 1625 г. кизылбашскій Аббасъ Шахъ прислалъ государю въ поминкахъ камень безуй оправленъ въ золотъ съ яхонтиками и изумрудцы, вѣсу совсѣмъ 7¼ золотн. цѣна 14 р. 17 алт. 4 д. Въ 1626 г. купленъ у казанца Ив. Истомина камень безуй большой вѣсу 17½ золотн. за 15 р. — Въ 1676 г. марта 7 велѣно было сдѣлать государю въ серебряной палатѣ чашку съ кровлею гладкую на поддонцѣ, съ подписью государева имени, а въ чашкѣ и въ кровлѣ вставить по *безую восточному*, и позво-

Между тѣмъ Салтыковъ, оставивъ доктора Бильса, можетъ быть по той причинѣ, что не надѣялся вайди въ немъ пособника своимъ замысламъ, обратился къ лѣкарю Балсырю, т. е. , степению ниже въ медицинскихъ познаніяхъ, который отвѣтилъ ему, что онъ мимо дохтура лѣчить неумѣетъ, тое болѣзнь знають дохтуры. Однакожъ онъ осмотрѣлъ больную и свидѣтельствовалъ, что „было у ней въ тѣ поры въ очахъ желтовато, а словеть желтая болѣзнь, и что лѣчить ее можно и порухи отъ тое болѣзни чадородію небываетъ, да и жолтина въ очахъ (у ней) была невеликая. И прежь того онъ таіе болѣзни лѣчивалъ и пособлялъ“. Да не того хотѣлъ кравчій Салтыковъ, онъ хотѣлъ чтобы невѣста была больна неизлѣчимо, чтобъ она была къ государственной радости не прочна. Однимъ словомъ, онъ искалъ причины удалить ее изъ дворца со всѣми родными. Съ этой мыслью онъ спросилъ Балсыря, „будетъ ли она имъ государыня?“ Тотъ отвѣчалъ — почему ему то вѣдать, то не его дѣло. Лѣкаря Балсыря, послѣ того, какъ и доктора Бильса, къ больной не зывали и лѣкарства у нихъ не спрашивали. Мы видѣли, какимъ лѣкарствомъ пользовали больную, и отъ какихъ лѣкарствъ она изцѣляла. Но въ то время, какъ въ верхнихъ хоромахъ больную изцѣляли св. водою съ чудотворн. креста, Салтыковъ рассказывалъ государю, что „дохтуры болѣзни ея смотрили и говорили, что въ ней болѣзнь великая, излѣчить ее невозможно и живота (жизни) ей долгаго не чаятъ; что такою болѣзнью была больна на Угличѣ женка и жила всего съ годъ и умерла; и дохтуръ скazujeваетъ, что Марьи излѣчить нельзя“.

Трудно было молодому царю узнать правду въ этомъ дѣлѣ. Трудно было не повѣрить двоюроднымъ своимъ братьямъ, которые были такими близкими и преданными ему людьми. Тѣмъ еще болѣе трудно было узнать истину, что Салтыковы успѣли возстановить противъ Хлоповыхъ, а стало быть и противъ государевой невѣсты, его мать, великую старицу Марфу Ивановну, на которую они дѣйствовали вѣроятно наговорами и сплетнями чрезъ свою мать, старицу Евникію, жившую тоже въ Вознесенскомъ монастырѣ. Видно, что монастырь съ своими инокинями служилъ имъ самою твердою и прочною

тить сплошь. Въсу въ ней вышло 1 ф. 59 зол. Апрѣля 4 она подана въ хоромы. Чашка сдѣлана постоянно болѣвшему царю Федору Ал.

опорою въ ихъ самовластныхъ дѣйствіяхъ. „Врагъ же діаволъ научи нѣкоторымъ сродичамъ, царевъ матери племянникомъ, *остудити* царевъ матери царицу, нѣкоторымъ чародѣйствомъ ненависть возложиша и разлучиша ю отъ царя и послаша въ затокъ“¹.

Дѣйствуя и въ монастырѣ и предъ лицомъ государя съ самою коварною скрытностью, они безъ сомнѣнія первые же предложили рѣшить это дѣло соборне, т. е. въ думѣ, по разсужденію всѣхъ бояръ, ибо вопросъ былъ дѣйствительно очень важенъ, по крайней мѣрѣ лично для царя. Послѣ освященія царскимъ именемъ, послѣ крестнаго цѣлованья, послѣ всенародныхъ моленій о здравіи, было не совсѣмъ легко нареченную невѣсту—царевну *сослать съ Верху*, т. е. изъ дворца. Необходимо было подумать и разсудить дѣло съ осторожностью. Назначенъ былъ соборъ, думное сидѣнье, на которомъ дядя невѣсты Гаврило Хлоповъ билъ челомъ и заявилъ „чтобъ еще не поспѣшили сводить (ее) съ Верху, потому что въ ней болѣзнь объявилась невеликая, отъ сладкихъ идей, да и та ужъ минуется“. Но его рѣчи были напрасны, ибо причина заключалась не въ болѣзни, а въ *остудѣ* къ невѣстѣ и ея родству великой старицы Мары. Соборъ рѣшилъ, что невѣста къ государевой радости непрочна. Нареченную царевну *сослали съ Верху*. Спустя два дня послѣ того, ея болѣзнь было вспомнута, но скоро прошла и за тѣмъ она оставалась совсѣмъ здоровою, живи на подворьѣ у своей бабки, Ѳеодоры Желябужской. Черезъ 10 дней послѣ ссылки съ Верху, ее отправили изъ Москвы въ ссылку въ Тобольскъ съ бабкою и теткою и съ двумя дядьями, все Желябужскими, такъ что невѣста разлучена была даже съ своими ближайшими родными, отцомъ и матерью. Отцу тогда же дано было воеводство на Вологдѣ, гдѣ онъ находился до 1619 года, когда ему велѣно было ѣхать въ деревню². Молодой государь поверженъ былъ этимъ событіемъ въ печаль и скорбь великую.

„Сще же учиниша благочестивому царю, нанесоша ему печаль и скорбь велию; онъ же беззлобивый благодарнѣ терпаше сія и невосхотѣ иныя поняти, дондеже Литовскій король отпусти отца его, митрополита Филарета на Русь“.

¹ П. С. Р. Л. V, 65.

² Дворц. Разр. I, 238, 418.

Шесть недѣль, проведенные женихомъ въ смотринахъ на свою обрученную невѣсту, въ бесѣдахъ съ нею, вообще въ близости къ ней, не могли пройти безслѣдно для очень еще молодого и благоувѣтливаго царя. Изъ многихъ обстоятельствъ этого событія замѣтно, что государь очень полюбилъ свою невѣсту. Официальные акты, которые остаются почти единственными источниками нашихъ свѣдѣній о дѣлѣ, не должны были, конечно, раскрывать юношескихъ чувствъ государя, но они, особенно удара на то, что Хлопова жила въ Верху не малое время, что нарекли ее царицею и молитва нареченію ей была, и чины у ней были по государскому чину, и крестъ ей цаловали и Бога за нее молили всѣмъ государствомъ, объясняютъ тѣмъ самымъ, что дѣло и въ официальной средѣ доведено было до тѣхъ границъ, отъ которыхъ не легко возвращаться. Но что же оставалось дѣлать предъ суровою истиною, открытою кравчимъ Салтыковымъ, засвидѣтельствованную семейнымъ соборомъ, что нареченная царица къ государевой радости непрочна по своей неизлѣчимой болѣзни? Царь покорился. „Онъ же беззлобивый благодарнѣ терпяше сія и не *восхотѣ* имѣя *поняти*, дондеже Литовскій король отпусти отца его митрополита Филарета на Русь“. Въ этомъ только и могъ выразиться смиренный протестъ покорнаго своей матери сына, который едва ли хорошо вѣрилъ и своимъ роднымъ и всему семейному собору, что невѣста въ дѣйствительности была ему непрочна. Невѣсту *сослали съ Верху*, какъ можно полагать, судя по нѣкоторымъ отмѣткамъ дворцовыхъ расходовъ или въ концѣ іюня, или въ началѣ іюля. Во второй половинѣ іюня, видимо, все еще готовились къ свадьбѣ. 17—28 іюня готовили выѣздныя брачныя сани для невѣсты, обивали ихъ алтабасомъ по серебряной землѣ шолкѣ зеленѣ, червчатѣ, багровѣ съ золотомъ и кизылбаскимъ червчатымъ бархатомъ, на хлопчатой бумагѣ; шили въ нихъ подушки изъ бархату по серебряной землѣ шолкѣ алѣ, устраивали и обивали скамейку, дѣлали подъ ноги *миндеръ* или тю-фякъ изъ червчататаго сафьяна и т. д. Въ мастерской палатѣ еще 26 іюня шили государю брачную обычную одежду, русскую шубу на соболяхъ и терликъ, при чемъ было употреблено два мѣха соболей, цѣною въ 250 р. — Въ это же самое время готовился къ своей собственной свадьбѣ и Михайла Салтыковъ. Разлучивъ царя съ любимою невѣстою, онъ самъ спокойно обвѣнчался 14 іюля на своей избранной невѣстѣ и на третій

день свадьбы, іюля 16, прїѣзжалъ къ государю, какъ новобрачный, челомъ ударить. Государь благословилъ его образомъ и одарилъ кубкомъ, бархатомъ, атласомъ, соболями. 17 іюля государь точно также благословилъ образомъ и одарилъ и молодую Салтыкову, Парасковью Ивановну. Мать государева, инока Марѳа Ивановна тоже благословила молодыхъ образами и одарила камкою и соболями. Борисъ Салтыковъ женился еще въ 1615 г. 5 ноября¹.

Прошло около трехъ лѣтъ, самыхъ тяжелыхъ даже и для политическаго положенія государя. Въ 1618 г. къ Москвѣ подступалъ польскій королевичъ Владиславъ, 'отыскивая царства, такъ какъ ему еще прежде Михаила Москва дала присягу. „Бысть тогда на всѣхъ страхъ и трепеть и ужасъ, нашествія ради поганыхъ, и шатость бѣ велія въ людехъ, другъ друга боящися и чаяху измѣны.... и царю съ матерью велія скорбѣ бѣ и туга....“ Судьба избраннаго всенародно царя подвергалась большой опасности именно отъ предполагаемой шатости и измѣны въ людяхъ. Но эта шатость отжила уже свой вѣкъ; Москвичи стали крѣпко за своего молодого царя и отбили королевича отъ стѣнъ столицы. Заключенъ былъ хотя и худой, но необходимый миръ, который возвращалъ намъ оставшихся въ Литвѣ плѣнниковъ, а въ числѣ ихъ государева отца Филарета Никитича. 14 іюня 1619 г. прибылъ наконецъ въ Москву Филаретъ Никитичъ. Черезъ 10 дней, 24 іюня, онъ торжественно былъ поставленъ въ патриархи. Съ этого времени управленіе земскими, государственными и домашними государевыми дѣлами переходитъ въ руки отца. Скоро становится замѣтнымъ, что вліяніе матери или, вѣрнѣе сказать, вліяніе старицы Вознесенскаго монастыря, гдѣ жила Марѳа Ивановна, ослабѣваетъ. Какъ только была почувствована мужская, строгая и болѣе справедливая рука въ управленіи, какъ только возстановлены были сила и значеніе царской власти, дѣла приняли другой ходъ. Временщики Салтыковы со всѣмъ своимъ родствомъ постепенно теряютъ свое самовластное значеніе. Все, что было ими тѣснимо становится на ноги. Въ самомъ государѣ просыпается старое чувство къ его сосланной невѣстѣ.

¹ См. въ Матеріалахъ записки о *верхнемъ* отнош. 7124 г. О новобрачныхъ прїѣздахъ къ государю Салтыковыхъ см. Матеріалы № 2.

Черезъ два мѣсяца послѣ поставленія отца въ патриархи, отпраздновавши съ нимъ Успеневъ день, праздникъ церковный и собственно патриаршій, молодой государь въ первое же воскресенье, августа 22, отправился вмѣстѣ съ матерью на Унжу, молиться, къ Макарію Желтоводскому чудотворцу. Походъ на богомолье въ этотъ далекій край былъ предпринятъ, вѣроятно, по обѣщанью въ благодарность за избавленіе отъ плѣна Филарета Никитича, а вмѣстѣ и за избавленіе Москвы отъ нашествія королевича Владислава, ибо св. Макарій прославлялся чудесами избавленія отъ плѣна городовъ и людей. По дорогѣ на Унжу государь былъ „у чудотворцевъ Переславскихъ и у Ростовскихъ и у Ярославскихъ и у пречистой Богородицы Ѳеодоровской на Костромѣ“, въ день праздника которой послѣдовало его избраніе на царство. При такомъ настроеніи богомольныхъ мыслей, невозможно было не вспомнить и о другомъ плѣнѣ, тяжесть котораго быть можетъ не менѣе была чувствуема молодымъ государемъ. Въ томъ же августѣ, быть можетъ въ тѣ же самые дни, когда отправился государь на богомолье, посланъ былъ въ Сибирь гонецъ съ грамотами къ воеводамъ, въ Тобольскъ и на Верхотурье, въ которыхъ наказывалось, чтобы „Ивана Желябовскаго съ матерью (бабкою невѣсты) и съ женою и съ братомъ и съ *племянницею*, подъ именемъ которой глухо разумѣлась невѣста, изъ Тобольскаго города перевести на Верхотурье, а въ Верхотурь дать имъ для житія дворъ, и кормовые деньги, бабкѣ по 2 алт. на день, а всѣмъ другимъ, въ томъ числѣ и племянницѣ, по 10 денегъ, и безъ указа никуда ихъ съ Верхотурья не отпускать¹. Содержаніе грамоты показываетъ, что она писана еще подъ вліяніемъ Салтыковыхъ и Мары Ивановны: главное лицо—невѣста, не называется даже по имени, освобождается изъ Тобольска лишь Иванъ Желябовской съ родными. Къ тому же времени должно отнести и отпущъ изъ Вологды съ воеводства, въ деревню отца невѣсты, Ивана Хлопова.

Государь возвратился съ богомолья 2 ноября; вѣроятно не раньше этого времени переѣхала изъ Тобольска въ Верхотурье и его заточенная невѣста, ибо грамота объ этомъ получена была въ Верхотурьи только 29 сентября, а въ Тобольскѣ стало быть еще позже. Мы не знаемъ, что слѣдовало за этимъ пере-

¹ Акты Истор. III, № 80.

движеніемъ ссыльныхъ, какія сношенія они имѣли съ Москвою. Приведемъ только нѣсколько свидѣтельствъ характеризующихъ образъ жизни царя въ теченіи слѣдовавшаго за тѣмъ 1620 г. Въ генварѣ государь ходилъ *плынуться на лоси* въ Черкизово, по какому случаю отложенъ былъ до другаго дня даже пріемъ шведскаго посланника. 5 мая государь ходилъ по обѣщанію молиться къ Николѣ на Угрѣшу *плыкомъ*, съ матерью и въ сопровожденіи всего двора. Это былъ новый подвигъ благодарной молитвы за избавленіе изъ плѣна отца. Вскорѣ такой же походъ пѣшкомъ и съ тою же мыслью былъ совершенъ къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь и также вмѣстѣ съ матерью и со всѣмъ боярствомъ, съ дворовыми и приказными людьми. 12 іюля въ свои именины царь давалъ праздничный столъ въ Золотой Палатѣ, а послѣ стола послалъ по боярѣ и по околичныхъ по всѣхъ и по думныхъ дворянъ и задалъ имъ пиръ, пировали у государя въ Передней избѣ. Въ сентябрѣ опять обычный походъ къ Троицѣ также съ матерью, по обѣщанію ¹.

Замѣчательно, что въ близости у государя съ этого времени является, вмѣсто Бориса Салтыкова, бояринъ князь Ив. Борисовичъ Черкасскій, который ѣдетъ отъ государя къ его отцу „о здоровьѣ спросити“, что прежде поручалось обыкновенно Салтыкову. Эта перемена въ отношеніяхъ къ Салтыкову подтверждается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что кн. Черкасскій вскорѣ смѣняетъ его въ исполненіи одного домашняго дѣла, которое всегда поручалось самымъ близкимъ и испытаннымъ людямъ, кому вполнѣ можно было вѣрить. Борисъ Салтыковъ обыкновенно *снималъ* или, какъ тогда еще выражались, *легчилъ* государю *волоски*, т. е. по просту стригъ ему волосы, большею частію передъ праздниками Рождества Христова и Свѣтлаго Воскресенія. Это продолжалось до 1620 г.; съ 1621 г. этимъ дѣломъ занимается уже бояринъ кн. Ив. Бор. Черкасскій, котораго потомъ въ 1640 г. смѣняетъ Борисъ Александр. Репнинъ ².

¹ Дв. Разр. I, 435, 452, 454.

² Арх. Ор. Пал. №№ 726, 916, 968. Царю Алексію Михайловичу волоски *лехчилъ*, спущалъ волосы, въ первое время стрѣлецъ, пятидесятникъ Головленкова приказу, Семень Ерофеевъ, а впослѣдствіи сокольникъ Михаилъ Ерофеевъ, быть можетъ сынъ перваго, который получалъ за это лехченье государевыхъ власовъ по 15, а иной разъ и по 20 р. — При царѣ Михаилѣ бояре за то же самое получали по портищу (10 арш.) камки, отласу или другой подобной матеріи. Царю Федору Алексѣевичу *лехчилъ* волоски тотъ же

Въ томъ же 1620 году на святкахъ опять поднимается дѣло о заточенной невѣстѣ. 30 декабря пишутъ на Верхотурье къ воеводамъ грамоту, въ которой наказываютъ: „пожаловали есмя, для отца нашего в. г. свят. патріарха Филарета Никитича Моск. и всеа Русіи *Настасью Хлопову*, велѣли еѣ съ бабкою и съ дядьями, съ Иваномъ да съ Александромъ Желябужскими, отпустить изъ Сибири съ Верхотурья въ Нижней Новгородъ“. Велѣно отпустить на подводахъ, корму дать по прежнему указу, что давано въ Верхотурьѣ, смѣти во сколько недѣль можно доѣхать до Нижняго; „да и пристава бы съ ними для береженья послать, сына боярскаго добраго, чтобъ проводилъ онъ ихъ до мѣста, а дорогою ѣдучи держалъ бы къ нимъ береженье, а какъ въ Нижній пріѣдетъ, отдалъ бы ихъ боярину воеводѣ.... и быть имъ въ Нижнемъ до государева указу.... а котораго числа Настасью Хлопову съ бабкою и съ дядьями съ Верхотурья отпустить и кого пристава съ ними пошлютъ, о томъ бы отписали къ Москвѣ....“ Эту грамоту привезъ на Верхотурье 4 февр. 1621 г. человекъ Ивана Хлопова (отца невѣсты) Микитка Васильевъ ¹.

Грамота при обыкновенномъ своемъ дѣловомъ тонѣ, указываетъ однакожъ на значительную перемену домашнихъ государевыхъ отношеній. Въ ней наказывается отпустить изъ Сибири уже не Ивана Желябужскаго съ родными и *племянницею*, какъ въ первой грамотѣ, а именуется непосредственно первый предметъ государственной заботливости, первое лицо всей этой драмы, для котораго собственно и терпѣли ссылку и опалу всѣ остальные. И мало того, что личность невѣсты поставлена во главѣ, ей возвращено и принадлежавшее ей царское имя: *Настасья*. Это-то имя лучше всего и свидѣтельствуетъ, что государь вопреки желаніямъ матери, не покидалъ мысли о бракѣ съ своею нареченною царицею.

Повидимому смиренный и покорный сынъ, хотя и не смѣлъ выйти изъ воли матери, но, поддерживаемый отцомъ, велъ тихую, смиренную и однакожъ настойчивую борьбу съ тѣми подземными интригами, которыя успѣли остудить сердце матери къ его возлюбленной невѣстѣ, успѣли возбудить даже ненависть

Михаило Ерофеевъ, пожалованный уже въ дѣяки. Арх. Оп. Пал. № 988, 819, 400, 245.

¹ Акты Истор. III, № 91.

будущей свекрови и къ невѣсткѣ, и ко всему ея родству. Онъ тянулъ дѣло, ожидая переменъ въ мысляхъ матери. Между тѣмъ время шло и настояла даже государственная надобность въ его женитьбѣ. Пронеслась мысль, которую приписываютъ государеву отцу, о женитьбѣ на литовской королевичнѣ, въ видахъ государственной выгоды отъ этого брака, что будетъ прочный миръ съ Литвою, что возвратятся уступленные туда города и земли. Но Михаилъ отказался отъ этого брака, да вѣроятно, и самъ отецъ хорошо понималъ, что тогдашнія натянутыя отношенія къ Польшѣ не могли произвести ничего хорошаго и прочнаго. Однакожъ мысль о женитьбѣ на иноземной княжнѣ или королевичнѣ утвердилась на нѣкоторое время въ царскомъ семействѣ. Въ 1621 г., въ сентябрѣ, безъ малаго черезъ годъ по освобожденіи Хлоповой изъ Сибири, былъ посланъ посолъ въ Датскіе нѣмцы, къ королю Христіану, сватать его племянницу Доротею Августу, дочь Голштейнъ-Готторпскаго герцога Іоанна Адольфа¹. Но король не принялъ лично пословъ, сказался больнымъ, а посолъ не захотѣлъ пословать и объясняться съ одними ближними королевскими людьми. Сватовство, такимъ образомъ, даже и не было начато. Лѣтопись рассказываетъ, что король отказалъ будтобы по слѣдующей причинѣ: прежде, братъ мой ѣздилъ къ вамъ въ Русь, при царѣ Борисѣ, который хотѣлъ отдать за него свою дочь Ксенію, и пріѣхавъ въ Москву, часу не жилъ тамъ, *отравою* умили его; также и теперь дочь мою уморите.

Прошелъ еще годъ. Въ генварѣ 1623 года послали къ шведскому королю Густаву Адольфу, сватать княжну Екатерину, сестру курфюрста бранденбургскаго Георга, шурина королю. Здѣсь сватовство окончилось такою же неудачею, по той причинѣ, что княжна не захотѣла креститься въ православную вѣру, не захотѣла промѣнять свою вѣру на санъ царицы.

Послѣ этихъ неудачныхъ попытокъ высватать царю кого либо изъ иноземныхъ княженъ оставалось, сохраняя давній обычай, найти невѣсту изъ прирожденныхъ русскихъ, изъ подданныхъ. Когда отецъ и мать стали говорить объ этомъ сыну, онъ отказался отъ этого предложенія; онъ сказалъ: „сочетался я бракомъ по закону Божию и по преданію св. апостолъ и св. отецъ; обручена мнѣ царица; кромѣ ея не хочу взять иную“.

¹ Дворц. Разр. I, 488. Берка, царствованіе Михаила 133.

Нельзя было слишкомъ противорѣчить такому желанію государя, ибо это желаніе покрывалось законнымъ освященіемъ его нареченной невѣсты, а противъ святости исполненнаго закона трудно было стоять даже и родительской, ничѣмъ неодолимой волѣ. Вотъ почему быть можетъ и отецъ, какъ патріархъ, становится на сторону сына, или собственно на сторону освященной уже законности его желанія. Отцу объяснили однакожъ, что нареченная царица испорчена, неплодна и больна; между тѣмъ „въ слуху носилось“, отъ многихъ людей, что она во всемъ здорова и не была больна съ тѣхъ поръ, какъ вышла изъ дворца. Сдѣлалось необходимымъ изслѣдовать дѣло, раскрыть истину. 15 сентября 1623 г., слишкомъ черезъ семь лѣтъ со времени царскаго обрученія съ невѣстой, патріархъ, поговоря съ сыномъ, рѣшился разъяснить это дѣло окончательно. Позваны были въ государеву *комнату* (кабинетъ) ближніе бояре: Ив. Никит. Романовъ, кн. Ив. Борис. Черкасской, Ѳед. Ив. Шереметевъ. Въ ихъ присутствіи государь самъ лично допросилъ дохтура Валентина Бильса, видалъ ли онъ Хлопову, считавалъ ли ея болѣзнь, какаѣ были болѣзнь, можноль было вылѣчить, а толькобъ болѣзнь излѣчилась, то отъ той болѣзни не произошло ли бы какой помѣшки *чадородію*? Затѣмъ допросилъ лѣкаря Балсыря. Они оба утвердили, что болѣзнь была невеликая, вылѣчить было можно, что плоду и чадородію отъ того порухи не бываетъ. Послѣ того государь спрашивалъ околничаго Мих. Салтыкова, почему онъ тогда сказывалъ, что по дохтурскому осмотру болѣзнь въ Марѣ была великая и долгой жизни отъ ней ожидать было нельзя? Салтыковъ не далъ прямого отвѣта на этотъ вопросъ, а разсказалъ только, какъ шло лѣчение и что самъ онъ Михайло къ Марѣ съ лѣкарствомъ не ходилъ. Когда открылись разнорѣчія, Салтыковъ былъ поставленъ съ докторомъ и лѣкаремъ „съ очей на очи“. Лѣкарь уличалъ Салтыкова, что онъ между прочимъ спрашивалъ его, лѣкаря: „*будетъ ли имъ Марья Хлопова государыня или нѣтъ?*“ Салтыковъ отпирался, объясняя, что спрашивалъ у нихъ по государеву и по государынину великія старицы иноки Марѣи Ивановны приказу, нѣтъ ли въ Марѣ какія порчи?

Сентября 19 патріархъ и государь вмѣстѣ спрашивали отца Марѣи, Ивана Хлопова, а на другой день ея дядю Гаврилу Хлопова, который съ большею, чѣмъ отецъ, откровенностью и подробностью объяснилъ, что какъ было, присовокупивъ въ

заключеніе, что если онъ сказываетъ ложно, и онъ въ томъ у государя милости не просить. — Изъ его разсказа мы и привели изложенныя выше подробности этого дѣла. Въ тотъ же день, 20 сент., патріархъ распросилъ духовника царевны, Никитскаго монастыря священника Сергѣя Петрова, который объяснилъ, что знаетъ Хлопову, что она бывала у него въ исповѣданьи не одинова за шесть лѣтъ до ея взятія на государевъ дворъ, что болѣзни въ ней никакой невидалъ, а какъ была больна въ Верху и онъ у ней былъ и ее исповѣдывалъ; а какъ сослана съ Верху и жила на дворѣ у бабки и онъ передъ ея отъѣздомъ (изъ Москвы) у ней былъ же и ее исповѣдывалъ и она была здорова, а послѣ того про болѣзнь ея не слыхалъ, да и нынѣ слышалъ, что будто она въ Нижнемъ здорова.

21 сентября государи велѣли ѣхать въ Нижній для распросу и смьку Марьиного здоровья и болѣзни боярину Ѳед. Ив. Шереметеву, Чудовскому архимандриту Іосифу, ясельничему Богдану Матв. Глѣбову и дьяку Ивану Михайлову. Вмѣстѣ съ ними по указу государей отправился и отецъ царевны Иванъ Хлоповъ. А для разсмотрѣнья Марьины болѣзни посланы съ ними дохтуры, Артемій Дій, Валентинъ Бильсъ и лѣкарь Балсырь. Государи велѣли боярину съ товарищи распросить саму Марью Хлопову, что—вотъ она была взята въ Верхъ, что сказывалъ государю кравчій Михайло Салтыковъ, что она Марья была больна великою болѣзнію, и излѣчить было ее не мочно и живота ей долгаго не чають, и для того она отъ государя съ Верху сведена, — и онабъ сказала вправду, какою болѣзнію она была больна, когда та болѣзнь у ней объявилась, прежде или тутъ, будучи на государевъ дворѣ; и нѣтъ ли въ ней нынѣ какой болѣзни, — и говорить ей велѣли накрѣпко, чтобъ она болѣзни своей не таила ни коими мѣрами.... а будетъ Марья Хлопова болѣзнь въ себѣ какую нибудь утаить, а послѣ про то сыщется, а она, хоти и будетъ за государемъ, а болѣзнь ея объявится, и ей то мочно самой знать, что государь любити ее не учнетъ, и отъ в. г. свят. патріарха Филарета Никитича быти ей за то въ великомъ духовномъ запрещеніи; и онабъ болѣзни своей не таила и тѣмъ на весь родъ свой не навела государскія опалы и казни“.

О томъ же главномъ дѣлѣ, именно о болѣзни, есть ли въ Марьѣ какая болѣзнь, велѣно распросить и ея родныхъ, бабу, отца и дядей, съ великимъ подкрѣпленьемъ: бабѣ, что она, если

утантъ, наведетъ на себя и на весь родъ свой государскую опалу; отцу и дядьямъ, что если правды не скажутъ, быти имъ за то отъ государя казненымъ смертию. Вообще боярину съ товарищи велѣно смотрити и примѣчать во всякихъ мѣрахъ, а дохтурамъ смотрити ихъ дохтурскими науками, дѣйствительно ли Марья во всемъ здорова? Если же по распросу, по сыску и по дохтурскому осмотру, Марья во всемъ здорова, то велѣно съ отпискою о томъ пріѣхать къ Москвѣ чудовскому архимандриту, а боярину съ товарищи побыти въ Нижнемъ до государева указу и къ Марьѣ велѣно держати честь и береженіе во всемъ, и деньги и запасы всякіе на ея обиходъ давати, чтобъ ей скудости и недостатка ни въ чемъ небыло. А будетъ Марья Хлопова больна какою болѣзнію, а скажутъ дохтуры, что ее излѣчить мочно, и о томъ велѣно отписать къ государю, а самимъ побыти въ Нижнемъ до указу. А будетъ Марья больна, а излѣчить ее не мочно, и боярину съ товарищи велѣно ѣхать къ Москвѣ. А будетъ Марья сама про себя и ея родные скажутъ, что она здорова, а дохтуры скажутъ, что она больна и не прочна и за лѣкарство иматися не учнутъ, и боярину съ товарищи ѣхать къ Москвѣ, а у Марьи останиса отцу ея и дядьямъ. — А кормить ей передъ прежнимъ велѣно давать вдвое. Сверхъ того велѣно прислать въ Москву Марьяна отца духовнаго, который былъ духовникомъ у ней въ Нижнемъ.

Духовникъ пріѣхалъ въ Москву 11 октября и разсказалъ патриарху, что духовную свою дочь Марью Хлопову исповѣдывалъ и причащалъ многожды, что болѣзни въ ней невидалъ ни которыя; да и кромѣ исповѣданья бывалъ онъ у Марьи многожды, и ходилъ къ ней по вся недѣли (по воскресеньямъ), а болѣзни въ ней невидалъ, и про то неслыхалъ, и думаетъ, что она здорова во всемъ.

Октября 16 бояринъ съ товарищи прислали государямъ списокъ тому всему, какъ у нихъ дѣло дѣлалось, т. е. какъ было и къ чему привело ихъ изслѣдованіе; а послѣ того пріѣхалъ къ государямъ чудовской архимандритъ съ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ, что *Марья Хлопова во всемъ здорова*. Въ распросѣ сама Хлопова говорила: „какъ она была у отца и у матери и у бабки, и у ней болѣзни ни какія не бывало; да и на государевъ дворѣ будучи, была здорова шесть недѣль; а послѣ того появилися болѣзнь, рвало, и ломало нутрь, и опухъ была, а часть того, что *то ей учинилось отъ суетности ея*; и была та

болѣзнь у ней дважды по двѣ недѣли, и послѣ того давали ей пити воду святую съ мощей, и отъ того исцѣлѣла и полегчело вскорѣ; и послѣ того спустя два дня, какъ сведена съ государева двора, та болѣзнь у ней поминавалась, и отъ тѣхъ мѣстъ не поминавалась и по ся мѣста, и нынѣ во всемъ здорова“. Отецъ Марьи объяснилъ, „что дочь заболѣла на государевѣ дворѣ, а какими обычаями болѣзнь учинилась, того онъ не вѣдаетъ; а все то отъ Михайла да отъ Бориса Салтыковыхъ, межъ себя они шептали....“ Дохтуры, смотрѣвши Марьино здоровья и болѣзни своими дохтурскими науками, заявили, что во всемъ здорова и чадородію помѣшки въ ней не чають. Лѣкарь заявилъ, что передъ прежнимъ она здорова, очи чисты и болѣзни въ ней не чають“.

Такимъ образомъ вопросъ былъ рѣшенъ окончательно и къ радости государя. Исполняя царское повелѣніе, бояринъ Ѳед. Ив. Шереметевъ послалъ Марьѣ Хлоповой денегъ 300 рублей и запасы хлѣбные и медвяные, чтобъ ей ни въ чемъ скудости не было, а самъ остался въ Нижнемъ ждать государева указа.

Въ Москвѣ во дворцѣ, это изслѣдованіе произвело сильное впечатлѣніе. Обманъ Салтыковыхъ былъ раскрытъ во всей очевидности. Оскорбленный государь не помѣшкалъ своею опалю. Не прошло недѣли со дня полученія боярскаго донесенія и пріѣзда чудовскаго архимандрита, какъ назначенъ былъ, 24 октября 1623 г., въ Посольской палатѣ соборъ царской думы, на которомъ, послѣ обсужденія дѣла, думный дьякъ Иванъ Грамотинъ прочелъ Салтыковымъ слѣдующій государевъ указъ: „Борисъ да Михайло Салтыковы! — Государь ц. и в. к. Михайло Ѳеодоровичъ в. р. и отецъ его государевъ в. г. свят. патріархъ Филаретъ Никитичъ моск. и в. р. велѣли вамъ сказати неправды и измѣну вашу: вѣдомо всѣмъ людямъ московскаго государства, какая къ вамъ была государская милость и жалованье и учинены есте по государской милости въ чести и въ приближеніи не по вашему достоинству, паче всѣхъ братьи своей, и помѣстья и вотчинами пожалованы многими, чего ни за кѣмъ нѣтъ; и въ прошломъ во 124 году взята была ко государю на дворъ, для сочетанія государскаго законнаго брака, Марья Иванова дочь Хлопова и жила въ Верху не малое время и нарекли ее царицею и молитва нареченію ей была и чины у ней были по государскому чину и дворовые люди крестъ ей цѣловали, и на Москвѣ и во всѣхъ епископѣяхъ Бога за нее

молили, а отецъ ея и родство, Хлоповы и Желябужскіе, были при государѣ близко. И вы, побраняся съ Гавриломъ Хлоповымъ съ товарищи, для своей недружбы, любить ихъ всѣхъ не почали для того, чтобъ вамъ быть однимъ при государѣ; и вашею смутю почала быть Марья Хлопова больна; и ты, Михайло, сказалъ государю, что сказывалъ тебѣ лѣнаръ Балсырь, что будто Марья больна великою болѣзнію и излѣčiti ее не мочно.... и ты то солгалъ для своей недружбы, того тебѣ лѣнаръ неговаривалъ, и лѣčiti Марью Хлопову дохтуры хотѣли.... И ты, Михайло, государю сказывалъ не то, что тебѣ дохтуры говорили, и лѣčiti Марью не велѣлъ, и съ Верху она сослана не по правдѣ, по вашему Борисову и Михайлову наносу, безъ праведнаго сыску, и письма тому, какъ то дѣлалось, нѣтъ ничего; и государственной радости и женитвѣ учинили помѣшку. И то все дѣлали измѣною, забывъ государево крестное цѣлованье и государственную великую милость. А государственная милость была къ вамъ и къ матери вашей не по вашей мѣрѣ, и пожалованы были честию и приближеньемъ, паче всѣхъ, братья своей; и вы то все поставили ни во что, и ходили не за государевымъ здоровьемъ; только и дѣлали, что лише себя богатели, и дома свои и племя свое полнили и земли крали и во всякихъ дѣлѣхъ дѣлали неправду и промышляли тѣмъ, чтобъ вамъ при государственной милости, кромѣ себя, никого не видѣти, а доброхотства и службы ко государю не показали. А какъ нынѣ сыскивали и спрашивали и смотрели Марьино здравье и болѣзни, и по сыску и по дохтурскому разсмотрѣнію, Марья Иванова дочь Хлопова здорова во всемъ и болѣзни въ ней нѣтъ ни которыхъ, и напередъ сего въ ней болѣзни большой не бывало, и за то ваше воровство годни были есте казни. И государь.... и отецъ его государевъ.... патріархъ Филаретъ Никитичъ большаго наказанья учинити надъ вами не вѣлѣли, а велѣли васъ послать по деревнямъ съ приставами и съ женами вашими, а мать вашу велѣли послать въ Суздаль въ Покровскій монастырь, а при государѣ вамъ быть и государевыхъ очей видѣть не пригоже, а помѣстья ваши и вотчины велѣлъ государь отписать и взять на себя государя“.

На другой день, 25 октября опальные были высланы изъ Москвы въ свои дальнія вотчины, Борисъ на Вологду въ братнину вотчину; Михайло въ его Галицкую вотчину. „А людей съ ними указалъ государь отпустить по 4 человека мужиковъ, да же-

пожъ и дѣвокъ по 3 человѣка, а съ матерью ихъ съ старицею Евимкіею келейницу черницу да 2 человѣка да малой да женка да двѣ дѣвки....“¹. Однакожъ чиновъ съ нихъ не сняли и только удалили отъ очей государя. Борисъ былъ бояриномъ, а Михайло въ этомъ же году еще 7 генв. пожалованъ изъ кравчихъ въ окольнічіе.

Такъ окончилось *время* Салтыковыхъ, одно изъ событій, которыми такъ полна Московская дворская исторія и которое можетъ служить самою вѣрною и лучшею характеристикю тогдашнихъ внутреннихъ правительственныхъ отношеній. Послѣ, конечно, опальные были возвращены. Это случилось, въ годъ смерти Филарета Никитича, который вывелъ наружу ихъ лукавыя козни, и въ одно время съ возвышеніемъ въ бояре и въ дядьки къ царевичу Алексію Бориса Морозова, который, напротивъ, по всему вѣроятію держалъ руку Салтыковыхъ. По прежнему они стали очень близкими людьми къ государю и весьма часто бывали у его стола. Въ 1641 г. Михайло Салтыковъ получилъ даже и боярство². Лѣтописецъ рассказываетъ, что Салтыковы повинились: „яко сего ради тако сотворихомъ, понеже намъ удаленнымъ быти царева лица и сана своего лишитися“. Вотъ та основная, дѣйствующая мысль, которою исключительно жило все дворское общество въ царскій періодъ нашей исторіи. Мысль эта господствовала во всѣхъ дворскихъ умахъ, потому болѣе, что всегда находила поддержку, подкрѣпленіе и такъ сказать оживленіе своимъ стремленіемъ въ самомъ царѣ, въ его царской волѣ, во всемъ порядкѣ и во всемъ устройствѣ царскаго управленія землею, управленія собственно вотчиннаго, господарскаго или помѣщичьяго, которому могъ нанести рѣшительный ударъ только Великій Петръ, мужественно стряхнувшій съ себя эту старую форму государственнаго быта и воздвигнувшій государственное зданіе на другихъ, болѣе справедливыхъ и широкихъ основаніяхъ. Въ старину временщикъ представлялъ существенный типъ управленія не только въ царскомъ дворцѣ и стало быть во главѣ управленія всѣмъ государствомъ, но и во дворѣ областного воеводы, т. е. въ управленіи областью, и всюду, гдѣ ни появлялась управляющая власть, ибо въ самомъ существѣ этой власти въ ту эпоху ле-

¹ С. Г. Г. III, № 63, 64.

² Дв. Разр. II, 354, 650.

жала единая идея, господарская идея — самовластіе, самоволіа, которое всегда и дѣлало *время* всякому ловкому служителю этой идеи.

Такимъ образомъ опала, наконецъ, поразила государевыхъ враговъ, которые принесли ему столько горя, заставивши его цѣлые восемь лѣтъ ожидать брачной жизни съ своею возлюбленною нареченною царевною. Теперь наставала пора государственной радости и веселья.... Дѣло о женитьбѣ на Хлоповой было давно рѣшено между отцомъ и сыномъ, иначе они не подняли бы и слѣдствія о здоровьи царевны и именно о ея здоровьи въ настоящую минуту, когда настояла даже государственная необходимость въ государственномъ бракѣ. Розыскъ объ этомъ здоровьи произведенъ былъ не для того, чтобы сломить Салтыковыхъ, а именно для того, чтобы достоверно узнать прочна ли царевна къ государственной радости.

Но если сломлены были враги этой радости, если они въ тотъ же часъ были удалены отъ государевыхъ очей, то слѣдствія ихъ происковъ и интригъ оставались еще въ полной силѣ. Въ Вознесенскомъ монастырѣ они успѣли водворить такую ненависть къ будущей царицѣ, что мать государева, великая старица Марѣя Ивановна, клятвами себя закляла, что не быть ей въ царствѣ предъ сыномъ, если Хлопова будетъ у царя царицею. Что тутъ было дѣлать, какъ поступить? Выборъ былъ однакожъ ясный. Промѣнять родную мать и притомъ великую старицу на невесту было невозможно. Это противорѣчило бы всѣмъ нравственнымъ положеніямъ тогдашняго быта; благословеніе родителей утверждало дома чадъ, а родительская клятва искореняла ихъ. Родительская клятва въ народныхъ представленіяхъ была облечена въ такой страшный мистическій образъ, предъ которымъ ни въ какомъ случаѣ не было возможности стоять твердыми ногами.

Царь смирился, презрѣлъ себя Бога ради, не захотѣлъ разлучиться съ матерью, склонился предъ ея любовью, не захотѣлъ оскорбить и раздражить человѣческое существо матери и самъ, все терпя, отказался отъ нареченной невесты. Это было сдѣлано, по свидѣтельству лѣтописца, даже вопреки желанію и многимъ укоризнамъ со стороны отца, благословлявшаго этотъ бракъ и хотѣвшаго вѣнчать государя на Хлоповой. Но очень понятно, что и отецъ не могъ сильно настаивать; безсомнѣнія онъ ограничилъ свое желаніе сдѣлать счастливымъ сына лишь

едини совѣтани. Въ томъ только есть очевидная правда, что онъ стоялъ за сына.

Спустя недѣлю послѣ ссылки Салтыковыхъ, 1-го ноября, въ Нижній послана изъ Шереметеву съ товарищи грамота, въ которой государь вызывалъ боярина тотчасъ въ Москву, — „а Ивану Хлопову сазналибъ, что имъ дочь его Марью взять за себя незахвалил“. Ивану приказано ѣхать въ свою вотчину на Коломну, а Марья Хлоповой съ бабкою и дядьки жить по прежнему въ Нижнемъ, а кормъ давать ей передъ прежнимъ вдвое.

Развѣчанная царевна жила въ Нижнемъ до своей кончины. Ей по государеву указу отданъ былъ на житье дворъ Кузмы Минина, взятый въ казну, какъ выморочный, послѣ его смерти.

Царевна Настасья Ивановна скончалась въ мартѣ 1633 года, черезъ десять почти лѣтъ послѣ рѣшительнаго отказа ей въ супружествѣ съ царемъ, въ то время, когда государь былъ уже женатъ на второй супругѣ Евдокіи Стрѣшневой.

Дворъ Кузмы Минина, послѣ ея смерти снова сталъ выморочнымъ и былъ отданъ государемъ боярину кн. Ив. Бор. Черкасскому съ братомъ, которые выпросили его на прѣздъ изъ вотчинъ людей ихъ и крестьянамъ¹.

Великая старица Марья Ивановна, не соглашаясь на женитьбу сына съ Хлоповой, безсомнѣнія въ тайнѣ готовила ему невѣсту по своему выбору. Однакожъ прошелъ еще почти цѣлый годъ, когда государь склонился на увѣщанія матери и по ея назначенію избралъ себѣ въ невѣсты княжну Марью Владиміровну Долгорукову, дочь боярина кн. Владиміра Тимоѣевича Долгорукова, одного изъ старыхъ родовитыхъ бояръ. Лѣтописецъ упоминаетъ, что государь не желалъ этого брака и согласился на него, только изъ послушанія матери „аще и не хотя, но матере не преслушавъ, поятъ вторую царицу Марью“.

И смотрите же, что Богъ дѣлаетъ „сотворшимъ по насилію!“ присовокупляетъ лѣтописатель. Въ первый день *веселія*, говоритъ онъ, т. е. въ день свадьбы, 19 сентября 1624 г., была великая радость, а на второй день царица „обратися испорчена. Грѣхъ ради нашихъ, отъ начала *сразъ наши дѣволъ*, не хотя добра роду христіанскому, научи, врагъ, человека своимъ дѣвольскимъ наущеніемъ и ухищреніемъ, испортиша царицу Марью

¹ Анти арх. экз. III, № 218.

Владиміровну; и бысть государыня больна и бысть скорбь (бѣзнь) ея велія зѣло, и тогожъ года въ самое Крещеніе, 6 января 1625 года, предаде свою праведную душу.... и погребена со многими плачемъ въ Вознесенскомъ монастырѣ съ прочими царицами“.

Кто былъ виновникомъ этого новаго несчастія для государя, кто былъ строителемъ этой новой жертвы дворскихъ боярскихъ интригъ и козней, намъ не извѣстно ¹. „А все то зло сотворилось отъ злыхъ чаровниковъ и звѣрообразныхъ человѣкъ, восклицаетъ современникъ этого событія, которые нехотятъ видѣть христіанскаго покою и тишины, гнушаются своего государя, гордятся, въ послушаніи и въ покореніи ему быть не хотятъ и отнюдь его не боятся, потому что очень милостивъ онъ, любить и милуетъ ихъ, все даетъ имъ, что ни просятъ, а они только своевольничаютъ“. Кто же эти они? Это все бояре по сказанію современника, который описывая первые годы Михайлова царствованія имѣлъ полное право воскликнуть: „Таково-то попеченіе боярско о землѣ Русской!“

Дѣйствительно, чѣмъ ближе мы будемъ знакомиться въ исторіи съ этимъ попеченіемъ, тѣмъ яснѣе и понятнѣе будетъ раскрываться намъ и личность Грознаго, а также и эта необычайная народная вѣра въ царя, какъ въ истиннаго и единственнаго, хотя и слишкомъ далекаго своего защитника, слишкомъ далекаго по той причинѣ, что между имъ и народомъ всегда высилась та же недоступная боярская гора, обросшая непроходимымъ лѣсомъ боярскихъ же клевретовъ въ образѣ всякой приказной и прикащичьей строки.

Мы тогда хорошо поймемъ и отзывъ свободнаго голландца о первыхъ годахъ царствованія, Михаила, который въ 1614 г.

¹ Въ свадебной разрядной запискѣ мы встрѣчаемъ слѣдующее: у постели новобрачныхъ въ чинѣ постельничихъ къ подлѣту были назначены боярши Теод. Ив. Шереметьевъ съ женою Марфою Петровною и отецъ новобрачной Валд. Тим. Долгорукой съ женою, а ея матерью, Марфою Васильевною. Постельничіе бояре стали также по пути къ подлѣту атласы. Долгоругой при этомъ билъ челомъ государю на бояршиа Теод. Ив. Шереметьева *не дружбаю*, а съ нимъ былъ, какъ отиѣчаетъ записка, указывая тѣмъ, что челобитіе было не по поводу мѣсты, а только по недружбѣ. Такимъ образомъ, недружба гнѣздилась уже подлѣ самой брачной постели и безсомнѣнія была немаловажна, если вызвала даже и заявленіе со стороны Долгорукова. Дв. Разр. I, 634, 1221.

писалъ своей республикѣ: „царь этотъ будетъ имѣть счастливое и блистательное царствованіе, если только Всемогушій откроетъ ему глаза и поможетъ ему выполоть дурную траву во дворѣ и неправду своихъ приближенныхъ.... всѣ приближенные царя — несвѣдущіе юноши; ловкіе же и дѣловые приказные — алчные волки; всѣ безъ различія грабятъ и разоряютъ народъ. Никто не доводитъ правды до царя.... Но я надѣюсь, что Богъ откроетъ глаза юному царю, какъ то было съ прежнимъ царемъ (Грознымъ), ибо такой царь нуженъ Россіи, или она пропадетъ; народъ этотъ благоденствуетъ только подъ дланью своего владыки и только въ рабствѣ онъ богатъ и счастливъ. Вотъ почему все пойдетъ хорошо тогда лишь, когда царь по локти будетъ сидѣть въ крови“. Приговоръ жестокъ, какъ справедливо замѣчаетъ издатель этой голландской переписки¹, не менѣе справедливо объясняющій, что здѣсь должно разумѣть не народъ собственно, а только народъ приказный, а мы скажемъ: только народъ властителей, къ которому, конечно, принадлежали прежде всего бояре, а за ними уже и приказные, какъ ихъ же орудія въ управленіи и попеченіи о землѣ. Если къ такому жестокому убѣжденію приходилъ свободный и практический голландецъ, пользовавшійся неизмѣримо лучшимъ политическимъ устройствомъ, то весьма понятно, что того же убѣжденія крѣпко держался въ своей жизни и исторіи и нашъ русскій народъ, народъ въ собственномъ смыслѣ, т. е. вся закрѣпощенная безвластная среда. Мы даже думаемъ, что въ сужденіи голландца выразилась не собственная его мысль, а мысль тогдашнихъ умныхъ и опытныхъ русскихъ людей, именно изъ народа, съ которыми торговый голландецъ по необходимости былъ въ тѣсномъ знакомствѣ, выразилось, однимъ словомъ тогдашнее общественное мнѣніе о дворскихъ событіяхъ.

Слишкомъ черезъ два года, 29 января 1626 г., царь избралъ себѣ вторую супругу Евдокью Лукьяновну Стрешневу, дочь незнатнаго дворянина, съ которою и обвѣнчался 5 февраля. Только за три дня передъ тѣмъ ее ввели въ царскія хоромы и нарекли царевною. Эта женитьба совершилась благополучно; безъ сомнѣнія были приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы устранить всякія напасти отъ звѣрообразныхъ человѣкъ. Но мы сейчасъ увидимъ, что отъ этихъ звѣрообразныхъ человѣкъ

¹ Вѣстникъ Европы, январь 1868 г. 236, 238.

не было возможности избавиться, они являлись тамъ, гдѣ по-видимому труднѣ всего было ихъ встрѣтить.

Царь Алексѣй Михайловичъ вступилъ на престолъ также очень молодымъ человѣкомъ, по семнадцатому году. Естественно, что управленіе должно было сосредоточиться въ рукахъ его *дядьки* ближняго боярина Бориса Ивановича Морозова, бывшаго въ молодыхъ лѣтахъ, какъ мы уже говорили, спальникомъ у государева отца, слѣд. близкимъ и любимымъ человѣкомъ. Царь Алексѣй питалъ къ нему сыновнія чувства, ибо Морозовъ на самомъ дѣлѣ замѣнялъ ему отца. Эти отношенія должны были произвести обыкновенное въ дворской жизни явленіе, которое повторялось всегда, при каждомъ государѣ, какъ только, по какой бы то ни было причинѣ, ослабѣвала его власть, его непосредственное личное участіе въ дѣлахъ управленія. Борисъ явился такимъ же временщикомъ, какими были Салтыковы при Михаилѣ, Годуновъ при Феодорѣ и т. д. Однакожъ, бывши дядькою, руководя по отечески шестнадцатилѣтнимъ царемъ, онъ могъ спокойно самовластвовать лишь до тѣхъ поръ, пока не было людей, которые стали бы къ царю въ такую же близость. При его всемогуществѣ, конечно, и не могли явиться во дворцѣ такіе люди, ибо всѣ углы дворца заселялись въ это время самыми зоркими глазами и самыми чуткими ушами приверженцевъ временщика, его созданий, его пособниковъ и милостивцевъ. Но существовало одно обстоятельство, которое всегда способно было прервать эту незримую, но тѣмъ не менѣе очень связную и потому очень твердую сѣть вліянія на государеву особу. Это обстоятельство, какъ мы указывали, заключалось въ женитьбѣ государя, вводившей въ государеву близость, вмѣстѣ съ его супругою, много лицъ, которыя тотчасъ же являлись сильными соперниками всякому постороннему самовластію. Это было обстоятельство самое опасное для каждого временщика и потому съ его стороны въ этомъ случаѣ употреблялись всевозможныя мѣры, что бы разстроить свадьбу, если она дѣйствительно была опасна въ этомъ смыслѣ, и направить выборъ невѣсты согласно своимъ личнымъ интересамъ, т. е. сохраненію своего положенія при государѣ.

Такимъ образомъ для Морозова настала весьма опасная минута, когда государь задумалъ жениться. По обычаю собраны были дѣвицы невѣсты. Изъ 200 дѣвицъ, съѣхавшихся въ Москву, въ выборъ самому государю были представлены только

шесть. Государь страстно полюбилъ одну изъ нихъ, Евонію Оедоровну Всеволожскую, дочь Касимовскаго помѣщика Рава-Оедора Всеволожскаго, которой по обычаю и вручилъ ширинку и кольцо, какъ знаки обрученія съ нею. Но Морозовъ имѣлъ въ виду другую невѣсту для государя, которая по всему вѣроятію была также въ числѣ избранныхъ. Это была одна изъ двухъ сестеръ Милославскихъ. Одну изъ нихъ онъ прочилъ за государя, на другой думалъ самъ жениться, быть можетъ съ цѣлю укрѣпить свои отношенія къ государю этою новою связью родства, которая вмѣстѣ съ тѣмъ закрѣпляла и его прежнюю близость къ особѣ государя, ибо онъ становясь родственникомъ и Милославскихъ, имъ же самимъ возводимыхъ на высокую степень близкихъ къ государю людей, и самому государю, — по естественнымъ причинамъ удерживалъ за собою свое прежнее господствующее положеніе въ отношеніи всего родства Милославскихъ, всетаки опасныхъ для него кандидатовъ во временщики. Советить устранить силу вліянія на государя этихъ новыхъ людей онъ не имѣлъ никакой возможности: слишкомъ велика была ихъ близость къ государю. Поэтому, чтобы сохранить старое свое положеніе временщика — дядьки отъ наплыва новыхъ временщиковъ, онъ избираетъ самое вѣрное средство, вступаетъ съ ними въ родство, становится для нихъ своимъ человѣкомъ, а главное дѣлается создателемъ ихъ необыкновеннаго благополучія и возвышенія, что, конечно, еще болѣе, увеличиваетъ его значеніе и въ ихъ глазахъ.

Морозовъ дѣйствовалъ очень тонко и искусно. На его сторонѣ былъ даже и духовникъ молодого царя, лицо очень вліятельное въ извѣстныхъ случаяхъ.

По обычному порядку Всеволожскую ввели въ царскіе хоромы. Слѣдовало одѣть ее въ царскую одежду, возложить на нее вѣнецъ и наречь царевною. Все это было совершено, но при этомъ было что-то такое устроено съ ея головнымъ уборомъ или съ уборомъ ея волосъ, что, когда она явилась предъ своимъ женихомъ — государемъ въ царскомъ нарядѣ, ей сдѣлалось дурно, она упала въ обморокъ. Того только и желали звѣрообразные человѣки. Они объяснили, что у ней падающая болѣзнь, что слѣд. къ государевой радости она непрочна. Современники этой новой несчастной жертвы дворскихъ интригъ рассказываютъ разное объ обстоятельствахъ дѣла. Въ письмѣ одного шведскаго агента, отъ 1 марта 1647 г., жившаго

тогда въ Москвѣ, объяснено, что „14 февраля ¹ его царскому величеству представлены были во дворцѣ въ большой залѣ 6 дѣвицъ, выбранныхъ изъ 200 другихъ, назначенными для того вельможами, и царь избралъ себѣ въ супруги дочь незнатнаго боярина Федора Всеволожскаго. Когда дѣвица услышала объ этомъ, то отъ великаго страха и радости упала въ обморокъ. Великій князь и вельможи заключили изъ того, что она подвержена падучей болѣзни; ее отослали на 3 версты отъ Москвы къ одному боярину, чтобы узнать, что съ нею будетъ; между тѣмъ родители ея, которые поклялись, что она прежде была совершенно здорова, взяты подъ стражу. Если эта дѣвица опять получитъ ту же болѣзнь, то родители и друзья ихъ должны отвѣчать за то, и будутъ сосланы въ ссылку. Нѣкоторые думаютъ, что великій князь послѣ пасхи женится на другой“ ².

Въ этихъ послѣднихъ словахъ есть намекъ на то, что участь Всеволожскихъ предугадывалась заранее, что многія знали о тайныхъ козняхъ существовавшихъ во дворцѣ. Эти-то козни раскрываетъ другой современникъ событія, Самуилъ Коллинсъ. Онъ упоминаетъ объ этомъ происшествіи въ двухъ мѣстахъ своего сочиненія и видимо описываетъ его по слухамъ и по рассказамъ знакомыхъ ему людей. Онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что „духовникъ царскій ³ хотѣлъ, чтобы царь женился на другой дѣвицѣ, у которой была еще меньшая сестра“, что когда на Всеволожскую возложили царскій вѣнецъ, то заговоръ былъ исполненъ: „женщины такъ крѣпко завязали *волосы* на ея головѣ, что она упала въ обморокъ, а ея враги разгласили, что у ней падучая болѣзнь“. Въ другомъ мѣстѣ Коллинсъ говоритъ, что когда Всеволожская, получивши отъ государя платокъ и кольцо, „явилась предъ нимъ въ царской одеждѣ, Борисъ (Морозовъ) приказалъ такъ крѣпко завязать ей вѣнецъ на ея головѣ, что она упала въ обморокъ. Тотчасъ объявили, что у ней падучая болѣзнь.... Ея стараго отца обвинили въ измѣнѣ, рассказываетъ далѣе Коллинсъ, за то, что онъ представилъ свою дочь на избраніе больную; послѣ мучительной пытки онъ былъ

¹ Число обозначено безъ сомнѣнія по новому стилю; по старому выходитъ 4 февраля, что, какъ увидимъ, будетъ вѣроятнѣе.

² Свѣд. Архивъ 1822 г. № 2, стр. 152.

³ Извѣстный Степанъ Воиновичъ, благовѣщенскій протопопъ. Арх. Оп. Пал. № 991.

сосланъ въ Сибирь, гдѣ и умеръ; а семья осталась въ немилости“.

Все это могло быть, а ссылка дѣйствительно состоялась, какъ увидимъ ниже. Невѣрно только другое свидѣтельство Коллинса, что отецъ съ горя умеръ на дорогѣ. Онъ умеръ на воеводствѣ въ Сибирскомъ городѣ Тюмени.

Русскій современникъ событія, Котошихинъ, складываетъ всю вину вообще на боярство, на ближнихъ людей, которые прочли за государя своихъ дочерей, и рассказываетъ, что царь „свѣдавъ у нѣкотораго своего ближняго человѣка дочь, дѣвицу добру, ростомъ и красотою и разумомъ исполнену, велѣлъ взяти къ себѣ на дворъ, и отдати въ береженіе къ сестрамъ своимъ царевнамъ; и честь надъ нею велѣлъ держати, яко и надъ сестрами своими царевнами, доколѣ будетъ веселіе и радость“. За тѣмъ слѣдуетъ обычное въ такихъ печальныхъ случаяхъ слово: „И искони въ Россійской землѣ лукавый дьяволъ всѣмъ плебелы свои, если человѣкъ, хотя мало прійдетъ въ славу и честь и въ богатство, не могутъ не возненавидѣти. У нѣкоторыхъ бояръ и ближнихъ людей дочери были, а царю объ нихъ къ женитьбѣ ни объ одной мысли не пришла: и тѣхъ дѣвицъ матери и сестры, которые жили у царевенъ (при дворѣ), завидуя о томъ, умыслили учинить надъ тою обранною царевною, чтобъ извести, для того, надѣялись, что по ней возьметъ царь дочь за себя котораго иного великаго боярина или ближняго человѣка; и скоро то и сотворили, *упоиша ея отравами*“.

Изъ всѣхъ этихъ разнорѣчивыхъ свидѣтельствъ ясно одно, что злополучная невѣста, нареченная уже царевною, была подобно Хлоповой сослана изъ дворца. Царь былъ очень опечаленъ этимъ событіемъ; отъ горя многія дни онъ *лишенъ былъ лди*, ничего не ѣлъ, и „послѣ того не мыслилъ ни о какихъ высокородныхъ дѣвицахъ, понеже позналъ о томъ, что то учинилося по ненависти и зависти“. Такъ, безъ малѣйшаго сомнѣнія, долженъ былъ объяснить ему это событіе возлюбленный его дядька Борисъ Морозовъ.

Царевна сослана была изъ дворца въ началѣ февраля. 12 февраля государь пожаловалъ ей весь изготовленный къ свадьбѣ постельный уборъ: пуховикъ въ камчатной червчатой наволоктѣ, зголовье или подушку, коверъ подъ постелью, савьянную колодку или постельную скамейку, и богатое одѣяло, сшитое еще 16 дек. 1646 г. изъ кизылбашской золотной камки на соболяхъ

съ горностаينوу опушкою. Въ отиѣткѣ, по случаю отдачи этихъ предметовъ, сказано: „по государеву указу отдано *ссылкой* больной дѣвицѣ Еуфимѣ Рафовой дочери Всеволоцкаго“ ¹.

Февраля 15 „ходилъ государь на медвѣдя“ безсомнѣнія побуждаемый Морозовымъ развлечь свое горе. Охота, которой Алексѣй Михайловичъ въ первое время отдавался со страстью, была въ рукахъ Морозова однимъ изъ вѣрныхъ средствъ отвлекать молодого царя вообще отъ всякихъ дѣльныхъ занятій. Въ эту, какъ и въ предыдущую зиму государь довольно часто хаживалъ на медвѣдей, волковъ, лисицъ; а въ эти дни, 21 февраля опять гдѣ-то *осочили* медвѣдя, т. е. дѣлали *осажы* или облаву, а 22-го числа, въ понедѣльникъ на масляницѣ, государь тѣшился дикими медвѣдями въ городѣ, на своей псарнѣ ².

Въ запискахъ, относящихся къ Сибирской Исторіи ³, отиѣчено между прочимъ, что „въ 1647 г. присланъ за *оталу* въ Сибирь на Тюмень, Руфъ Родіоновъ сынъ Всеволодской съ сыномъ его Андреемъ и съ дочерью Евѣиміей Ѳедоровною, и съ женою Настасьєю.“

Между тѣмъ производилось вѣроятно разслѣдованіе этого дѣла, по которому открытъ и настоящій явный виновникъ *порчи* крестьянинъ боярина Никиты Ивановича Романова Мишка Ивановъ. 10 апрѣля 1647 г., „за *чародѣйство* и за *косной разводъ* и за *маговоръ*, что обѣвился въ Рафовъ дѣлъ Всеволоцкаго“, крестьянина послали въ Кириловъ монастырь подъ крѣпкое начало, велѣли отдать его тамъ старцу добру и крѣпкожителю.... велѣли его держать подъ крѣпкимъ началомъ съ великимъ береженьемъ.... Подъ началъ, подъ строгій монастырскій присмотръ, такого рода преступниковъ посылали обыкновенно съ тою цѣлью, чтобъ они немогли чего нибудь распространить смутнаго въ народѣ. Рука Морозова и здѣсь должна быть замѣтна. Дѣло было нечистое и преступникъ, вмѣсто простой ссылки въ отдаленный городъ, какъ обыкновенно наказывались колдуны, посылается въ великое береженье въ пріятельскій Морозову монастырь, гдѣ и самъ временщикъ потомъ оберегался отъ народной ярости, послѣ московской смуты 1649 года.

Мѣсяца черезъ два послѣ этого ссылается на Вологду одинъ изъ близкихъ людей къ государю, его дядя по матери, кравчій

¹ Арх. Ор. Пал. № 134.

² Дворц. Разр. III, 56. — Арх. Ор. Пал. № 1067.

³ Визл. III, 174, 178, 182.

Сем. Лук. Стрѣшневъ, по извѣту въ волшебствѣ. Мы не знаемъ, относится ли этотъ случай также къ дѣлу Всеволожскаго, хотя по времени онъ совпадаетъ съ нимъ, но можемъ догадываться, что и здѣсь видится рука всемогущаго временщика Морозова, который по свидѣтельству Олеарія очищалъ себя мѣсто, удаляя ближайшихъ къ государю людей, особенно его родственниковъ, дабы не могли они пользоваться противодѣйствующимъ для него вліяніемъ на государя. Арт. Серг. Матвѣевъ прямо говоритъ, что извѣтъ на Стрѣшнева о волшбѣ „былъ составной и наученой, устроенный завистію и ненавистію, на отлученіе его отъ государя“¹. Быть можетъ Стрѣшневъ былъ только очистительною жертвою всего этого несчастнаго и горестнаго для государя событія: надо же было отыскать непосредственнаго виновника и тѣмъ отвлечь отъ себя даже и малѣйшее подозрѣніе, и при томъ надо было отыскать такого виновника, который, что бѣльмо на глазу, служилъ большою помѣхою въ самовластныхъ дѣйствіяхъ Морозова, какимъ въ дѣйствительности могъ быть кравчій Стрѣшневъ, представитель еще сильнаго государственнаго родства, родства государевой матери.

Черезъ два года участь несчастнаго Всеволожскаго и его семьи была облегчена. Въ 1649 г. съ Тюмени изъ опалы, онъ пожалованъ на воеводство въ Верхотурье, отсюда въ 1650 г., ему опять велѣно быть въ Тюмень до государева указу. По пріѣздѣ въ Тюмень онъ померъ, въ 1652 г.; а послѣ того пришелъ государевъ указъ, чтобы быть ему въ Тюмени воеводою. По другому извѣстію въ 1652 г. онъ жилъ еще въ Верхотурьѣ, откуда ему назначено было воеводство въ Яранскъ, стало быть почти на полдороги ближе къ Москвѣ; но повидимому испугались этой близости ссыльных къ Москвѣ; въ маѣ послана грамота: воротить его въ Тобольскъ, тотчасъ, если онъ не выѣзжалъ еще съ Верхотурья, а въ противномъ случаѣ велѣно было его догнать и воротить въ Тобольскъ, еслибъ даже онъ пріѣхалъ съ Верхотурья въ самый Яранскъ. Видно, что и въ Сибири онъ былъ игралищемъ борьбы между добрыми стремленіями государя и враждебнымъ вліяніемъ Морозова² Сибирскія Записки упоминаютъ, что Всеволожскій умеръ на Тюмени и съ

¹ Исторія о невинномъ заточеніи бояр. А. С. Матвѣева, стр. 162. Дворц. Разр. III, стр. 63, 64.

² Визаіов. III, стр. 174, 178, 182. Акты Истор. IV, № 59.

дочерью; между тѣмъ сохранилась грамота отъ 17 іюля 1653 г. къ Касимовскому воеводѣ Ивану Литвинову, въ которой раскрывается, что Рафову жену Всеволоцкаго и дѣтей ея, сына Андрея и дочь (невѣсту царя) и съ людьми велѣно было отпустить съ Тюмени въ Касимовъ и быти ей и съ дѣтьми и съ людьми въ Касимовскомъ уѣздѣ въ дальней ихъ деревнѣ; а изъ деревни ихъ къ Москвѣ и никуда отпущати невелѣно, безъ государева указа ¹. Коллинсъ, писавшій свои записки около 1660 года, говоритъ, что царская развѣчанная невѣста еще была жива въ это время, что со времени высылки ея изъ дворца ни кто за ней не зналъ ни какихъ припадковъ, что у ней было много жениховъ изъ высшаго сословія, но она всѣмъ отказывала, и берегла платокъ и кольцо — памятники ея обрученія съ царемъ, что царь давалъ ей ежегодное содержаніе, чтобы загладить оскорбленіе ея отца и семейства. Она, говорятъ, и теперь еще сохранила необыкновенную красоту, замѣчаетъ Коллинсъ ². — Но дѣло было сдѣлано и воротить счастья было не возможно.

Опечаленный государь отложилъ свою женитьбу на цѣлый годъ, который со стороны Морозова былъ употребленъ на то, чтобы внушить государю и укрѣпить въ немъ мысль о бракѣ съ одною изъ Милославскихъ. „Этотъ хитрый вельможа, говоритъ Олеарій, зналъ очень хорошо, что великому князю пора уже жениться и потому задумалъ предложить ему въ жены дочь одного боярина, на сестрѣ которой онъ самъ намѣревался жениться. Тогда между камеръ-юнкерами великаго князя былъ нѣкто по имени Илья Даниловичъ Милославскій (московскій дворянинъ), имѣвшій двухъ прекрасныхъ дочерей, но ни одного сына. Милославскій часто посѣщалъ Морозова (игравшаго тогда при дворѣ главную роль, *factotum*, какъ обыкновенно о немъ говорили) и охотно во всемъ помогалъ ему, вслѣдствіе чего пользовался у него большою милостію; онъ имѣлъ всегда свободный къ нему доступъ уже и потому, что исполнялъ во всемъ его волю, не говоря о томъ, что у него были прекрасныя дочери. Однажды воспользовавшись удобнымъ случаемъ, Морозовъ началъ выхвалять государю красоту дочерей Милославскаго и возбудилъ въ немъ охоту видѣть ихъ. Обѣ сестры какъ бы для

¹ С. Г. Гр. и Д. III, № 155.

² Чтенія въ Общ. Ист. и Др. 1846, № 1.

посѣщенія, приглашены были къ сестрамъ великаго князя (царевнамъ). Тутъ видѣлъ ихъ государь и влюбился въ старшую изъ нихъ. Котошихинъ рассказываетъ, что „случилось царю быть въ Успенскомъ соборѣ на молитвѣ и узрѣ нѣкотораго московскаго дворянина Ильи Милославскаго двѣ дочери въ церкви стоять на молитвѣ. Царь послалъ за дворовыми боярынями и велѣлъ имъ изъ тѣхъ двѣницъ, едину, мнѣйшую взять къ себѣ въ Верхъ; а какъ пѣніе совершилось и въ то время царь пришелъ въ свои хоромы, тоѣ двѣницы смотрилъ и возлюбилъ и нарекъ царевною и въ соблюденіе отдалъ сестрамъ своимъ....“ Свадьба на этотъ разъ была сыграна безъ помѣхи, потому что приняты были всѣ мѣры, чтобы избѣжать колдовства и порчи, которыя приносили столько безпокойства государю и столько страха и смуты во дворецъ. Олеарій и Коллинсъ говорятъ, что вѣнчаніе и празднество совершились чуть не въ тайнѣ, безъ всякой пышности и великолѣпія, именно изъ боязни, чтобы не околдовали жениха съ невѣстою. Напротивъ, празднество по обычаю было пышно и торжественно; сдѣланы только нѣкоторыя отмѣны противъ прежняго, которыя быть можетъ и дали поводъ говорить, что свадьба совершилась скромно. „На прежнихъ государскихъ радостяхъ бывало, въ то время, какъ государь пойдетъ въ мыленку, во весь день до вечера и въ ночи, на дворцѣ играли въ сурны и въ трубы и билъ по накромя; а нынѣ государь, на своей радости, накромя и трубамъ бити не изволилъ. А велѣлъ государь во свои государскіе столы, вмѣсто трубъ и органовъ и всякихъ свадебныхъ потѣхъ, пѣти своимъ государевымъ пѣвчимъ дѣнкамъ, всѣмъ станицамъ, перемѣнясь, строчные и демественные большіе стихи, изъ праздниковъ и изъ тріудей драгія вещи, со всякимъ благочиніемъ. И по его государеву мудрому и благочестному разсмотрѣнію бысть тишина и радость и благочиніе велие, яко и всѣмъ тущимъ дивитися....“

Въ отцово мѣсто у государя былъ бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ, съ такимъ успѣхомъ устроившій этотъ царевъ бракъ. Черезъ десять дней онъ сталъ сверхъ того своякомъ государю, женившись уже вторымъ бракомъ на другой сестрѣ Милославской, Аннѣ Ильичнѣ. 27 генваря онъ явился къ государю челомъ ударить на *завтра* своей свадьбы, причемъ, по старому обычаю былъ благословленъ отъ государя образомъ

и пожалованъ дарами. Первый его бракъ совершенъ еще 5 іюля 1617 года ¹.

Второй бракъ Алексѣя Михайловича, на Натальѣ Кириловнѣ Нарышкиной, также не обошелся безъ смуты, хотя и не имѣвшей никакихъ особенныхъ послѣдствій. Съ небольшимъ черезъ восемь мѣсяцовъ послѣ смерти Марьи Ильичны Милославской, осенью 1669 года, государь снова приступилъ къ выбору себѣ невѣсты. Для этого собраны были въ Москву тогдашнія красавицы — дѣвицы, дочери, сестры и племянницы боярскаго и дворянскаго сословія. Смотръ продолжался съ ноября 1669 г. по май 1670 г. Невѣсты жили, вѣроятно, гдѣ либо въ кремлевскихъ дворцовыхъ хоромахъ; но нѣкоторыя оставались на житьѣ и у частныхъ лицъ, должно быть у своихъ родственниковъ. Въ извѣстные дни ихъ привозили къ государю во дворецъ въ выборъ, и послѣ смотра отправляли по своимъ мѣстамъ; иныхъ, какъ видится, отправляли прямо по домамъ, другихъ, наиболѣе нравившихся государю, оставляли для вторичнаго смотра. Сохранился списокъ дѣвицъ, которыя призывались на эти смотрины ².

178 (1669) г., ноября въ 28 день, по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца указу, дѣвицы, которыя были въ прїѣздѣ въ выборъ и въ которомъ мѣсяцѣ и числѣ, и имъ роспись.

Тогожъ числа Ивлева дочь Голохвастова Оксинья. Смирнова дочь Демскаго Марѣа. Васильева дочь Векентьева Каптелина,

¹ См. записки объ этихъ новобрачныхъ прїѣздахъ къ государю въ матеріалахъ № 2. — Коллинсъ рассказываетъ, что Морозовъ, женившись на Аннѣ Милославской, думалъ, что такимъ образомъ прочно основалъ свое счастье. Однакожъ Анна была нѣтъ не совсѣмъ довольна, потому что онъ былъ старый вдовецъ (какъ и его братъ, Глѣбъ, женившись на Соковинной), а она здоровая молодая смуглянка; и вмѣсто дѣтей, у нихъ родилась ревность, которая произвела кожаную плеть въ палецъ толщины. Это въ Россіи случается часто между вельможными супругами, когда ихъ любовь безразсудна, или водка слишкомъ шумитъ въ головѣ. Одинъ англичанинъ, Вильямъ Барнсли, сосланъ въ Сибирь по внушенію Бориса, который подозрѣвалъ его въ слишкомъ короткомъ знакомствѣ съ своимъ домомъ. Чтенія Общ. Ист. и Древн. 1846 г. № 1.

² Напечатанъ г. Пекарскимъ въ V томѣ Извѣстій Археологическаго Спб. Общества.

живетъ у головы московскихъ стрѣльцовъ у Ивана Жидовинова. Анна Кабылина, живетъ у головы московскихъ стрѣльцовъ у Ивана Мещеринова. Марѳа Апрѣлева, живетъ у головы московскихъ стрѣльцовъ, у Юрья Лутохина. Лвова дочь Ляпунова Овдотья.

Ноября въ 30 день. Князь Григорьева дочь Долгорукого княжна Анна. Ивановна дочь Полева Аграѣна. Печатника Алмаза Ивановича внуки Анна да Настасья. Григорьева дочь Вердеревскаго Анна. Тимоѣева дочь Дубровскаго Анна.

Декабря въ 4 день. Княжъ Михайловы дочери Гагарина, княжна Анна, княжна Марѳа. Аверкіева дочь Болтина Аграѣна. Тихонова дочь Зыкова Овдотья.

Декабря въ 12 день. Князь Юрьева дочь Сонцова княжна Марья, Павлова дочь Леонтьева Парасковья. Викулина дочь Изволскаго Татьяна. Михайлова дочь Карамышева Василиса. Матѣева дочь Мусина Пушкина Парасковья.

Декабря въ 17 день. Андрѣева дочь Дашкова. Соломонида Редрикова. Захарьева дочь Красникова.

Декабря въ 20 день. Алексѣева дочь Еропкина Настасья. Елизарьевы дочери Уварова Домна да Овдотья. Истопничева Иванова дочь Протопопова Ѳедора. Романовы дочери Бунина Олга да Овдотья.

Декабря въ 29 день. Тимоѣева дочь Клокочева Овдотья.

1670 г. Января въ 3 день. Лаврентьева дочь Капустина Анисья. Андрѣева дочь Коренева Анна, живетъ у вотчина своего у Якима Жолобова.

Февраля въ 1 день. Думнаго дворянина Замятни Ѳедоровича Леонтьева дочь Овдотья. Ивана Ѳедорова сына Нащокпина дочь Марья. Кирилова дочь Нарышкина Наталья. Андрѣева дочь Незнанова Дарья.

Февраля въ 11 день. Ѳедорова дочь Еропкина Анна. Иванова дочь Мотовилова Марѳа.

Февраля въ 27 день. Васильева дочь Колычова Марѳа. Ильина дочь Поливанова Марья. Иванова дочь Ростопчина Оѳимья. Ильина дочь Морева Ирина. Васильевы дочери Толстого Настасья да Агаѣя.

Марта въ 11 день. Ѳролова дочь Снявина Ѳедосья. Ѳедорова дочь Смердова Варвара.

Марта въ 12 день. Борисовы дочери Толстого Матрена да Марья. Елизарьева дочь Чевкина Анна.

Марта въ 17 день. Богданова дочь Жедринскова Анна. Васильева дочь Загрясково Марѳа.

Апрѣля въ 5 день. Изъ Великаго Новагорода: Никитина дочь Овцына Анна, живетъ у головы московскихъ стрѣльцовъ, у Юрья Лутохина. Петрова дочь Одинцова Пелагѣя, живетъ у Григорья Аладьина. Тимофѣева дочь Сатина Ѳедосья, живетъ у Григорья Баяшева. Изъ Суздаля: Петрова дочь Полтева Дарья. Съ Костромы: Богданова дочь Поздѣева Оеимья, живетъ у дяди своего Матвѣя Поздѣева. Васильева дочь Апраксина Марья. Съ Резани: Борисова дочь Колемина Овдотья. Назарьева дочь Колемина Оксинья.

Апрѣля въ 1 день. Елисеѣва дочь Житова Овдотья. Изъ Володимера: Нестерова дочь Языкова Хомякова Марья, живетъ у путнаго кляшника у Михайла Лихачева. Изъ Новагорода: Петра дочь Скобелцына Оеимья. Съ Костромы: Пантелеева дочь Симонова Марья, живетъ у Володимера Асланова.

Апрѣля въ 13 день. Артемьева дочь Рчинова Дарья. Княжъ Степановы дочери Хотѣтовскаго княжна Настасья, княжна Ульяна, княжна Анисья.

Апрѣля въ 17 день. Изъ Вознесенскаго дѣвicha монастыря Иванова дочь *Бѣльева Овдотья*. Привезъ дядя ея родной Иванъ Шехиревъ, да бабка ея Ивановская посестрѣя Егакора старѣца Иранда. Артемьева дочь Линева Овдотья.

Послѣ этихъ смотринъ начались вторичные смотры. Видно, что государь еще не рѣшался, кого избрать себѣ въ царицы. Такой вторичный смотръ происходилъ 18 числа апрѣля, послѣ чего, въ ночи, дѣвицы, взятые тогда въ Верхъ въ другой разъ, были отпущены по домамъ. А послѣ ихъ, тогда ли, ночью же, или на другой день, неизвестно, была взята въ Верхъ для вторичнаго смотра племянница нѣкоего Ивана Шихирева дочь Ивана Бѣльева. Въ то время, какъ она находилась у государя, вѣроятно виѣстѣ съ другими дѣвицами, въ числѣ которыхъ была и Наталья Кириловна, 22 апрѣля во дворцѣ объявились два подметные письма, за сургучемъ; одно было найдено постельнымъ истопникомъ передъ Грановитою Палатою въ сѣняхъ, другое тѣмъ же истопникомъ усмотрѣно прилѣпленнымъ у сѣнныхъ дверей Шатерной Палаты, что ходятъ на постельное крыльцо. Въ тотъ же день, 22 апрѣля, письма были представлены шатерничими боярину и дворецкому Б. М. Хитрову, а онъ тотчасъ же поднесъ ихъ государю.

Что было въ этихъ письмахъ, неизвѣстно, но „такова *воровства*, и при прежнихъ государяхъ не бывало, чтобы такіе воровскіе письма подметывать въ ихъ государскихъ хоромахъ, а писаны непристойныя....“ (конца недостаетъ). Подозрѣніе однакожь пало на Ивана Шихирева, вѣроятно по той причинѣ, что въ письмахъ что нибудь высказывалось, если не въ пользу его племянницы, то быть можетъ во вредъ ея соперницы или, правильнѣе, совѣстницы, Нарышкиной. Бѣдный Шихиревъ могъ попасть въ бѣду уже по одному только сплетенію этихъ обстоятельствъ. Видимо, что интрига была ведена съ другой стороны, главнымъ образомъ противъ Матвѣева, родственника Нарышкиной, который, государевымъ бракомъ на ней, долженъ былъ пріобрѣсти еще большее вліяніе во дворцѣ. Несчастный Шихиревъ являлся только отводомъ царской грозы отъ настоящихъ виновниковъ дѣла.

Его взяли, обыскали и къ тому еще нашли у него на дворѣ какія-то травы. Государь поручилъ распросить его боярамъ. Онъ объяснилъ, что „воровскихъ подметныхъ писемъ не писывалъ и писать никому не велывалъ и въ снѣгахъ передъ Грановитою и передъ Шатерною не подметывалъ“. Но тутъ же открылось, что онъ очень хлопоталъ о своей племянницѣ дабы устроить ее невѣстою государю и даже хвасталъ о томъ, что будто бы она взята въ Верхъ, а она еще не была взята. На распросѣ 23 апрѣля Шихиревъ рассказывалъ: „на святой недѣлѣ въ субботу или на ѳоминой въ понедѣльникъ, того онъ не упомнить, приходилъ къ нему въ гости отставленный за старостию рейтаръ Вологжанинъ Александръ Александровъ и сидѣлъ у него съ четверть часа; и позвалъ его, Ивана, къ себѣ въ гости; и онъ поѣхалъ къ нему на лошади, а Александръ пошелъ напередъ пѣшъ. И у него онъ, Иванъ, ѣлъ и говорилъ съ нимъ въ разговорѣ, что великій государь пожаловалъ племянницу его, указалъ взять въ Верхъ, а въ то де время она въ Верхъ была не взята. А какъ ее въ Верхъ взяли и онъ Иванъ, послѣ того видѣлся съ нимъ Александромъ въ Чудовомъ монастырѣ и ему про то сказывалъ“. Спросили и рейтара, который объяснилъ: „на свѣтлой недѣлѣ звалъ его Иванъ къ себѣ послѣ обѣда вина пить; и онъ ходилъ, а вина и иного никакого питья у него не пилъ, потому что хмѣльново не пьетъ. А посидѣлъ съ четверть часа. Да въ то же время приходили къ Ивану въ избу выходецъ изъ полону Смольянинъ Елизарій Во-

ронцовъ съ племянникомъ и сидѣли тутъ же. И Иванъ Шихиревъ сказывалъ имъ, что указалъ в. государь взять въ Верхъ для смотру племянницу его, дочь Ивана Бѣльева, и онъ де о томъ молитъ Бога. И онъ Александръ позвалъ ихъ къ себѣ въ гости; и у него ѣли и пили; а рѣчей никакихъ про племянницу свою и ни про что не говаривалъ; а послѣ увидѣлся онъ съ нимъ въ Чудовѣ м. на паперти, и Иванъ ему говорилъ, что племянница его въ Верхъ взята и чтобъ де онъ помолился Господу Богу, чтобъ надъ нею учинилось доброе дѣло.

Между тѣмъ бояринъ Хитрово извѣщалъ государю, что „приходилъ къ нему на дворъ дохтуръ Стефанъ (фонъ Гаденъ?) и сказывалъ: тому де дни съ три съѣхался съ нимъ на Тверской улицѣ у мучнаго ряду Иванъ Шихиревъ и говорилъ ему, что взята де въ Верхъ племянница его для выбору и возили де ея на дворъ къ боярину Б. М. Хитрово и бояринъ де смотрѣлъ у ней рукъ и сказалъ, что руки худы. А смотришь де ты ихъ, дохтуръ Стефанъ; а племянница де его человѣкъ беззаступной, и какъ де станешь смотреть рукъ и ты де вступи. И онъ Стефанъ ему отказывалъ, что его къ такому дѣлу не призывають, да и племянницы его онъ не знаетъ“. Шихиревъ объяснилъ: „какъ станешь смотреть рукъ и она де перстомъ за руку придавить, потому ее и узнаешь. И сего де числа у благовѣщенскаго протопопа Андрея Савиновича о томъ говорилъ же, что *племянница его въ Верхъ взята, а Нарышкина свезена*....“

Противъ этого Шихиревъ разсказалъ: „билъ онъ челомъ архимандриту чудовскому, чтобъ архимандритъ его племянницу объявилъ, т. е. представилъ къ выбору. И возили ее на дворъ къ боярину Богдану Матвѣвичу. И сказалъ архимандритъ, что бояринъ ее смотрѣлъ и говорилъ ему, что у ней руки худы. А смотрѣлъ де дохтуръ Данило, жидъ. И съѣхався (онъ Шихиревъ), ему Данилу говорилъ, что человѣкъ (она) беззаступной и если станеть смотрѣть и она перстомъ за руку придавить. И севодня ему Данилу (онъ Шихиревъ) говорилъ, что племянница взята въ Верхъ, а Нарышкина свезена; а говорилъ ему тѣ слова съ проста, что онъ, Данило, знакомъ“.

Весьма понятны, усердныя хлопоты Шихирева, чтобъ царичею была его племянница. Ясно также, что выборъ останавливался между его племянницею и Нарышкиною, которая для многихъ царедворцевъ была особенно неудобна по своему родству съ Матвѣевымъ. Чтобы разстроить этотъ бракъ, нена-

вистники Матвѣева, какъ онъ самъ потомъ свидѣтельствовалъ, составили эти подметные письма, въ которыхъ быть можетъ высказывали что либо невыгодное и для избираемой невесты. Но злодѣи были невидимы, а налицо представлялось только обстоятельство Шихирева, для котораго выборъ Нарышкиной, разумѣется, также былъ вовсе не желаемъ. Когожъ другого возможно было явно заподозрить въ составленіи подметныхъ писемъ? Несчастнаго привели даже и къ пыткамъ.

Въ застѣнкѣ онъ распрашиванъ на крѣпко и подниманъ и къ огню приношенъ, а въ роспросѣ у пытки и у огня говорилъ прежніе рѣчи.... подметныхъ писемъ не писывалъ и никому писать не велѣвалъ и не подметывалъ. Пытка, кажется, была повторена. А было ему 13 ударовъ и огнемъ жженъ, а съ пытки и съ огня говорилъ прежніе рѣчи..., а которыя *травы* выняты у него на дворѣ, толченая и не толченая, и тѣ де травы дали ему на Вологдѣ, нынѣ въ великой постѣ, а сказывали ему, что тѣ травы (оказался звѣробой) *уразныя*, а велѣли ему тѣ травы пить въ винѣ и въ пивѣ отъ убою, потому что онъ раненъ....

24 Апрѣля стали разыскивать почеркъ руки этихъ писемъ. Государь велѣлъ оказать дьякамъ и подьячимъ всѣхъ тогдашнихъ приказовъ изъ одного письма двѣ строки, а изъ другаго письма подпись; и взять у нихъ сказки на письмѣ о томъ, кто письма писалъ, т. е. чей почеркъ можно въ нихъ узнать. Выбранныя двѣ строки заключали въ себѣ слѣдующіе: 1) „достойно поднести царю или ближнему челоуѣку, не смотря; 2) радъ бы я самъ объявилъ я у нево писма вынелъ и къ инымъ великимъ дѣламъ“. Подпись была: „Артемюшка“, вѣроятно намекавшая на Артамона Сергѣевича Матвѣева, родственника Нарышкиной. Такимъ способомъ собраны были почерки всѣхъ приказныхъ, служившихъ тогда въ Москвѣ. Сходство почерка падало на иныхъ подьячихъ, напр. на Бориска Мыконкина, о которомъ товарищъ говорилъ: „и я его письмо видалъ, какъ онъ писывалъ на-бѣло, не борзясь, съ береженьемъ, и на-скоро, мелко и разметисто“. Но полнаго сходства не оказывалось ни у кого. О нѣкоторыхъ почеркахъ замѣчали: „изъ всего письма инныя *ести*, *оны*, почеркомъ понаходятъ, а все, чтобы впрямъ было одно письмо, не сходится“.

Наконецъ, 26 апрѣля, воровскіе письма были оказаны на Постельномъ крыльцѣ всему служилому сословію, при чемъ пуб-

лично сказанъ были слѣдующій государевъ указъ: „и вамъ бы, памятуя Господа Бога и святую соборную и апостольскую церковь и его государево крестное цѣлованье, осмотра тѣхъ воровскихъ писемъ признакъ всякими мѣрами, кто гдѣ такіе воровскіе письма видалъ или кто подметывалъ, сыскивали бы про то всякими мѣрами. И кто изъ васъ про такое воровское письмо провѣдаетъ и ему в. государю извѣститъ и того вора обличить или гдѣ, свѣдавъ его, поймавъ, приведетъ, и в. государь пожелуетъ его своимъ государевымъ жалованьемъ. А буде про того вора не провѣдаете и государю не извѣстите, и отъ него в. государя за то вамъ быть въ великой опалѣ и въ конечномъ въ самомъ раззореньѣ безо всякаго милосердія и пощады“. Очень трудно было открыть и обозначить этого вора, потому что, безъ всякаго сомнѣнія, онъ скрывался въ самыхъ царскихъ палатахъ, въ какой либо изъ личностей, заставлявшихъ въ самой царской думѣ. Мелкое дворянство отзывалось на всѣ эти безпокойные и тягостные для неповинныхъ людей розыски слѣдующимъ образомъ. Нѣкто Петръ Кокоревъ говорилъ: „лучшебъ они дѣвицъ своихъ въ воду пересажали, нежели ихъ въ Верхъ къ смотру привозили!“ Государь, по этому случаю, велѣлъ, въ прибавку къ своему указу, объявить на Постельномъ крыльцѣ: „а непристойныхъ словъ такихъ, какъ Петръ Кокоревъ говорилъ, не говорить, что дѣвицъ своихъ дѣвокъ къ смотру привозили напрасно, лучшебъ ихъ въ воду пересажали, а не въ Верхъ привозили“.

Какъ и чѣмъ окончилось это дѣло, намъ неизвѣстно¹; но повсему вѣроятію объ этомъ же дѣлѣ говорить и Арт. Серг. Матвѣевъ въ своей третьей челобитной къ царю Ѳеодору Алексѣевичу, въ которой между прочимъ пишетъ: „а и я, холопъ твой, отъ ненавидящихъ и завидящихъ при отцѣ твоємъ государѣ не много не пострадалъ: такожде воры, составя письмо воровское подметное, кинули въ грановитыхъ сѣняхъ и въ проходныхъ, и хотѣли учинить Божіей волѣ и отца твоего государева намѣренію къ супружеству второму браку препону, а

¹ Неполные отрывки этого дѣла, которыми мы пользовались, хранятся въ в. госуд. Архивѣ Мин. Ин. Д., въ числѣ столбцовъ Тайнаго Приказа. Въ описи дѣлъ Тайнаго Приказа 1713 г. значится «столпъ», а въ немъ дѣло сыскное про воровскіе подметные письма и распросные рѣчи Ивана Шихирева и иныхъ и сказки за руками московскихъ разныхъ чиновъ людей 178 г. См. Записки отд. Рус. и Слав. Археол. Т. II стр. 21.

написали въ письмѣ *коремь*.... въ то время завидящїи мнѣ всячески умышляли чѣмъ бы отлучить отъ вашея государскїя милости....“

Эта препона ко второму браку царя Алексѣя, на Нарышкиной, ограничилась однакожь тѣмъ только, что свадьба должна была совершиться мѣсяцевъ девять спустя послѣ избранїя невѣсты, именно 22 генваря 1671 года.

Должно полагать, что это была уже послѣдняя препона въ избранїи царскихъ невѣстъ, ибо съ этого времени мы не встрѣчаемъ никакихъ свѣдѣній о какихъ либо помѣшкахъ царскому браку.

О первомъ бракѣ царя Ѳедора Алексѣевича современники свидѣтельствуютъ, что для избранїя невѣсты онъ, по обыкновенїю приказалъ собрать всѣхъ прелестнѣйшихъ дѣвицъ своего царства, что ему предлагали многихъ княженъ знатнаго произхожденїя, но онъ выбралъ незнатную дѣвицу Агафію Семеновну Грушецкую, что бракосочетаніе происходило безъ всякаго великолѣпія и царской дворъ оставался нѣсколько дней недоступнымъ¹. Въ расходныхъ дворцовыхъ запискахъ этого времени находимъ имена избранныхъ невѣстъ, которымъ послѣ государь выдалъ подарки: „14 августа 1680 г. великаго государя жалованья дано дѣвицамъ, которыя были въ выборѣ въ прошломъ въ 188 г. въ іюль мѣсяцѣ.

По зарбану сереброму, да по отласу, да по камкѣ, мѣрою по 10 аршинъ: Боярина князь Ѳед. Ѳед. Куракина двумъ дочерямъ, княжнѣ Аннѣ Ѳед., да княжнѣ Марфѣ Ѳедор. Боярина Ивана Богдановича Хитрово дочери Василисѣ Ивановнѣ. Окольничаго кн. Данила Степановича Великаго — Гагина. Отвозилъ Думный дворянинъ Никита Ивановичъ Акпифовъ.

По объяри мѣрою по 5 арш., по камкѣ мѣрою по 10 арш.: Стольниковъ: князь Никиты княжъ Иванова сына Ростовскаго. (Взялъ Василій Ѳокинъ Грушецкой). Князь Семена Княжъ Юрьева сына Звенигородскаго дочери. Ѳедора Иванова сына Головленкова дочери. Петра Андреева сына Измайлова дочери. Ивана Поликарпова сына Полтева дочери. Михаила Тимофеева сына Измайлова (дочери). Онофрей Денисьева дочери. Отвозилъ къ нимъ дьякъ Корнила Петровъ.

Объяри по 5 аршинъ, камки по 10 аршинъ: князь Алексѣя княжъ Юрьева сына Звенигородскаго дочери его княжнѣ (про-

¹ Берха, Царств. Ѳедора Алекс., 84.

былъ). Викулы Ѳедорова сына Извольскаго дочери ево. Исаа (проб.) Квашнина дочери ево. Петра Иванова сына Вердеревскаго дочери ево. Князь Семена князь Иванова сына Лвова дочери ево княжѣ. Князь Володимира княжѣ (проб.) сына Волконскаго дочери ево княжѣ. Алексѣя (проб.) Кирѣвскаго дочери ево. Отвозилъ дьякъ Ѳедоръ Казанцевъ.

И всего имъ государева жалованья дано четыре зарбава цѣна имъ 101 рубль; отласовъ сорокъ аршинъ; объярей 70 арш.; камокъ 180 аршинъ¹.

Изъ исторіи царскихъ невѣстъ уже достаточно обнаруживается, что страхъ порчи долженъ былъ преслѣдовать личность царицы каждую минуту и на всякомъ мѣстѣ. Онъ отравлялъ ея счастливые дни излишними и въ большинствѣ случаевъ пустыми, но тѣмъ не менѣ очень тягостными подозрѣніями. Въ ея домашнемъ быту порча являлась всемогущимъ страшилищемъ, изъ власти котораго невозможно было освободиться, не смотря ни на какія предосторожности и строгости, которыми съ такою заботливостію старались оградить себя отъ этого лиха. Но кромѣ порчи для царицы существовало еще страшилище, отравлявшее ея жизнь, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, быть можетъ еще въ большей степени. Имя этому новому страшилищу было „неплодіе“.

Существо женской личности, возводимой изъ ничтожества на высокую степень царскаго сана, заключалось, по понятіямъ времени, въ одномъ неизмѣнномъ ея призваніи, въ *чадородіи*. Царица должна была выполнить это существенное свое призваніе, для цѣлей котораго она и выбиралась съ великою осмотрительностію изъ цѣлой толпы красавицъ. Она должна была дать наслѣдника царю и царству. Въ этомъ заключался главный, основной смыслъ ея царственнаго положенія. Никакого другаго смысла въ ея личности не признавали и не сознавали государственныя стремленія, государственныя положенія жизни, для которыхъ, поэтому личность царицы являлась полною жертвою. Но должно замѣтить, что не одни государственныя стремленія опредѣляли такимъ образомъ идею женской личности. На томъ стояли и стремленія родовыя. Здѣсь государственныя цѣли вполнѣ

¹ Арх. Ор. Пал. № 536.

совпадали съ цѣлыми родовыми, по той причинѣ, что государство, созданное родовой идеею, держалось тою же формою жизни, какою держался и родъ. Въ рускомъ древнемъ обществѣ, какъ мы уже говорили, женская личность возвышалась, когда своимъ плодомъ чрева доставляла, такъ сказать, растительное движеніе роду, когда дѣлалась основою его дальнѣйшаго развитія именно въ лицѣ наследника роду, придавая тѣмъ самымъ, въ образѣ *матери* вдовы, даже общественный смыслъ и общественное значеніе своей слабой личности. На оборотъ, она принималась до сироты, до лица безправнаго, она теряла настоящий смыслъ своего существованія, если не надѣялась на Бога плодомъ чрева, въ которомъ воплощался бы корень рода. Безчадіе вообще было несчастіемъ и даже въ общественномъ мнѣніи почиталось не малымъ заворонъ для женской личности; но и чады женскаго пола не приносили родителямъ и особенно отцу полнаго счастья. Чады женскаго пола всетаки упраздняли существованіе рода; не ими продолжался родъ; выходя замужъ, они терялись въ чужихъ родахъ; съ ними погибало даже имя рода. Только мужской полъ былъ корнемъ рода, поддержкою, опорой родителей, представителемъ ихъ общественнаго значенія, ихъ имущественнаго и нравственнаго достоинства. Вотъ почему, въ старое время, мужья очень нелюбовно смотрѣли на своихъ женъ, когда не было у нихъ чадородія мужеска пола. Тогда несчастныя жены обращались къ единому утѣшенію, къ усердной молитвѣ. Съ великимъ плачемъ и рыданіемъ до иступленія ума, какъ говорятъ различныя сказанія о такихъ обстоятельствахъ, онѣ молились дома и въ церквахъ, да подастъ имъ Господь „прижити чадо мужеска полу“. Очень часто и мужья раздѣляютъ съ ними эту сердечную скорбь, непрестанно молясь вмѣстѣ съ ними, предпринимая обѣтныя путешествія по монастырямъ къ св. угодникамъ и чудотворцамъ. Являются многія примѣры чудесныхъ дѣйствій усердной и умиленной молитвы.... Мать Александра Каргопольскаго Фотинія, оскорбляемая дряхлымъ мужемъ за безчадіе, который говаривалъ ей, что стало быть есть въ ней „зазоръ иѣкій, рекше грѣхъ“, усердно и много разъ молится о рожденіи сына въ Кириллобѣлозерскомъ монастырѣ, сподобляется святаго видѣнія, по которому и исполняется ея благочестивое моленіе. Такимъ же образомъ исполняется моленіе о дарованіи сына и матери преп. Александра Свирскаго Василиссѣ, молившейся о томъ въ Введенскомъ Остро-

скомъ монастырѣ. Молитвою Александра Свирскаго даруетъ Богъ чадю мужеска пола нѣкому боярину Тимофѣю Апрѣлеву, который приходилъ къ нему съ великимъ моленіемъ и рассказывая свою скорбь, помянулъ, „что ради безчадія жена моя поносима была и оскорбляема мною, многаяжды же и біема отъ меня бываше“. Въ другой разъ „человѣкъ нѣкій отъ града Корельскаго именемъ Іаковъ“, — притекаетъ со слезами ко гробу св. Александра, прося, да подастъ Богъ его молитвами плодъ чрева мужеска полу и отъ единого прикосновенія къ ракъ преподобнаго познаетъ въ себѣ силу упованія и надежды, что его молитва будетъ услышана. Черезъ годъ у него рождается отроча мужеска полу.

Эти сказанія могутъ служить достаточнымъ свидѣтельствомъ, въ какой степени было всегда сильно желаніе родителей имѣть наслѣдника мужскаго пола.

Благочестивые люди прибѣгали къ молитвѣ, уповали на милость Божию. Но много разъ случалось, что мужъ безплодную жену уговаривалъ обыкновенно идти въ монастырь, и даже насильно постригалъ ее въ монахини, а самъ женился на другой. Само собою разумѣется, что все это дѣлалось въ высшихъ, въ знатныхъ или же въ богатыхъ слояхъ общества, гдѣ поддержка и продолженіе рода были во многихъ отношеніяхъ задачею жизни.

Если такъ было въ частномъ быту, то на царскомъ престолѣ этотъ вопросъ становился въ дѣйствительности однимъ изъ важнѣйшихъ, особенно въ московскую эпоху нашей исторіи, когда изъ многихъ княжествъ возникло единое царство съ единымъ самодержавнымъ государемъ во главѣ всей земли, съ единымъ идеаломъ освященной самодержавной власти; когда сверхъ того эта власть признается наслѣдственною въ одномъ лишь царственномъ колѣнѣ. Понятно, какое значеніе получали въ царской семьѣ заботы о наслѣдникѣ мужскаго пола; понятно, почему и личность царицы приносилась всецѣло въ жертву этой государственной идеѣ. Наслѣдникъ мужеска пола является здѣсь не только корнемъ рода, но и корнемъ государства. Домашняя исторія московскихъ государей представляетъ много подробностей о тѣхъ скорбяхъ и заботахъ о мужскомъ наслѣдствѣ, въ какихъ нерѣдко проходили цѣлые годы ихъ брачной жизни.

Вторая супруга в. к. Ивана Васильевича, Софья Ѳоминышна Палеологъ, вступила съ нимъ въ бракъ въ ноябрѣ 1473 года.

Само собою разумѣется, она очень желала укрѣпить на Московскомъ престолѣ свое племя. Хотя у в. князя и былъ уже наслѣдникъ государству, сынъ первой его жены, Марья Тверской, Иванъ, называемый въ отличіе отъ отца Молодымъ, но для Софьи очень важно было имѣть и своего наслѣдника, если не государству, такъ собственному хозяйству, наслѣдника собственной независимости и самостоятельности, чего черезъ дочерей достигнуть было невозможно.

Между тѣмъ въ первые годы Богъ давалъ этому браку одинъхъ только дочерей, которыхъ въ 1476 г. было уже три: Елена, Θεодосія и опять Елена; затѣмъ цѣлый годъ прошелъ бездѣтно.

Великій князь съ супругою стали много скорбѣть объ этомъ, молились Богу, „дабы даровалъ имъ сынове родити въ наслѣдіе царствію своему“. Великая княгиня по благому совѣту мужа не помедлила совершить обѣтное путешествіе къ Чудотворцу Сергію, въ Троицкій монастырь, пѣшкомъ, усердно моля „о чадородіи сыновъ“. Подъ монастырскимъ селомъ Клементьевымъ, когда великая княгиня, продолжала оттуда путь къ самой обители, и шла въ удоіе, т. е. въ долину, лежащую подъ самымъ монастыремъ, она внезапно узрѣла святолюбнаго инока, шедшаго ей на встрѣчу и „имуща въ руцѣ отроча млада, мужескъ полъ, котораго внезапно и вверже въ нѣдра великой княгини, и затѣмъ невидимъ бысть“. Княгиня возтрепетала отъ такого чуднаго видѣнія, стала изнемогать и къ землѣ преклоняться. Сопровождавшія ее боярыни бросились къ ней на помощь въ ужасѣ, не понимая, что могло съ ней случиться. Она съѣла, ощупывала руками въ своей пазухѣ „вверженнаго отрочати“ и не нашла его. „Уразумѣ быти посѣщенію великаго Чудотворца Сергія“, — встала и съ великою надеждою продолжала свой путь въ монастырь. Тамъ она провела всѣ дни въ умиленной и многой молитвѣ, братію любочестными брашны учредила, и съ радостію возвратилась въ Москву. „И отъ того чудеснаго времени зачатся во чревѣ ея богодарованный наслѣдникъ русскому царствію“. 25 марта 1479 г. родился ей благомудреный сынъ великій князь Василій — Гавріилъ, который и крещенъ былъ въ Троицкомъ же монастырѣ у чудотворныхъ мощей Преподобнаго Сергія. Эту повѣсть объявилъ впослѣдствіи митрополитъ Іоасафъ, который слышалъ ее изъ устъ самого

чудомъ рожденнаго великаго князя Василя. Послѣ того Союзъ имѣла еще нѣсколькихъ сыновей ¹.

Первый бракъ того же самаго Василя на Соломанидѣ Юрьевнѣ Сабуровой, избранной какъ выше сказано изъ множества дѣвицъ, былъ очень несчастливъ именно по бездѣтству великой княгини. Онъ совершился въ началѣ сентября 1505 г., когда в. князю было уже 26 лѣтъ. По тогдашнемъ обычаямъ это былъ самый поздній бракъ. И вотъ прошли двадцать лѣтъ, Богъ не благословлялъ дѣтьми этого супружества. Ни молитвы, ни обѣты, ни богомольныя путешествія по монастырямъ не были благословлены рожденіемъ чада. Не помогло и волхвованіе, къ которому не разъ тайно обращалась великая княгиня, чувствуя свое безвыходное горе, спасая себя, свое положеніе, возстановляя любовь мужа, которая годъ отъ году все больше охлаждала. Была великая причина этой не любви мужа къ своей неплодной супругѣ — небыло прямаго наследника царству, которое по смерти Василя должно было перейти въ руки его братьевъ, неумѣвшихъ, по его словамъ и своихъ удѣловъ управить. Было, слѣд. о чемъ подумать и поскорбѣть. Естественнымъ путемъ должна была придти мысль о разводѣ съ неплодною женою и бракъ съ другою, болѣе счастливою супругою. Однажды, въ великой кручинѣ о своей неплодной супругѣ, ѣхалъ в. князь на богомолье ли или для потѣхи ², на охоту, и увидѣвши на деревѣ птичье гнѣздо, горько заплакалъ. „Сотвори плачь и рыданіе велико: о горе мнѣ бездѣтному! Кому я себя уподоблю! къ кому могу приравнять себя! Вотъ птицы небесныя — и онѣ плодовиты! и звѣри земныя — и тѣ плодовиты! и вода плодовита: она играетъ волнами, въ ней плещутся и веселятся рыбы! Господи! и къ этой землѣ я не могу приравнять себя, — она приноситъ плоды на всякое время!“

Этотъ плачь близокъ уже былъ къ рѣшенію дѣла. Возвратившись осенью изъ путешествія, государь началъ думать съ своими боярами о великой княгинѣ, что неплодна, и съ плачемъ говорилъ имъ: „кому по мнѣ царствовать въ Русской землѣ? братьямъ ли оставлю, но братья и своихъ удѣловъ не

¹ Книга Степенная II, стр. 136.

² Въ лѣтописи сказано: поѣхъ въ *объѣздъ*, а *объѣздомъ* назывались по преимуществу богомольные походы въ Троицкій и другіе отдаленные монастыри.

когда митрополитъ въ монастырѣ совершалъ ея постриженіе; никакъ не хотѣла надѣвать кукуль; вырвала его изъ рукъ митрополита, бросила на землю и топтала ногами. Иванъ Шигона, одинъ изъ самыхъ приближенныхъ людей государя, въ негодованіи на такую дерзость, сталъ ее жестоко бранить и ударилъ даже плетью, сказавши: Какъ ты смѣешь сопротивляться волѣ государя и медлить исполненіемъ его приказанія?— А тебѣ кто далъ право бить меня?— восклицала Соломонія. — Я исполняю государево повелѣніе, отвѣтилъ Шигона. — Тогда въ несказанной скорби несчастная объявила предъ всѣми, что ее постригаютъ насильно, что нѣтъ ея желанія идти въ монастырь и молила Бога отомстить за ея обиду.

Ее постригли съ пменемъ Софьи, въ Москвѣ, въ Рождественскомъ дѣвичьемъ монастырѣ; постригалъ не митрополитъ, а игуменъ Никольскаго Старога монастыря Давидъ. Послѣ ее отправили въ Суздальскій Покровскій монастырь, гдѣ она и оставалась до кончины. В. князь надѣлилъ ее, послѣ своей женитьбы, особою вотчиною, селомъ Вышеславскимъ съ деревнями и со всѣми угодьями ¹.

Причиною развода, какъ указано лѣтописцемъ, не было исключительно одно только неплодіе. Его облекли въ немощь, въ болѣзнь, о которой былъ даже розыскъ, слѣдственное дѣло. Въ числѣ разныхъ бумагъ царскаго архива, при Иванѣ Грозномъ, сохранялись „*списки*“: сказка Юрья Малова и Степаниды Резанки и Ивана Юрьева сына Сабурова и Машки Корѣленки (вѣроятно колдуньи) и иныхъ, про немочь великія княгини Соломониды“ ². Изъ этого дѣла до насъ дошелъ отрывокъ, именно сказка Ивана Сабурова, брата Соломоніи, весьма живо характеризующая и личность и безвыходное положеніе несчастной царицы. Сабуровъ 23 ноября 1525 г. разсказалъ слѣдующее: говорила мнѣ великая княгиня: есть жонка, Стефанидою зовутъ, Рязанка; а нынѣ на Москвѣ; и ты ее добудь, да ко мнѣ пришли. Я отыскалъ Стефаниду, зазвалъ сначала къ себѣ на дворъ, и потомъ послалъ ее къ великой княгинѣ съ своею жонкою Настею; и та Стефанида была у великой княгини; и Настя сказывала мнѣ, что Стефанида *воду наговаривала и смачивала ею великую княгиню*; да и смотрѣла ее на брюхѣ и сказывала, что

¹ Карамз. VII, стр. 280.

² Акты Арх. Эксп. I, 339.

у великой княгини дѣтямъ не быть. А послѣ того пришелъ я къ великой княгини и она мнѣ сказывала: присылалъ ты ко мнѣ Стефаниду и она у меня смотрѣла, сказала, что у меня дѣтямъ не быть; наговаривала мнѣ воду и смачиваться велѣла для того, чтобъ князь великій меня любилъ; наговаривала воду въ рукомойникъ и велѣла мнѣ смачиваться тою водою; а когда понесутъ къ великому князю сорочку и порты и чехолъ и она мнѣ велѣла изъ рукомойника тою водою, смочивъ руку, да хватывать сорочку, порты и чехолъ и всякое другое бѣлье. — Мы хаживали къ великой княгини, прибавилъ Сабуровъ, за всякимъ государевымъ бѣльемъ, и в. княгиня, развернувъ сорочку или другое бѣлье в. князя, да изъ того рукомойника и смачивала то платье. — Сабуровъ еще разсказалъ случай: „говорила мнѣ великая княгиня: сказали мнѣ про одну черницу, что она дѣти знаетъ, (а сама безъ носа); и ты мнѣ добудь ту черницу. Розыскалъ я и эту черницу; пришла она ко мнѣ во дворъ и наговаривала, не помню, масло, не помню, медъ прѣсной, да и посылала къ великой княгини съ Настею и велѣла ей тѣмъ тереться для тогожъ, чтобъ ее князь великій любилъ да и для дѣтей. Послѣ того я и самъ былъ у в. княгини; она мнѣ сказывала: приносила мнѣ отъ черницы Настя, и я тѣмъ терлась“. Да что мнѣ и говорить, примолвилъ Сабуровъ, мнѣ того не изпамятовать, сколько ко мнѣ о тѣхъ дѣлахъ жонокъ и мужиковъ прихаживало“¹.

Это была другая, тайная сторона дѣйствій, желаній и исканій царидъ, дабы излѣчить немощь своего неплодія. По суевѣрію вѣка заботы помочь себѣ знахарствомъ, волшебю или радомъ съ усердными молитвами, обѣтными богомольями, вкладами по монастырямъ и церквамъ, переплетался, такъ сказать, съ благочестивыми подвигами, вызываемыми одною и тою же цѣлью получить силу чадородія и тѣмъ привлечь любовь государя.

Должно замѣтить, что въ тотъ вѣкъ знахарство и волшебство или вѣдовство, какъ область реальныхъ практическихъ, хотя бы и младенческихъ знаній о разныхъ силахъ естества и тайнахъ природы, не смотря на то, что были отречены и прокляты, всегда и повсемѣстно были принимаемы, какъ обычное врачество матеріальное, вещественное, которое невозможно было миновать людямъ, искавшимъ вещественной же помощи въ сво-

¹ Акты Истор. I, 192.

ихъ недугахъ, тѣлесныхъ и сердечныхъ. Вѣдуны и вѣдьмы прежде всего были лѣкаря и лѣкарки, — врачи. Они сами такъ понимали свою спеціальность, такъ понималъ ее и народъ. Но это было врачество мірское, знаніе отреченное, противное врачеству духовному по той причинѣ, что оно утверждало свои дѣйствія тайнами сего міра, уклонялось отъ дѣйствій, благословенныхъ и указанныхъ церковью, ставило самочинно въ противность тайнамъ благословеннымъ свои грѣховныя, бѣсовскія тайны. Вмѣсто словъ молитвы оно ставило слова заговора или наговора и усердно вѣровало съ силу этихъ словъ; вмѣсто благословенныхъ и освященныхъ дѣйствій, (см. выше стр. 230, 231), оно ставило дѣйствія нечестивыя и усердно ожидало отъ нихъ помощи. Но какъ бы ни было, подъ этою мистическою оболочкою оно хранило дѣйствительныя познанія естества, которыя дѣйствительно въ иныхъ случаяхъ врачевали, изцѣляли недуги и тѣмъ всегда оживляли и поддерживали народное вѣрованіе въ особенныя силы вѣдовства. Оттого въ народныхъ понятіяхъ естественное врачество не было отдѣляемо отъ волшебства и врачи не только по профессіи, но даже и именемъ не различались отъ волхвовъ. Такъ одно поучительное слово касательно волшбы запрещаетъ „къ врачамъ ходити“, т. е. къ волхвамъ, которыхъ русскій писецъ XVI в. отождествилъ съ врачами и на оборотъ ¹. Самое слово: *вѣдовство*, *знахарство*, должно показывать, что въ основѣ волхвованія лежала идея реальныхъ знаній о природѣ, прикрытыхъ лишь мистическою оболочкою, суевѣріемъ, которыми прикрывалось въ тѣ вѣка всякое знаніе и вообще наука. Вотъ почему, не смотря на гоненія со стороны врачества освященнаго, не смотря на сожженія волхвовъ и вѣщихъ женокъ, мірское отреченное волшебство оставалось все таки великою силою въ жизни народа и къ нему въ трудныхъ и безвыходныхъ обстоятельствахъ по необходимости прибѣгалъ всякій, искавшій себѣ помощи, не исключая даже и гонителей.

Послѣ развода съ Соломонією Василій избралъ себѣ въ вѣсты княжну Елену Глинскихъ, дочь умершаго поповыѣзжаго князя Василя Львовича Темнаго-Глинскаго, изъ рода знатнаго, но иноземнаго, литовскаго, который измѣнивъ литовскому королю, вскорѣ измѣнилъ было и Москвѣ въ лицѣ своего головы,

¹ Лѣтопись занятій Археограф. Комиссіи 1864 г., стр. 84.

роднаго дяди избранной невѣсты, князя Михаила Львовича. Неизвѣстно, какъ происходило избраніе государевой невѣсты; но вѣроятно обычнымъ же порядкомъ, т. е. повсемѣстнымъ собраніемъ всѣхъ тогдашнихъ красавицъ, изъ которыхъ больше всѣхъ полюбилась княжна Елена, жившая у матери, вдовы Анны. Надо замѣтить, что несчастный дядя невѣсты, Михаилъ Глинскій, былъ воспитанъ въ Германіи, долго тамъ жилъ, находясь въ службѣ у герцога Саксонскаго Албрехта и у императора Максимилиана въ Италіи, прославился военными заслугами и былъ преданъ нѣмецкимъ обычаямъ, которыхъ безсмыслины держались и его братья, Иванъ и Василій, отецъ невѣсты. Такимъ образомъ и Елена была воспитана въ средѣ болѣе или менѣе иноземной, въ обычаяхъ, которые быть можетъ многимъ и къ лучшему отличали невѣсту отъ ея сверстницъ и соперницъ, что и должно было остановить на ней выборъ государя ¹.

О *свадебникахъ*, такъ назывался въ народѣ рождественскій мясоѣдъ, 28 января 1526 г., Василій обвѣнчался съ новою супругою — „оженися, яко гѣпо бѣ царемъ женитися“, т. е. съ подобающимъ царскому сану торжествомъ и веселіемъ. Во время свадьбы извѣстный впослѣдствіи наперсникъ Елены, молодой князь Иванъ Ѳеодоровичъ Овчина-Телепневъ-Оболенскій находился вмѣстѣ съ своимъ отцомъ кн. Ѳеодоромъ Васильевичемъ въ числѣ самыхъ довѣренныхъ и приближенныхъ къ государю свадебныхъ чиновъ. Отецъ его по свадебному разряду занялъ тогда очень важную должность конюшаго: ему „велѣно быти у государева коня и ѣздити весь столъ и вся ночь кругъ подклѣта (спальни новобрачныхъ) съ саблею голою или съ мечемъ“. Сынъ находился въ числѣ дѣтей боярскихъ четвертымъ у брачной постели, вмѣстѣ съ дворовыми боярынями, вдовами ближнихъ бояръ Челяднинныхъ, Еленою и Аграфеною. Последняя была ему сестра, и потомъ была избрана въ мамы къ новорожденному малюткѣ Грозному. Сверхъ того ему тогда же было назначено: „колпакъ держати у великаго князя и спати у постели и въ мыльнѣ мытися съ великимъ княземъ“, что обыкновенно поручалось самымъ приближеннымъ, такъ сказать домашнимъ, комнатнымъ людямъ. Такимъ образомъ сердечная связь Елены съ Овчиною, какъ его обыкновенно называли,

¹ Каранз. И. Г. Р. т. VII, 11, 84.

объясняется давнишнимъ приближеніемъ его семейства къ государевой комнатѣ, и особенно черезъ Аграфену Челяднину, его сестру, которая была за мужемъ за Васильемъ Андреевичемъ Челяднинымъ, государевымъ дворецкимъ († 1518 г.) братомъ государева конюшаго Ивана Челяднина и сыномъ тоже государева конюшаго, Андрея Челяднина, который былъ въ этомъ чинѣ еще при отцѣ в. князя Василія. Знатный чинъ конюшаго давался только самымъ близкимъ, любимымъ и заслуженнымъ людямъ. Незадолго передъ кончиною великаго князя и Овчина получилъ званіе конюшаго.

Враги великаго князя, неодобрявшіе его второй бракъ, тотчасъ же распустили молву, что бывшая супруга, теперь монахиня, Соломонія, беременна и скоро разрѣшится. Герберштейнъ рассказываетъ, что „этотъ слухъ подтверждали двѣ боярыни, жены близкихъ къ государю людей, именно вдова казначея Юрья Молово Траханіота (Варвара) и жена постельничаго Якова Мансурова ¹. Онѣ говорили, что слышали отъ самой Соломоніи о ея беременности и близкихъ родахъ. Великій князь очень смутился этою молвою, удалилъ изъ дворца обѣихъ боярынь, а вдову Траханіота приказалъ даже выслать за то, что она раньше не донесла ему объ этомъ. Онъ послалъ въ монастырь къ Соломоніи разузнать дѣло на мѣстѣ своихъ дьяковъ Третьяка Ракова и Меншого Путятина. Чѣмъ окончилось изслѣдованіе, намъ неизвѣстно. Герберштейнъ, продолжая свой рассказъ, говоритъ что въ его бытность въ Москвѣ выдавали за истину, что Соломонія родила сына, именемъ Юрья, и никому его не показывала. Когда къ ней явились посланные узнать истину, она, будтобы, сказала имъ: вы недостойны того, чтобы глаза ваши видѣли ребенка; а вотъ когда онъ облечется въ свое величіе (станетъ царемъ), то отомститъ за оскорбленіе матери“. Но нѣкоторые рѣшительно невѣрили, что Соломонія дѣйствительно родила. И такимъ образомъ этотъ слухъ остался сомнительнымъ, замѣчаетъ Герберштейнъ. Во всякомъ случаѣ сказка очень любопытна. Она характеризуетъ стремленіе бо-

¹ Юрій Траханіотъ умеръ въ 1513 г., а Мансуровъ пожалованъ въ постельничіе въ 1514 г., умеръ въ 1520 г. Такъ отмѣчено въ спискѣ бояръ (Вивл. XX, 17, 20). Между тѣмъ имя Якова Мансурова является въ свадебномъ разрядѣ при бракосочетаніи в. князя съ Еленою въ 1526 г., гдѣ ему назначено за саньми в. княгини идти и ходить въ хоромѣхъ и у платья в. княгини. Вивл. XIII, 16.

ярской и вообще дворской среды и на самомъ дѣлѣ есть крамольная попытка внести смуту и въ государеву семью и въ государство, первая попытка поставить самозванца, которая, какъ порожденіе деспотизма и самовластія олигарховъ — правителей въ послѣдствіи развилась органически въ самыхъ широкихъ размѣрахъ — и возражалась мгновенно, при всякомъ смутномъ государственномъ обстоятельстве.

Вступивъ во вторичный бракъ единственно только съ политическою цѣлью дать государству наслѣдника, великій князь освятилъ этотъ бракъ въ самомъ началѣ молитвою о чадородіи. Черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы, 4 марта, назначая въ Новгородѣ архіепископомъ своего любимца, архимандрита Можайскаго монастыря Макарія, Василій, поручилъ ему, какъ пріѣдетъ на паству, „въ октеньяхъ молити Бога и Пречистую Богоматерь и чудотворцевъ, о себѣ и о своей княгинѣ Еленѣ, чтобы Господь Богъ далъ имъ плодъ чрева ихъ“, о чемъ дѣйствительно и молились по всей епархіи въ церквахъ и монастыряхъ ¹.

Въ концѣ года великій князь совершилъ богомольный походъ въ Тихвинъ, къ Тихвинской Богоматери, куда пріѣхалъ вмѣстѣ съ владыкою Макаріемъ, 24 декабря, въ навечеріе праздника Рождества Христова, пробылъ тамъ три дня и три ночи, молился „о здравіи и о спасеніи и чтобы ему Господь Богъ даровалъ плодъ чрева.... великую вѣру и умильное моленіе показалъ ко всемілостивому Спасу и Пречистой Богородицѣ и къ Ихъ Угодникамъ; показалъ многую милость къ печальнымъ людямъ, которыя въ его государевой опалѣ были, многія монастыри милостынями удоволилъ“.... ²

Но прошло и еще почти два года, а Господь не благословлялъ дѣтьми и этого брака. Осенью 1528 г. Великій князь проживъ до Филипповскихъ заговѣвъ въ Новой Александровой слободѣ, предпринялъ оттуда новый богомольный походъ по монастырямъ, къ чудотворцамъ, вмѣстѣ съ великою княгинею; былъ въ монастыряхъ: Переяславскихъ, Ростовскихъ, Ярославскихъ, на Бѣломъ озерѣ въ Кирилловѣ монастырѣ, на Кубенскомъ озерѣ, въ Спасо-Каменномъ монастырѣ, вездѣ милостыню великую давалъ и потѣшеніе по монастырямъ и въ городъ посылалъ; а велѣлъ молиться о чадородіи, чтобы далъ Богъ *отродѣ*

¹ И. С. Р. Л. IV, 296. Акты Истор. I, 532.

² И. С. Р. Л. VI, 283.

у него былъ. Въ Переяславѣ основывалъ тогда свой монастырь препод. Даниилъ, ученикъ Пафнутія Боровскаго. Посѣтивъ св. старца „паче мимошедшихъ лѣтъ простиралъ къ нему свою любовь: близъ себѣ сѣдѣти повелѣваше; для него освобождалъ повинныхъ отъ смерти; завѣщалъ поставить въ монастырѣ каменную церковь во имя св. Троицы, для чего и запасъ къ церковному зданію послалъ.... И бывши у преподобнаго въ монастырѣ — братскаго хлѣба изволилъ вкусити, также и отъ кваса монастырскаго пия, бѣ бо квасъ вельми преепростъ.... но радостнаго умиленія исполнялся самодержецъ, и какъ нѣкоею надеждою огражденъ, возвращался въ свой царскій домъ. Иногда же посылалъ въ монастырь къ преподобному Даниилу и повелѣвалъ къ себѣ принести хлѣба и квасу братскаго, также и къ царицѣ своей, и вкушалъ съ вѣрою. И сладостно и полезно вѣняшеся имъ.... Вел. князь, по словамъ любимца его Макарія, „не умалялъ подвига въ молитвѣ, не сомнѣвался отъ долгаго времени своего безчадства, не унывалъ съ прилежаніемъ просить, не переставалъ расточать богатство нищимъ, путешествуя по монастырямъ, воздвигая церкви, украшая св. иконы, монаховъ любезно упокоивая, всѣхъ на молитву подвизая, совершая богомольные походы по далечайшимъ пустынямъ, даже пѣшкомъ, вмѣстѣ съ великою княгинею и съ боярами; всегда на Бога упованіе возлагая, вѣрою утверждаясь, надеждою веселясь.... желаше бо по премногу отъ плода чрева его посадити на своемъ престолѣ въ наслѣдіе роду своему....”¹

Такимъ образомъ четыре съ половиною года протекли въ непрестанныхъ моленіяхъ, въ непрестанныхъ подвигахъ благочестія и милосердія. Въ послѣднее время съ особенною вѣрою супруги прибѣгали въ своихъ молитвахъ къ препод. Пафнутію Боровскому. Молитва была услышана: Господь внялъ стенаніямъ и слезамъ супруговъ и „разверзе союзъ неплодства ихъ“. 25 августа 1530 г. была великая неизреченная радость вел. князю и вел. княгинѣ и всему московскому государству: въ этотъ день Богъ даровалъ государю сына Ивана, *молитвенный плодъ*, столько времени и съ такою горячностью ожидаемый не только родителями, но и всѣми друзьями государя и государства. Въ 1584 г. рязанскій епископъ Леонидъ свидѣтельствовалъ предъ царемъ Ѳеодоромъ Ивановичемъ, какъ о дѣлѣ всѣмъ извѣстномъ,

¹ Степ. кн. II, 205.

что „по прошенію и по моленію преподобнаго Пафнутія чудотворца далъ Богъ наслѣдника царству и многожеланнаго сына отцу. (А. И. I, № 216). Это утверждается еще и тѣмъ, что воспріемниками отъ купѣли новорожденнаго царевича были избраны ученики преп. Пафнутія, Даніилъ Переяславскій и Кассіанъ, по добродѣтели прозванный Босымъ, собесѣдникъ преп. Іосифу Волоколамскому. Крещеніе происходило въ Троицесергіевомъ монастырѣ, у мощей преп. Сергія, общаго учителя и наставника, гдѣ Даніилъ своими руками носилъ младенца во время литургіи и къ причастію св. Тайнъ. Благочестивое и богомольное настроеніе мыслей указало, что рожденіе царственнаго младенца не было просто, какъ инымъ случается. Оно примѣтило, что „когда отроча во чревѣ матерни растяше, то печаль отъ сердца человѣкамъ отступаше; когда отроча во чревѣ матерни двигалось—то стремленіе иноплемленной рати на царство низлагалось. (Здѣсь разумѣется, вѣроятно, удачный походъ на Казань, весною тогоже года ¹). Разсказывали также, что в. княгиня во время своей беременности, яко бысть близъ роженія, спросила одного юродиваго Дементія, кого она родить. Онъ, юродствуя, отвѣчалъ: родится Титъ — широкій умъ. Она еще больше стала молиться, чтобъ исполнилась ея надежда. За девять дней до роженія, въ Успеневъ день, служили іереи обѣдню, вовсе не вѣдая, что в. княгиня уже непраждна. Когда на ектеніи среди обычныхъ моленій о царѣ и о его царицѣ, слѣдовало произнести, *еже подати имъ плодъ чрева*, — одинъ клирикъ внезапно, яко сномъ объять, возгласилъ: *и о благородномъ чадѣ ихъ*“ и въ пѣзменіи оглядывалъ другихъ служащихъ, желая знать о имени царскаго отрока; затѣмъ, опомнившись, произнесъ уже обычныя слова ². Богодарованному отроку наречено имя: Иванъ, „еже есть усѣкновеніе Честныя Главы“, сказано въ лѣтописи, обозначавшей день памяти Крестителя.

Ни одному царскому роженію не придавали такого великаго значенія и особеннаго смысла, какъ этому роженію будущаго грознаго царя. Лѣтописцы записали, что будто бы въ часъ его роженія по всей Русской землѣ внезапно былъ страшный громъ, блистала молнія, какъ бы основаніе земли поколебалось; — послѣ узнали, что въ тотъ часъ родился государь Иванъ Васильевичъ.

¹ Степ. кн. II, 209.

² Степ. кн. II, 237.

Черезъ два года съ небольшимъ, 30 октября 1532 года, родился у Елены другой сынъ Юрій, восприемникомъ котораго тоже былъ Даніилъ Переяславскій. За тѣмъ, 3 декабря 1533 г., великій князь скончался, оставивъ по себѣ двухъ малолѣтнихъ наслѣдниковъ.

Царь Иванъ Васильевичъ женился первымъ бракомъ на Анастасіи Романовой, на семнадцатомъ году, 3 февраля 1547 г. Богъ не благословилъ ихъ дѣтьми въ первыя два года супружества. По благочестивому примѣру отцовъ, молодые супруги стали усердно молиться о своемъ неплодіи.

21 іюня 1548 г. (когда прошло уже 16 мѣсяцевъ, а наслѣдника у царицы небыло), въ послѣднюю недѣлю Петрова поста, государь со многимъ желаніемъ и съ великою вѣрою совершаетъ обѣтное богомолье къ Троицѣ пѣшкомъ съ царицею и съ братомъ. Съ тоюже по всему вѣроятію мыслью о чадородіи и царица особливо предпринимаетъ, 14 сент., новое богомолье къ Троицѣ, также пѣшкомъ, по обѣщанію. Черезъ недѣлю, за нею выѣхалъ въ монастырь и самъ государь. Спустя годъ послѣ этого обѣтнаго богомолья, 10 авг. 1549 г., у супруговъ родилась дочь Анна. Государь такъ былъ обрадованъ рожденіемъ дѣтяти, что тогдаже въ Новодѣвичьемъ монастырѣ заложилъ обѣтный храмъ во имя Іоакима и Анны; слушалъ тамъ всенощную и заутреню и на утро другаго дня, 18 августа, освятивъ этотъ обыденный храмъ, крестилъ въ немъ новорожденную дочь. Черезъ годъ, однакожъ, младенецъ скончался. Другая дочь, Марья, родившаяся 17 марта 1551 г., также скончалась младенцемъ. На слѣдующій годъ (1552) 11 октяб. родился сынъ Дмитрій въ то самое время, какъ царь окончилъ такъ счастливо завоеваніе Казанскаго Царства. Радость его о рожденіи наслѣдника была неизреченна. Связывая значеніе *казанскаго взятъя* съ побѣдою надъ Мамаемъ, онъ далъ сыну имя въ память прародителя Дмитрія Ивановича Донскаго, перваго побѣдителя Татаръ. По пріѣздѣ изъ похода въ Москву государь вмѣстѣ съ царицею возилъ новорожденного въ Троицкій монастырь къ крещенію. Потомъ, весной слѣдующаго года царь повезъ съ собою младенца даже въ Кирilloвъ монастырь, на Бѣлоозеро, когда отправился туда молиться вмѣстѣ съ царицею, по случаю своего выздоровленія отъ болѣзни. Но къ великой горести родителей, младенецъ скончался на возвратномъ ихъ пути въ Москву, въ іюнѣ 1553 г.

Царь и царица зельною печалію объаты быша и сугубо скорбаше, понеже неимуще ни единого чада. Снова предпринимають они богомольный походъ по чудотворцамъ, молятся въ Ростовѣ у великаго святителя Леонтія, прося у Бога чадородія въ наслѣдіе своему царству; молятся въ Переяславлѣ у гроба преподобнаго Никиты и у честныхъ его веригъ; молятъ со слезами св. Никиту, какъ благонадежнаго ходатая къ Богу. Молитвами угодника Богъ отнялъ скорбь отъ ихъ сердца. Тогожъ дни придоша въ градъ Переяславль и въ царскомъ дому своемъ обрадованно почиша. И ту царица зача во чревѣ своемъ. И оттуду придоша въ царствующій градъ Москву, веселящеся, благодаряще Бога. Егда же пріспѣ время, родился имъ благодарованный сынъ (1554 г. марта 28) и нареченъ бысть отчимъ именемъ царевичъ Иванъ. Потомъ родился царю царица Евдокия, 1556 февр. 26, и царевичъ Феодоръ, 1557 мая 11. Царица на третьемъ году скончалась (въ іюнь 1558 г.); сыновья же, какъ извѣстно, достигли совершеннаго возраста. Но видимо ихъ здоровье сохранено надолго молитвами и заступленіемъ тогоже Угодника Божія преподобнаго Никиты. Однажды, когда царевичъ Иванъ былъ уже по второму году, царица по обыкновенію отдыхала, а царевичъ у кормилицы сидѣлъ на колыняхъ. Внезапно кормилица слышитъ позади себя, на лавкѣ, воду клокочущую въ оловянномъ сосудѣ. Кормилица въ испугъ вскочила съ царевичемъ, подумавши, что сосудъ *проутлился* т. е. протекъ; а въ сосудѣ сохранялась вода, взятая изъ кладези святаго Никиты. Тутъ была представница мама царевича Фотинья. Она тотчасъ приняла къ себѣ царевича на руки, взяла потомъ сосудъ, и „паки возгремъ вода въ сосудѣ“ въ рукѣ Фотиньи, такъ что даже сама собою открылась крышка и кипящая вода потекла изъ сосуда, исходя *двумя источниками* (быть можетъ намекъ на двухъ сыновей царя). Благоразумная Фотинья, разумѣя, что это благодать Божія, принимала рукою кипящую воду и возливала ее на главу и на лице и на все тѣло царевича, приговаривая: „буди сіе Божіе милосердіе на многолѣтнее здравіе и радость благороднымъ твоимъ родителямъ и тебѣ государю и всему вашему царству“. Проснулась и сама царица. **Рассказали** ей все, какъ было. Взяла она сосудъ въ свои руки и **паки** воскипѣ вода и возливалась на руцѣ ея». Царица **благодатную** ту воду возлила на свое лице и на перси. Умыла **лицо** тою водою и всѣ живущіе тамъ (во дворцѣ): видѣша бла-

годать Божию, дивляхуся, славяще Бога и великаго въ чудесѣхъ Никиту. Возвѣщено же бысть чудо сіе и великому государю ¹. Подтверженіемъ этому сказанію можетъ служить то обстоятельство, что спустя 2 года по рожденіи царевича Ивана, 1 сент. 1556 г. царь съ царицею и съ сыномъ, предпринявъ обычный походъ къ Троицѣ, проѣхалъ оттуда въ Переяславль къ Никитѣ чудотворцу и повелѣлъ игумену общину содѣлать и велий монастырь соградиша.... Извѣстно, что въ XVII ст., въ числѣ домовыхъ, сѣнныхъ храмовъ и престоловъ на царицыной половинѣ дворца, существовалъ и придѣлъ Никиты Переяславскаго, устроенный по всему вѣроятію еще при Грозномъ, въ особенное уваженіе къ покровительству св. угодника Никиты. Онъ находился въ храмѣ св. Лазаря, въ нижнемъ этажѣ сѣнной царицыной церкви Рождества Богородицы.

Въ одно время, какъ царь Иванъ Вас. вступалъ въ седьмой и послѣдній свой бракъ, онъ женилъ и младшаго своего сына Ѳеодора на сестрѣ Бориса Годунова, Иринѣ Ѳеодоровнѣ, весною 1580 года. Ѳеодору въ это время было уже 23 года. Разсказываютъ, что отецъ рѣшился женить его по той причинѣ, что у старшаго его брата Ивана не было дѣтей, что слѣд. царскій родъ могъ остаться безъ наслѣдника. Простой умомъ и болѣзненный тѣломъ Ѳеодоръ однакожъ не былъ способенъ укрѣпить на престолѣ царскій корень. Ирина же Ѳеодоровна, подобно Соломоніи, испытала несчастіе бездѣтства, которое не повлекло за собою развода единственно только потому, что въ наслѣдники царства шелъ уже твердою стопою ея братъ Борисъ. Въ первые года этого брака и самъ Годуновъ очень заботился о чадородіи сестры, ибо тѣмъ только онъ и могъ твердо держаться у царскаго престола. Въ 1585 году онъ поручаетъ англичанину Горсею развѣдать у ученыхъ англійскихъ докторовъ о средствахъ „къ зачатію и нарожденію дѣтей“, и привести въ Москву „докторницу, искусную во врачеваніи женскихъ болѣзней и безчадіи“. Горсей выпрашивалъ мнѣній и наставленій ученыхъ врачей оксфордскихъ, кембриджскихъ и лондонскихъ, и наконецъ просилъ королеву (Елизавету) отправить съ нимъ въ Россію опытную повивальную бабку. Повивальная бабка была приве-

¹ Исторія о казанскомъ царствѣ, Спб. 1791, 262.

Царь и царица зельною печалію объаты быша и сугубо скорбяше, понеже немоще ни единого чада. Снова предпринимають они богомольный походъ по чудотворцамъ, молятся въ Ростовѣ у великаго святителя Леонтія, прося у Бога чадородія въ наслѣдіе своему царству; молятся въ Переяславѣ у гроба преподобнаго Никиты и у честныхъ его веригъ; молятъ со слезами св. Никиту, какъ благонадежнаго ходатая къ Богу. Молитвами угодника Богъ отнялъ скорбь отъ ихъ сердца. Тогожъ дни придоша въ градъ Переяславъ и въ царскомъ дому своемъ обрадованно почиша. И ту царица зача во чревѣ своемъ. И оттуду придоша въ царствующій градъ Москву, веселящеся, благодаряше Бога. Егда же пріспѣ время, родися имъ благодарованный сынъ (1554 г. марта 28) и нареченъ бысть отчимъ именемъ царевичъ Иванъ. Потомъ родися царю царица Евдокія, 1556 февр. 26, и царевичъ Феодоръ, 1557 мая 11. Царица на третьемъ году скончалась (въ іюнѣ 1558 г.); сыновья же, какъ извѣстно, достигли совершеннаго возраста. Но видимо ихъ здоровье сохранено надолго молитвами и заступленіемъ тогоже Угодника Божія преподобнаго Никиты. Однажды, когда царевичъ Иванъ былъ уже по второму году, царица по обыкновенію отдыхала, а царевичъ у кормилицы сидѣлъ на когтяхъ. Внезапно кормилица слышитъ позади себя, на лавкѣ, воду влопочущую въ оловянномъ сосудѣ. Кормилица въ испугѣ вскочила съ царевичемъ, подумавши, что сосудъ *проутлился* т. е. протекъ; а въ сосудѣ сохранялась вода, взятая изъ кладези святаго Никиты. Тутъ была приставница мама царевича Фотинья. Она тотчасъ приняла къ себѣ царевича на руки, взяла потомъ сосудъ, и „паки возгремѣ вода въ сосудѣ“ въ рукѣ Фотиньи, такъ что даже сама собою открылась крышка и кипящая вода потекла изъ сосуда, исходя *двумя источниками* (быть можетъ намекъ на двухъ сыновей царя). Благоразумная Фотинья, разумѣя, что это благодать Божія, принимала рукою кипящую воду и возливала ее на главу и на лице и на все тѣло царевича, приговаривая: „буди сіе Божіе милосердіе на многолѣтнее здравіе и радость благороднымъ твоимъ родителямъ и тебѣ государю и всему вашему царству“. Проснулась и сама царица. Разказали ей все, какъ было. Взяла она сосудъ въ свои руки и „паки воскипѣ вода и возливашеся на руцѣ ея“. Царица благодатную ту воду возлила на свое лице и на перси. Умывались тою водою и всѣ живущіе тамъ (во дворцѣ): видѣша бла-

годать Божию, дивляхуся, славяще Бога и великаго въ чудесѣхъ Никиту. Возвѣщено же бысть чудо сіе и великому государю ¹. Подтверженіемъ этому сказанію можетъ служить то обстоятельство, что спустя 2 года по рожденіи царевича Ивана, 1 сент. 1556 г. царь съ царицею и съ сыномъ, предпринявъ обычный походъ къ Троицѣ, проѣхалъ оттуда въ Переяславль къ Никитѣ чудотворцу и повелѣлъ игумену общину содѣлати и велій монастырь соградиша.... Извѣстно, что въ XVII ст., въ числѣ домовыхъ, сѣнныхъ храмовъ и престоловъ на царицыной половинѣ дворца, существовалъ и придѣлъ Никиты Переяславскаго, устроенный по всему вѣроятію еще при Грозномъ, въ особенное уваженіе къ покровительству св. угодника Никиты. Онъ находился въ храмѣ св. Лазаря, въ нижнемъ этажѣ сѣнной царицыной церкви Рождества Богородицы.

Въ одно время, какъ царь Иванъ Вас. вступалъ въ седьмой и послѣдній свой бракъ, онъ женилъ и младшаго своего сына Ѳеодора на сестрѣ Бориса Годунова, Иринѣ Ѳеодоровнѣ, весною 1580 года. Ѳеодору въ это время было уже 23 года. Разсказываютъ, что отецъ рѣшился женить его по той причинѣ, что у старшаго его брата Ивана не было дѣтей, что слѣд. царскій родъ могъ остаться безъ наслѣдника. Простой умомъ и болѣзненный тѣломъ Ѳеодоръ однакожъ не былъ способенъ укрѣпить на престолѣ царскій корень. Ирина же Ѳеодоровна, подобно Соломоніи, испытала несчастіе бездѣтства, которое не повлекло за собою развода единственно только потому, что въ наслѣдники царства шелъ уже твердою стопою ея братъ Борисъ. Въ первые года этого брака и самъ Годуновъ очень заботился о чадородіи сестры, ибо тѣмъ только онъ и могъ твердо держаться у царскаго престола. Въ 1585 году онъ поручаетъ англичанину Горсею развѣдать у ученыхъ англійскихъ докторовъ о средствахъ „къ зачатію и нарожденію дѣтей“, и привести въ Москву „докторицу, искусную во врачеваніи женскихъ болѣзней и безчадія“. Горсей выпрашивалъ мнѣній и наставленій ученыхъ врачей оксфордскихъ, кембриджскихъ и лондонскихъ, и наконецъ просилъ королеву (Елизавету) отправить съ нимъ въ Россію опытную повивальную бабку. Повивальная бабка была приве-

¹ Исторія о казанскомъ царствѣ, Спб. 1791, 262.

зена въ 1586 г. ¹ Но она не только не была допущена къ царицѣ, но даже и не привезена въ Москву. Ее задержали въ Вологдѣ; тамъ она, какъ сосланная, жила цѣлый годъ и потомъ уже отпущена въ Англію. Возвратившись на родину, бабка подала въ московское торговое англійское общество просьбу на Горсея, въ которой требовала съ общества проторей 100 фунтовъ стерлинговъ, объяснивъ притомъ, что Горсей обманулъ королеву, сказавъ будтобы царица Ирина при выѣздѣ его изъ Россіи была въ пятомъ мѣсяцѣ своей беременности, между тѣмъ какъ ее въ теченіе цѣлаго года и не потребовали къ царицѣ.

Обманывалъ ли въ самомъ дѣлѣ Горсей королеву или, чему трудно повѣрить, бабка выписывалась Годуновымъ лишь для того, что царица Ирина „со времени своего супружества часто бывала беременна“, — дѣло темное, какъ и многое множество дѣлъ тогдашняго вѣка. Извѣстно, что Горсей былъ самымъ преданнымъ услужникомъ Годунова, который за то и оказывалъ ему необычайныя ласки и милости ².

Горсея послѣ обвинили, и даже хотѣли повѣсить, за то между прочимъ, что привезъ въ Россію повивальную бабку для царицы, онъ тѣмъ оскорбилъ честь царицы. Но повидимому все оскорбленіе состояло лишь въ томъ, что этому дѣлу королева по недоразумѣнію дала излишнюю гласность.

Заботы Годунова о чадородіи царицы — сестры, въ первое время ея брака, являлись насущною необходимостью для сохраненія и укрѣпленія его положенія при царскомъ лицѣ. Онъ тѣмъ болѣе были необходимы, что по нѣкоторымъ, весьма вѣроятнымъ сказаніямъ, царь Иванъ Васильевичъ оставилъ завѣщаніе, что если Ирина, черезъ два года (послѣ его смерти) не будетъ матерью, то Федору развестись съ нею и жениться на другой. Сверхъ того не желалъ и народъ бездѣтнаго царскаго супружества. Дѣйствительно, года черезъ два или три по вступленіи на царство Федора, составилъ заговоръ противъ самовластнаго временщика. Митрополитъ Діонисій, бояре Шуйскіе и ихъ сторонники, а также гости и всѣ люди купеческіе

¹ Въ то же время вмѣстѣ съ Горсеемъ выѣхалъ вторично въ Москву и англійскій докторъ Робертъ Якобъ, котораго рекомендовала царицѣ Ирина сама королева, какъ весьма искуснаго врача и особенно знающаго женскія всякія болѣзни и родильныя болѣзни всякія лучше иныхъ *свѣд.* Истор. медик. I, 298, 405.

² Отеч. Зап. 1859, сент. Сказанія англичанина Герсея о Россіи.

сошлись на совѣтъ и рукописаніемъ утвердили бить челомъ государю, чтобъ онъ „чадородія ради второй бракъ принялъ, а первую свою царицу Ирину Ѳед. отпустилъ бы въ иноческій чинъ“¹. Общимъ совѣтомъ была избрана бездѣтному государю и невѣста, сестра боярина князя Ѳед. Ив. Мстиславскаго, княжна Ирина Ивановна. Годуновъ скоро успѣлъ разсѣять вмѣстѣ съ людьми и самую память объ этомъ предпріятіи. Невѣсту тайно увезли изъ дому и постригли въ монахини². Между тѣмъ царица продолжала молиться о чадородіи. Въ 1589 г. послѣ торжества поставленія перваго въ Москвѣ патріарха Іова, Константинопольскій патріархъ Іеремія, вмѣстѣ съ прочимъ духовенствомъ, былъ приглашенъ и въ палату къ царицѣ, благословить ее. Когда совершилась эта церемонія, то на средину палаты вышелъ почтенныхъ лѣтъ бояринъ и возгласилъ патріарху, чтобы онъ помолился о здравіи и благополучіи царя и царицы и просилъ бы Господа Бога о дарованіи имъ наследника. Съ тою же просьбою обратился старецъ и ко всѣмъ спутникамъ патріарха, которые всѣ громкимъ голосомъ стали молить Бога о исполненіи желанія царицы. Вслѣдъ за тѣмъ и сама царица „съ большимъ чувствомъ и со слезами просила духовенство молиться усерднѣе Господу о дарованіи ей наследника. Всѣ плакали, ибо очень были тронуты этою мольбою царицы и возсылали еще разъ самыя усердныя моленія, заключивъ ихъ словами: Пошли ей, Всемогуцій Господи, то, что для нея самое важное, а именно, наследника ея царству“³. Наконецъ въ Іюнь 1592 г. царица разрѣшилась дочерью Ѳеодосіею, которая вскорѣ и скончалась. Въ 1595 г. царь Ѳедоръ померъ безъ наследника. Съ нимъ прекратился и родъ царя Ивана Васильевича, московскій царскій родъ, обезсплѣвшій и совсѣмъ угасшій въ борьбѣ съ боярскими родами, которымъ съ этой минуты открылся желанный путь къ царскому престолу.

¹ Кар. X. 46, пр. 147.

² Старица княжна Ирина Ивановна Мстиславская при царѣ Михаилѣ жила вмѣстѣ съ его матерью Марѳою Ивановною въ Вознесенскомъ монастырѣ и пользовалась большимъ уваженіемъ при дворѣ, являясь на торжественные пиры къ столамъ царицы Евдокии Лукьяновны.

³ Чтенія Общ. Н. и Д. 1863, 2, стр. 252.

Въ XVII ст., въ родѣ Романовыхъ, царицы, къ ихъ счастію, не испытали особенныхъ печалей неплодія. Но заботы о чадахъ мужеска пола не покидали и ихъ. Кодлинскъ рассказываетъ слухъ, что еслибы супруга Алексѣя, царица Марья Ильична Милославскихъ, не разрѣшилась, послѣ 4 дочерей, вторымъ царевичемъ Θεодоромъ, то и она была бы пострижена въ монастырь. Такъ, вѣроятно, соображало общественное мнѣніе въ то время, хорошо помнившее прежніе событія въ царской семьѣ.

Вторая супруга царя Михаила, Евдокья Лукьяновна Стрѣшневыхъ, послѣ не совсѣмъ благополучныхъ родовъ царевичемъ Василиемъ, который вскорѣ померъ, въ теченіи шести лѣтъ (1639—1645 г.), до самой смерти царя, оставалась безчадною. Царица, по свидѣтельству современниковъ, съ того времени „была передъ прежнимъ скорбна и межъ супругами въ ихъ государскомъ здоровьи и въ любви стало не по прежнему“.... Супруги молились и великую вѣру показали къ препод. Александру Чудотворцу Свирскому, коего св. мощи были обрѣтены въ теченіе тѣхъ же лѣтъ, въ 1641 году. Царь въ 1643 г. устроилъ для мощей Чудотворца богатую серебряную раку, а царица „устроила швеннымъ художествомъ своими руками, со благородными своими чады (дочерьми), цвѣтныхъ синеть на плащаницѣ образъ св. Живоначальныя Троицы и преподобнаго отца Александра, и украсила золотомъ и серебромъ и бисеромъ (жемчугомъ) со драгимъ каменіемъ, и повелѣла положити на многочудесныя мощи преподобнаго“....